

УДК 316.4 ББК 66.3 Р11

Рыклин М.

Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. М.: Издательство "Логос". 2006. -208 с.

ISBN 5-8163-0078-4

© Михаил Рыклин, 2006.

© Издательство "Логос" (Москва), 2006 (серия "VS.").

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие. Непрошенная повесть ...5

Глава 1. Звук и ярость. "Осторожно, религия!": события и документы

1. Выставка	...37
2. Разгром выставки	...41
3. Месячник ненависти	...44
4. События апреля - августа 2003 г.	...54
5. Оправдание погромщиков	...56
6. Затишье перед боем: сентябрь - декабрь 2003 г.	...58
7. Предъявление обвинения по делу № 4616	...60
8. Суд. Эпизод первый	...68
9. "Встать, суд идет!" Ноябрь 2004 - март 2005 гг.	...69
10. Прения сторон. 2 марта 2005 г.	...75
11. Приговор	...81
Глава 2. Право ненавидеть. "Осторожно, религия! ": комментарии	
Мандат на нетерпимость. Дискуссии после погрома	...89
Музей как "пространство Бога"	... 109
Погромология: новая наука	... 116 "Холокоста на вас нет!", или Как "евреи"
разожгли	
в России антисемитизм	... 127
Художник говорит с Богом	... 147 "Именем Российской Федерации..."
Приговор по делу № 4616	... 156 Подводя итоги.
Дело о "кошунстве" в историческом контексте	... 175
Post scriptum. Дело № 4616 год спустя	... 195

ПРЕДИСЛОВИЕ: НЕПРОШЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Писать эту книгу не входило в мои планы. Она вызревала спонтанно, по мере того как события вокруг выставки "Осторожно, религия!" набирали обороты, приобретая все более системный и зловещий характер. Признаюсь честно, они заставляли меня и моих друзей врасплох. У нас не было опыта жизни при зарождении политических режимов. Становление СССР приходилось на молодость поколения наших дедов; мы же выросли в закрытом, но достаточно предсказуемом обществе, где игра велась по известным правилам. Специфика зарождающихся режимов состоит в том, что даже ближайшие их метаморфозы трудно предвидеть, так как из-за отсутствия прецедентов мы лишены возможности судить по аналогии. События постоянно нас опережают, а как только мы догоняем их, опять вырываются вперед, и мы вновь оказываемся позади, в положении догоняющего. На каждом витке спирали мы испытываем новые, неожиданные переживания, свыкаемся с тем, что еще недавно казалось невозможным, немыслимым, непредставимым. Но проходит неделя; на горизонте маячит что-то еще более непредставимое, и процесс запускается сначала. Эти переживания относятся к разряду репрессивных. Привыкание к ним отнимает у нас часть духовного мира, то есть свободы.

Многое в последние годы происходит в нашей жизни впервые.

До погрома выставки "Осторожно, религия!" у московской художественной среды не было подобного опыта и сопровождающих его переживаний. До начала кампании ненависти мы не могли представить себе, что о современном искусстве возможно говорить и писать в ярко выраженной параноидальной тональности. До "Обращения" Госдумы к генеральному прокурору самое живое воображение было не в силах представить,

6

Михаил Рыклин

что такое возможно. До решения Замоскворецкого суда об оправдании погромщиков выставки мы не знали, что нечто подобное бывает в государстве, именуемом себя правовым. До знакомства с экспертизой по делу № 4616 никому в голову не приходило, что мнения людей, не скрывающих своей ненависти к современному искусству, могут приобрести научный статус и лечь в основу уголовного обвинения. До начала процесса в Таганском суде никто не был в состоянии предположить, что он выльется в антисемитскую оргию, что для прекращения антисемитских выступлений придется вызывать милицию, что государственное обвинение примет на нем сторону антисемитов и будет именовать их не иначе как "глубоко верующими". И силу любого воображения превзошло то, что 2 марта 2005 года прокуратура потребовала для всех трех обвиняемых реальных сроков заключения, да еще попросило суд принять решение об уничтожении конфискованных работ художников.

Со всеми описанными событиями были связаны в конкретные моменты времени сильные переживания, с каждым из которых доступная нам сфера духа сокращалась. После погрома в печати появлялись все более свирепые статьи, чьи авторы проклинали художников, называли их "агрессивными уродцами", требовали посадить в тюрьму без суда и следствия, а погромщиков прославляли как героев, заступившихся за поруганную веру. Правильной реакцией на это крещендо ненависти было по советским понятиям принятие позы покорности; в крайнем случае происходящее можно было осудить в частном порядке. Публичное же возмущение подобными писаниями оказалось, как выяснилось потом, уголовно наказуемым деянием. Тот, кто отваживался протестовать после того, как Дума приняла сторону погромщиков, рассматривался как бунтовщик. Тогда, весной 2003 года, моя жена - и не она одна - наивно полагала, что, собирая подписи против пышущих ненавистью публикаций, она выступает против недобросовестных журналистов, подстрекаемых частью клерикальных кругов. Нас не отрезвила даже помпезная церемония предания

анафеме участников выставки "Осторожно, религия!", показанная телекомпанией "Рус-Свастика, Крест, Звезда

7

ский дом"; священники в торжественном облачении проклинали тогда художников вместе с другими "еретиками", включая отлученного в свое время от церкви Льва Толстого.

Как наивны мы были тогда, всего два года тому назад!

Выставка была заклеена как проявление "сознательного сатанизма", направленного против православия и всего русского народа. Тогда мы не считывали антисемитский подтекст этих обвинений.

За последние пятнадцать лет у меня и моей жены после многих лет жизни и работы в западных странах в определенной мере атрофировались верноподданнические инстинкты, которые вновь оказались востребованными в тот момент, когда из граждан мы стали превращаться в подданных очередного российского автократа. Мы, как и многие другие, заплатили за уверенность в том, что имеем гарантированные законом права и можем протестовать против их нарушения.

Решение писать эту книгу я принял в январе 2004 года, когда мою жену, поэтессу и художницу Анну Альчук, вместе с Юрием Самодуровым и Людмилой Василевской обвинили в уголовном преступлении, разжигании национальной и религиозной розни. О том, почему на роль подсудимой из сорока участников выставки выбрали именно ее, можно только догадываться (на этом я остановлюсь ниже), но абсурдность обвинения с самого начала представлялась очевидной.

Тогда у меня было ощущение, что когда-то я о чем-то подобном уже читал. Спустя некоторое время меня осенило, что сходная ситуация описывается в романе Лиона Фейхтвангера "Успех".

Известного искусствоведа, еврея, сажают в тюрьму по абсурдному обвинению. Сначала кажется, его вот-вот освободят. За него вступается энергичная баварская девушка. Обвинение настолько нелепо, что никто не верит в возможность обвинительного приговора. Когда искусствоведа признают виновным, это представляется недоразумением, которое скоро разрешится. Министр обещает Иоханне Крайн (упомянутой девушке) заступиться за ее протеже. Но какие-то непреодолимые обстоятельства мешают ему это сделать; срок выполнения обещания

8

Михаил Рыклин

все время откладывается. В итоге искусствовед по фамилии Крюгер, посаженный в тюрьму по нелепому обвинению (правда, не в экспонировании автопортрета нагой женщины, а в лжесвидетельстве), так и не выходит на свободу - он умирает от сердечного приступа в крепости неподалеку от Мюнхена. Хотя действие романа приходится на Веймарский период, его местом является Бавария, колыбель национал-социализма, и в нем уже чувствуется возрастающее влияние этой силы на ход событий. Баварское общественное мнение консервативно, а менее консервативные силы, хотя и возмущены несправедливостью, не имеют достаточного влияния, тем более что буква закона в деле Крюгера вроде бы соблюдена. Фактически ему мстят за его художественные вкусы, но формально он осужден за дачу ложных показаний, другими словами, в его деле не нарушена по крайней мере форма, с которой в современной России власти уже позволяют себе не считаться.

Атмосфера романа "Успех" в чем-то похожа на нашу нынешнюю ситуацию. В романе есть персонаж, являющийся прототипом Гитлера; после "пивного путча" он попадает в тюрьму, где у него нет отбоя от влиятельных посетителей, засыпающих его подарками, а через год он выходит из тюрьмы как триумфатор. В деле Сахаровского центра, как и в романе Фейхтвангера, с самого начала присутствует элемент безнадежности: правовая основа в нем отсутствует даже в большей мере, чем в деле Крюгера, но есть сильное религиозно-националистическое социальное настроение, есть вековая привычка к авторитаризму, есть патологическая разобщенность разных слоев общества. Все это дает фантому преступления возможность длиться, обрести плоть, ожить и становиться реальным. На этом примере видно, как из ничего производится вина, как при определенных обстоятельствах легко, не нарушив закона, оказаться на скамье подсудимых.

После того как мою жену обвинили в уголовном преступлении, мы почувствовали, как некоторые знакомые стали избегать нас, реже звонить. Другие делали вид, что дело не стоит выеденного яйца. На вернисажах они подходили к жене со сло-

Свастика, Крест, Звезда

9

вами: "Ну как, вся эта глупая история уже позади?" - и, узнав, что процесс не только продолжается, но его участников запугивают и оскорбляют, мрачнели и переводили разговор на нейтральную тему. Человек, ставший носителем навязанной ему вины, страдает не только от предъявленного ему обвинения, но и от того, что его начинают действительно считать если не виновным, то по крайней мере своими действиями спровоцировавшим обвинение, давшим повод к нему.

В нынешней российской ситуации соблести ментальную гигиену и дистанцироваться от внутренней речи, обвинительной по отношению к жертвам, очень непросто. После погрома никто не заклеил митрополита Кирилла, депутатов Госдумы или журналистов, разносивших в пух и прах выставку, которую они не удосужились посмотреть. Зато у многих возникли претензии к куратору выставки "Осторожно, религия!" Зулу-мяну. Другими словами, задним числом жертва срачивается с навязанным ей преступлением, несет ответственность за него. Возникает цепь взаимных подозрений.

Впрочем, у нынешней жертвы возникает еще одна проблема, отсутствовавшая в более кровавые сталинские времена: ей завидуют, о ней говорят, что она себя "пиарит", занимается саморекламой. Завидующие хотят пожинать последствия поступков, которые они не совершали. С одной стороны, ничто не должно нарушать "праздника жизни", участие в котором предполагает все возрастающую долю конформизма, с другой - каждому хотелось бы, чтобы его рассматривали как непредсказуемую творческую личность.

Нынешние условия игры на московском арт-рынке в чем-то жестче, чем в позднесоветские времена, когда андеграунд обладал аурой гонимости в глазах внешнего мира. Сейчас этого нет. Утративший свой статус член арт-среды взамен подчас не получает ничего. Выпадение из среды воспринимается им как деградация без какой-либо компенсации, в том числе и символической; поэтому его стремятся избегать любой ценой. Мысль о том, что погром был пиаровской акцией самих художников была впервые озвучена на пресс-конференции в Са-

10

Михаил Рыклин

харовском центре атлетического вида личностью, представившейся как корреспондент несуществующей газеты "Стенка на стенку или мордой об лед". Этот похожий на оперативника человек начал с вопроса: "Сколько вы, никому не известные художники, заплатили за эту рекламную акцию?" (Пресс-конференция состоялась на следующий день после того, как митрополит Кирилл назвал выставку преступлением). Когда одна из участниц выставки спросила "корреспондента": "Должны ли мы благодарить за рекламу митрополита?" - тот быстро перевел разговор на другую тему.

Если бы после погрома арт-среда вступила за свое право на язык - по сути дела за свое право на профессию, - Самодурову, Василевской и Альчук не пришлось бы месяцами "пиариться" в Таганском суде. Но чем больше она склонна к конформизму, тем больше у отдельных личностей шансов помимо их воли обрести амбивалентный (нежелательный в одном смысле и вызывающий зависть в другом) статус жертвы. Отстаивая художники свое право на язык, Анну Альчук никто бы не заметил; ведь в московской арт-среде есть свои признанные лидеры, и она отнюдь не принадлежит к их числу.

Москва при нынешних ценах на природные ресурсы - богатый город, и современное искусство стремится извлечь из этого определенную выгоду. Но политические условия получения денег за последние годы ужесточились, по сути, они все чаще оказываются несовместимыми с критической дистанцией. Многим лидерам московской арт-среды в результате приходится делать вид, что они не понимают радикальности происходящих изменений. "Show must go on", — говорят они, то есть "праздник жизни" должен продолжаться при любых обстоятельствах. Параллельно с делом о выставке "Осторожно, религия!" рядом с Таганским судом как ни в чем не бывало проходила Первая Московская биеннале современного искусства, в которой принимали участие и авторы наиболее "кощунственных" работ. В одном из параллельных миров современное искусство отождествлялось государственными обвинителями с "сознательным сатанизмом", а в другом звучали речи о том, какие благоприят-

Свастика, Крест, Звезда

11

ные условия для его развития созданы в Москве, ставшей наконец-то по-настоящему европейским городом. Естественно, участники биеннале не хотели слышать, что об их творчестве говорят на суде.

Если непосредственно после разгрома, когда случившееся представлялось хулиганской выходкой прихожан храма Святителя Николая в Пыжах, названных его настоятелем протоиереем Александром Шаргуновым "алтарниками" (то есть мирянами, помогающими священнику при богослужении), выставку еще защищали, то после всероссийского месячника ненависти, развязанного в масс-медиа, протесты были на время подавлены.

Даже защитники выставки постоянно подчеркивали ее исключительно низкий профессиональный уровень. Получалось, что разгромленное изначально не имело художественной ценности.

Несмотря на все усилия принизить значение выставки "Осторожно, религия!", на ее нулевой бюджет, именно эта выставка стала крупным событием. Хотя другие выставки имели и несравненно больший бюджет, и профессиональных кураторов, и куда более известный состав участников, ничего даже отдаленно сравнимого с ней по социальному резонансу создать не удалось. Анонимное кураторство и проходной состав участников лишь оттеняли ее значение как события. "Осторожно, религия!" попала в самую уязвимую точку российской духовной ситуации, причем попала случайно, незапланированно. Церковные иерархи и деятели культуры, депутаты Думы и правозащитники, Генпрокуратура и мировое общественное мнение оказались соучастниками этого события. После него событийность конвенционально понятого искусства, продукта, производимого арт-средой, неизбежно падает.

"Карнавальные" последствия погрома лежат на поверхности. Он сломал иерархии, создававшиеся в московской художественной среде десятилетиями. "Алтарники" проявили своеобразный "демократизм" невежества, залив краской и разорвав работы как известных художников: Александра Косолапова,

12

Михаил Рыклин

Елены Елагиной, Олега Кулика, Авдея Тер-Оганяна, Ирины Вальдрон, Германа Виноградова, Валерия Орлова, Александры Митлянской, Татьяны Автошиной, так и их менее известных коллег. Погром как бы

уравнял всех, и это, конечно, неслучайно: ведь громились не отдельные работы, громилось само право актуального искусства высказываться на тему религии, а в более широком смысле его право на критический язык вообще. Этим невольным "демократизмом" отчасти объясняется вялая реакция арт-среды на эту, как выразился один известный арт-критик, "грязную историю". Зулумян как куратор не имел в глазах этой среды ни малейшего веса, половина участников не были известны. Многие кураторы, владельцы галерей, арт-критики не увидели своего места в этом событии и предпочли либо проигнорировать его, либо огрызнуться в его сторону. Здесь, видимо, сказался не только страх перед погромными силами, разразившимися прямо на глазах, но и боязнь раствориться в этом событии, потратить на него свои годами выращиваемый авторитет.

Уйдя в глухую оборону, художественное сообщество тем более ревниво охраняет сложившиеся в более свободные горбачевские и ельцинские времена иерархии, консервирует заслуги, отстаивает привилегии и прерогативы. В активной фазе развития оно относилось ко всему этому куда более снисходительно, но, оказавшись загнанным в гетто, проявило ригидность. Сложившиеся в более динамичные времена иерархии - по сути основной ресурс, которым это сообщество располагает, и, похоже, для него не имеет особого значения, что "пиар" навязывается жертве недобровольно, что она охотно обошлась бы без него. К тому же в нынешней России нет ничего легче, чем оказаться на месте жертвы.

Если в 90-е годы такими художниками, как Олег Кулик и Александр Бренер, прощупывались пределы терпимости общества к радикальным жестам, и обнаружить их было не легко, то в последние пять лет, когда градус общественной терпимости резко снизился, даже невинные художественные высказывания имеют фатальные последствия. Да, люди, разгромившие выс-
Свастика, Крест, Звезда

13

тавку, в чем-то повторяют жест Александра Бренера (разрушение работ других художников), а действия "Идущих вместе" напоминают работы арт-группы "Радек". Художественная анархия, содержащая элементы социальной критики, превратилась в охранительную деструктивность, спонсируемую и поддерживаемую государством, - таково отличие времени правления первого президента России от времени правления второго.

На выборах 2003-2004 годов государство, располагая гигантским административным ресурсом, впервые со времени распада СССР не прибегло к услугам художников для формирования имиджей кандидатов.

Утратившее политическое значение искусство вновь стали метить древним опознавательным знаком репрессии.

18 января 2003 года и последовавшие за ним события явились первой масштабной "зачисткой" на территории современного искусства и правозащиты. До этого в московской культурной среде бытовала иллюзия, что "зачистки", ставшие рутиной в далекой Чечне, нас не касаются. Отныне мы почувствовали себя как люди из кафковского рассказа "Ночью", которым мнилось, что они "спят в домах, на прочных кроватях, под прочной крышей"; на самом деле они лежали в поле, на голой, холодной земле, "положив голову на локоть". Чечня была незаметно интe-риоризована и перенесена в Москву; "алтарники" и их покровители действовали на основании необъявленного чрезвычайного положения, а мы оказались в положении людей, чьи кровати из теплых квартир внезапно вынесли на улицу. Люди культуры дольше других позволяют себе оставаться в неведении относительно истинного положения дел; тем более травматичным оказывается первое соприкосновение с ним, пробуждение.

Чеченская война - кошеево яйцо нынешней российской власти, без ее прекращения с ней ничего поделать невозможно - распад публичной политики и порабощение общества, именуемые "контролируемой демократией", будут продолжаться. Поскольку эксцесс является частью новой социальной нормы, внутреннего одичания не избежать. В ситуации замалчиваемой войны, т. е. необъявленного чрезвычайного положения утрата пра-

14

Михаил Рыклин

ва на современную культуру, к сожалению, практически неизбежна; общество начинает жить по упрощенным законам.

Итак, российская прокуратура сделала моей жене "новогодний подарок" в виде уголовного обвинения в разжигании межнациональной и религиозной розни. После кануна 1980 года, когда началась афганская война, встреча 2004 года была самой мрачной в нашей жизни. Надо было свыкнуться с новым положением гонимых. Друзья давали нам много советов; но большинство из них понимало ситуацию хуже нас, и мы вряд ли могли этими советами воспользоваться. 6 января 2004 года, в день моего рождения, следовательно взял с Анны Альчук подписку о невыезде. Началась полуторогодовая эпопея, включавшая в себя следствие, суд, приговор и его утверждение судом высшей инстанции.

Настроение испортилось еще больше, когда я ознакомился с экспертизой по делу Сахаровского центра. Трудно было приучить себя к мысли, что передо мной документ, имеющий научный статус в уголовном процессе; он был прямой противоположностью того, чем должен был быть: крайне субъективными и пристрастными излияниями шести православных фундамен-талистов. Одна из экспертов призналась потом на суде, что собственно научную часть они добавили в самом конце работы, по настоянию следователя. Найти иголку в стоге сена было намного легче, чем подобрать экспертов, которые столь дружно ненавидят

современную культуру. Включение в состав экспертов хотя бы одного специалиста по современному искусству сделало бы обвинение невозможным, и, как мы потом узнали, все подобные кандидатуры были безжалостно отменены "кураторами" этого дела. В политическом подтексте дела теперь уже сомневаться не приходилось: такие экспертизы писались разве что в советские времена - правда, не с религиозных, а с атеистических позиций; и использовались они как орудие расправы с тогдашними диссидентами. Защитник Анны Альчук, молодой, способный адвокат Сергей Насонов, с самого начала сказал, что обвинение достаточно серьезное, что надо собрать опровержения показаний (а на са-

Свастика, Крест, Звезда
15

мом деле простых оговорок), данных на предварительном следствии. Пришлось обращаться к художникам, эти оговорки сделавшим. Они были смущены; никто из них не представлял, что обычная передача слухов (кстати, часто спровоцированная следователями) превратится в уголовное обвинение. Ситуация усугублялась еще и тем, что обвинение предъявил один следователь, а передать дело в суд предстояло другому. Тут нас ждал еще один сюрприз. Следователь, впоследствии подписавшая обвинение, сказала жене - вещь совершенно немыслимая в советские времена, - что не считает ее виновной, что она спорила по ее поводу со своим предшественником, который обосновал решение привлечь Альчук словами: "она слишком много звонила". Ее "вина" действительно состояла в том, что она по телефону известила о выставке нескольких подруг. Все остальное было бредом, который следствие даже не пыталось доказывать, видимо, не без основания полагая, что в таком случае дело окончательно рассыпется.

Не менее абсурдным было и обвинение Самодурова с Васильевской, вся "вина" которых состояла в том, что они работали в Сахаровском центре и в их должностные обязанности входила организация выставок. В остальном их участие в организации выставки "Осторожно, религия!" было чисто формальным, и, конечно, даже намек на намерение кого-то оскорбить в их действиях не прослеживалось.

Адвокат Юрий Шмидт, руководивший защитой, попросил воздержаться от дачи показаний на этапе предварительного следствия. Он считал контрпродуктивной дачу показаний по вопиюще неконкретному, даже по советским масштабам, обвинению, которое возможно вообще не дойдет до суда.

Началось знакомство с делом. Оно состояло из протоколов допросов художников и одиннадцати томов писем верующих, в основном просто подписавших готовые формуляры заявлений в прокуратуру. Были, однако попытки что-то самостоятельно вышить по предложенной канве. Некоторые из писавших пребывали в уверенности, что на выставке "Осторожно, религия!" распинали Христа, издевались над Богородицей и православ-

16

Михаил Рыклин

ными святыми. Писали они явно с чужих слов, наивно повторяя слова своих пастырей.

Все это время мы жили в состоянии стресса. Если в сталинские времена вокруг жертв образовывалась агрессивная пустота, прорвать которую решались лишь отдельные героические личности, рисковавшие всем, то теперь вокруг таких людей формируется круг безразличия, репрессивной нейтральности, которая также достаточно надежно отгораживает их от остального мира. Проявлением солидарности люди как бы боятся потревожить окаменевшие иерархии, пожертвовать в чью-то пользу частичкой своего тщательно оберегаемого статуса.

Многим хочется видеть происходящее как шутку, что-то крайне незначительное, не влекущее за собой серьезных последствий. Именно потому, что дело о выставке "Осторожно, религия!" пугает своим эпическим размахом и значительными, уже сейчас прослеживаемыми последствиями, они мгновенно вытесняются, становятся бессознательными.

Многие члены арт-среды после погрома полагали, что во всем виноваты организаторы выставки. Как могли они заявить столь взрывоопасную тему, как религия, не приняв мер предосторожности? Как могли они не предвидеть возможность погрома?

Во время конференции в Екатеринбурге в феврале 2004 года художник и куратор из Петербурга Марина Колдобская страстно повторяла эти аргументы, ссылаясь на собственный опыт организации выставки на тему религии несколько лет тому назад. Та выставка, по ее словам, прошла без эксцессов якобы потому, что с представителями РПЦ была проведена предварительная разъяснительная работа.

В ответ я приводил тогда такие возражения: во-первых, прецедента погрома выставки до "Осторожно, религия!" в России не было, и поэтому странно требовать от организаторов выставки "Осторожно, религия!" осознания такой опасности. Во-вторых, погром был не спонтанной акцией православных активистов, возмущенных выставкой (подобные выставки устраивались неоднократно, но не громились), а хорошо организован-

Свастика, Крест, Звезда

17

ной многоходовой комбинацией, в результате которой РПЦ утверждалась в роли новой инстанции цензуры. А сделать это без показательного процесса невозможно. В-третьих, погром не случайно произошел именно в Сахаровском центре, правозащитной организации, которая резко выступает против войны в Чечне, монополизации средств информации в руках государства, нарушения прав человека. Он, вероятно, был скрытым актом мести за критику власти. Откройся выставка в чисто художественном пространстве,

погрома, возможно, не было бы, во всяком случае он не получил бы столь мощной медийной и институциональной поддержки. В-четвертых, в разгроме выставки "Осторожно, религия!" следует видеть только первую ласточку, за которой последуют другие. Речь идет не об отдельном, изолированном эпизоде, а об изменении всей культурной политики, последствия которой скажутся довольно скоро. В-пятых, погром был мелким, второстепенным событием по сравнению с массовой кампанией травли, которая была развязана после него. Выставка была криминализована в процессе этой кампании, ее результатом стало то, что из пострадавших художники и организаторы выставки в результате превратились в уголовных преступников. Подобная метаморфоза может произойти и с другими культуртрегерами, если то, что они делают, не будет укладываться в рамки новой идеологии. И, наконец, в-шестых, даже если выставка была ошибкой организаторов, в условиях травли не следует подыгрывать тем, кто действует с позиции силы; ведь никто не знает, кто будет следующей жертвой.

Тогда я сказал Колдобской: "Возвратимся к этому разговору через пару лет, когда четче проявятся контуры новой ситуации".

И что же... уже через год работа самой Колдобской на выставке "Россия-2" стала жертвой тех же православных экстремистов, которые обвиняли выставку "Осторожно, религия!". Ее работа называлась "Все, что нужно для жизни" и представляла собой монитор, в котором, как утверждали обвинители, лик Спасителя был выполнен в виде трафарета, наложенного на экран с меняющимися рекламными роликами. На Колдобскую,

18

Михаил Рыклин

еще одного художника, галериста Марата Гельмана и директора Центрального дома художника в Москве, где проходила выставка, собирались подать в суд. Их обвиняли в кощунстве и оскорблении чувств православных верующих.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил в интернете статью Колдобской под названием "Дети Розенберга", где она пишет о заказе на разрушение определенных сегментов культуры. "Однотипные события, - пишет она, - идут столь кучно и согласованно, что трудно отделаться от мысли о некоем заказе, наличии руководства, координирующего центра, определенных, хотя и публично не провозглашенных целей. Не берусь судить о шкурных практических интересах организаторов и вдохновителей "народных выступлений" - это дело компетентных органов. Не сомневаюсь, они очень банальны: должности и деньги" (1). Я в отличие от автора статьи сомневаюсь, что в идеологических процессах на кону стоят главным образом должности и деньги; скорее в них, как писал в "Московском дневнике" Вальтер Беньямин, "как на Клондайке, промывается вещество власти". Сомневаюсь я и в том, что "компетентные органы", т. е. спецслужбы, не в курсе дела; напротив, похоже, именно они оказывают революционерам от религии оперативную поддержку, без которой их успехи были бы невозможны. Другими словами, по моему мнению, мы знаем о ситуации больше, чем инстинктивный, наследственный страх позволяет нам спросить. Знаем мы и кого надо спрашивать: депутатов Думы, генерального прокурора, политтехнологов при Администрации президента и прежде всего его самого, гаранта Конституции, которая беззастенчиво попирается ногами при его молчаливом согласии. С 12 февраля 2003 года, когда Дума приняла свое историческое "Обращение" к генпрокурору, стало ясно, что первую скрипку в идеологических процессах играет вовсе не РПЦ, а Российское государство. Разрушение сферы публичной политики не проходит даром ни для Италии 20-х годов, ни для Германии 30-х годов, ни для России начала XXI века. Методами спецопераций нельзя править без подобия господствующей идеологии. Поэтому, к сожалению, мы уже не

Свастика, Крест, Звезда

19

1

можем обратиться к государству как к третьей стороне в вопросах культуры. Оно является активным игроком на этом поле, у него есть свои ставки и свои фавориты, и современное искусство, ответственное и критичное, явно не в их числе.

В остальном наши позиции за год заметно сблизились. Госпожа Колдобская, надеюсь, поняла, что, живя в стеклянном доме, не следует бросаться камнями - иначе рискуешь разрушить собственное жилище. Есть ирония в том, что очередной камень угодил именно в нее и в такого несомненно "умного" человека, как галерист и политтехнолог Марат Гельман. Значит статус жертвы в современной России перестает быть уделом недалековидных и неопытных людей вроде фигурантов по делу Саха-ровского центра, как она уверяла за год до этого. Согласен я и с тем, что за изменением культурной политики стоят заказчики, координаторы и "кураторы", только в отличие от Колдобской думаю, что находятся они на самом верху российской власти.

Обвинение моей жены в разжигании межнациональной и религиозной розни явилось для нас неожиданностью. О том, почему из сорока участников выставки выбрали именно ее, существовало две гипотезы, не исключавшие одна другую. Во-первых, это могло быть мстостью за ее попытку протестовать против травли художников после погрома (об этом ниже). Еще в августе 2003 года мы нашли в интернете документ, воспевавший погромщиков, автор которого назвала Анну Альчук "харизматическим лидером", но не придали этому значения. Мало ли, подумали мы, кто что говорит. Но, как выяснилось потом, это определение было в точности повторено применительно к Альчук экспертом Абраменковой, чья работа

была завершена только к концу ноября. Это совпадение - еще одно доказательство того, что сторонники погрома действовали согласованно и свободно цитировали друг друга задолго до того, как соответствующие документы становились известны широкой публике. Во-вторых, это, как считали наши друзья, могло быть расплатой за то, что я с самого начала публично говорил и писал о погроме как об организованной, хорошо спланированной акции, а не как об импровизации оскорбленных религиозных

20

Михаил Рыклин

людей, за которую ее пытались выдать официально. Кроме того, осенью 2003 года я выпустил книгу "Время диагноза", содержащую десятки критических текстов о современной России.

Впрочем, это всего лишь гипотезы; проверить их едва ли удастся.

Главной нашей ошибкой, видимо, была вера в то, что мы имеем защищенные законом права. Как выяснилось, таких прав у нас в современной России нет. То, что мы принимали за права, оказалось подвижным полем, предметом постоянного дозирования, перераспределения и экспериментирования со стороны политтехнологов, оперативных работников, парламентариев, следователей, прокуроров и т. д.. Все те, кто на разных этапах дела Сахаровского центра осмеливались активно противостоять погромным силам, подвергались угрозам и силовому давлению. Им грозили расправой анонимные "доброхоты". Одно время нам звонил некто, призывавший не выходить из дома, а то, грозно предупреждал голос в трубке, "с вами расправятся казаки". Знакомая художница рассказала, что ей позвонил один известный художник и потребовал, чтобы она не смела называть разгромивших выставку людей погромщиками, иначе будет плохо. Художественный руководитель Государственного центра современного искусства Леонид Бажанов, единственный из людей его уровня с самого начала поддерживавший участников выставки "Осторожно, религия!", перед обсуждением ситуации с выставкой предупредил участников, что ему звонили с аналогичным требованием.

Однако ничто не могло сравниться по гнусности с поступком школьной учительницы, которая в присутствии всего класса сказала, что отец одного из учеников участвовал в "кошунственной" выставке и что таких художников надо убивать.

Впрочем, запугать удавалось не всех. В процесс были вовлечены правозащитники, прошедшие через советские тюрьмы и лагеря. Так, известный правозащитник и бывший политзаключенный Сергей Ковалев свои выступления по поводу выставки часто начинал со слов о том, что нынешний патриарх в советский период сотрудничал с госбезопасностью под, как он выра-

Свастика, Крест, Звезда

21

жался, "кликухой" Дроздов; поэтому ему и сейчас легко найти общий язык с "подполковником КГБ" Путиным. "Если это ложь, - продолжал он, - подайте на меня в суд". Желаящих сделать это, похоже, не нашлось, но мы с женой понимали, что такие речи ухудшают шансы обвиняемых на показательном процессе, и даже стали между собой шутливо применять к этим выпадам правозащитника идиоматическое выражение "дать дрозда". Помню, какими смертельно испуганными взглядами обменивались на заседании Большого жюри Союза журналистов при упоминании Ковалевым второго, тайного имени Алексея II молодые люди, участвовавшие в травле выставки. Я понимал все, что они говорили в свете именно подобных мгновенных выплесков их бессознательного. Испуганные выражения их лиц говорили мне куда больше, чем слова, с помощью которых они пытались рационализировать свой страх, придать ему социально-приемлемую форму. Сколько я за последние годы видел подобных взглядов при упоминании табуированных тем! Услышав что-то, с его точки зрения, опасное, человек инстинктивно оглядывается вокруг себя: есть ли свидетели, не заметил ли кто...

Не будет преувеличением сказать: на первичных реакциях такого рода держится нынешний политический режим в России, прямой наследник советского. Не будь в его распоряжении огромных запасов инстинктивного, нерефлексируемого страха, накопленных в сталинское время, многое из происходящего на наших глазах стало бы невозможным.

Юрий Самодуров, директор Сахаровского центра и главный обвиняемый по делу о выставке "Осторожно, религия!", оказался в отличие от Ковалева человеком мягким и склонным к компромиссам. После погрома он демонтировал выставку, несмотря на просьбы художников продолжать экспонировать ее в разгромленном виде, чтобы привлечь к факту погрома общественное внимание. Он так и не подал гражданский иск за ущерб, нанесенный музеем погромщиками; в результате адвокатов музея не допустили в зал суда, где слушалось дело о разгроме выставки "Осторожно, религия!". Иногда создавалось впечатление, что Самодуров стремился к компромиссу с сила-

22

Михаил Рыклин

ми, которые не скрывали своего намерения его раздавить.

Вообще на протяжении двух с лишним лет было неприятно видеть, как истеричные, но хорошо организованные люди постоянно переигрывали порядочных, но неискушенных интеллигентов, которые принимали наигранный фанатизм первых за спонтанную реакцию задетых за живое, обиженных людей. Конечно, свою роль сыграла здесь поддержка, которую оказывали революционерам от РПЦ государственные институты.

Нынешние российские властные структуры ориентированы прежде всего не на идеологические, а на оперативные методы борьбы с оппозицией. Для того чтобы демократично смотреться в глазах внешнего мира, эти структуры научились дозировать и распределять функции оппозиции и пределы сопротивления. Контролируемая оппозиция является необходимой составной частью проекта контролируемой демократии. Многомесячное пребывание в стрессовом состоянии, сознание абсурдности обвинения и собственной беззащитности перед абсурдом не проходят даром.

В начале сентября 2004 года я был в Нормандии на семинаре в замке Серизи. На ферме у тамошнего крестьянина я купил бутылку "Кальвадоса", напитка, которым славятся те места. Приехав на дачу в конце сентября, мы расположились у камина и стали пробовать "Кальвадос", который до этого никогда не пили. Я не заметил, что Аня, которая почти не пьет, на этот раз выпила значительно больше, чем обычно, и впала в какое-то странное бессознательное состояние. У нее началась истерика, чего не случалось за все тридцать лет нашей совместной жизни. Она то, завывая, обращалась к каким-то только ей видимым призракам со словами: "Простите меня!", "Извините меня!" и падала на колени; то обрушивалась на воображаемых обидчиков с криком, что она - чистая, а они - нечистые, то вспоминала травматические моменты своих отношений с матерью. По ее телу периодически проходила судорога, после чего все начиналось вновь, и так продолжалось около часа. Переходы были резки, все протекало на животном уровне и напоминало причитания баб на похоронах. Это был как бы мимезис народного

Свастика, Крест, Звезда

23

тела, которое месяцами изливало на мою жену потоки злобы.

Я не знал, что делать; остановить истерику было невозможно - она просто не слышала моих слов. Такой я ее никогда не видел, и в какой-то момент мне пришла в голову ужасная мысль: это необратимо, она сходит с ума!

Наконец ее удалось уложить в постель, но в каком состоянии она проснется, я не знал. Я лег в соседней комнате и пролежал, не сомкнув глаз, до утра. Под утро Аня проснулась с головной болью, но, к счастью, в нормальном психическом состоянии.

Она ничего не помнила.

В ту бессонную ночь я задумался об эмиграции из России, о том, что нам в этой стране места нет, что в ней нас рано или поздно затравят. Я не считал себя вправе превращать смерть моих родственников от рук нацистов в 1941 году в средство улучшения своего материального положения; но теперь, когда положение моей семьи стало напоминать ситуацию тех, кого при фашистском режиме преследовали по расовым и политическим соображениям, нам - все время вертелось у меня в голове - не остается ничего иного, как последовать их примеру.

Через несколько недель после этого эпизода начался суд, который с перерывами длился почти пять месяцев.

Он проходил в небольшом зале с шестью рядами скамеек, зарешеченной клеткой, которую в народе называют "обезьянником" (по мере наступления зимы ее стали использовать в качестве гардероба), комнатными растениями на подоконниках и столом, за которым восседали судья и секретарь.

Перпендикулярно ему стояли столики и скамейки для двух молодых особ, выступавших в роли государственных обвинителей; напротив них расположились адвокаты, рядом с которыми сидел главный обвиняемый по делу № 4616, Юрий Самодуров. Первый ряд занимали две других подсудимых, Людмила Василевская и Анна Альчук и общественные защитники: известные правозащитники Александр Подрабинек, Лев Пономарев и Евгений Ихлов.

За остальные места велась непрерывная борьба между родственниками и друзьями подсудимых и женщинами в платках

24

Михаил Рыклин

и длинных юбках, которые по наущению фанатичных пастырей, журналистов и теле-радио-ведущих приходили в суд, чтобы выразить свою ненависть к "сознательным сатанистам". Они занимали очередь за полтора-два часа до начала заседаний, чтобы не дать "чужакам" проникнуть в зал или по крайней мере обеспечить в нем численный перевес своих сторонников. В отличие от советских времен, когда для ближайших родственников места резервировались, теперь эта привилегия отменена; так что численное преимущество долгое время было на стороне "глубоко верующих", среди которых преобладали пенсионерки, похоже, располагавшие - не в пример правозащитникам и художникам - неограниченными запасами свободного времени.

На суде мы и наши друзья столкнулись с Россией, которую до этого практически не знали.

Преимущественно пожилые, плохо одетые люди заполняли коридоры, лестничные проемы и зал заседаний. В руках они держали иконы, кресты и религиозные книги, постоянно крестились и пели молитвы, иногда опускаясь для этого на колени прямо в коридоре суда перед каким-нибудь офисным сейфом. Они ходили крестным ходом вокруг здания суда. Было странно видеть, как на близлежащей к суду Таганской улице на фоне рекламного щита с изображением обнимающейся парочки вдруг вырисовывалась группа людей с крестами, которые пели: "Поддержи, Господи, люди твоя".

Все эти мужчины и женщины были переполнены злобой по отношению не только к обвиняемым, но и к их родственникам, знакомым, свидетелям защиты и адвокатам. Их обзывали "жидами" и требовали, чтобы они

срочно убирались из России. Однажды председатель Таганского суда вышел к ним, пытаясь их успокоить, но и на него "глубоко верующие" закричали: "Убирайся в Израиль!"

Удивили и показания "алтарников". Еще недавно их чествовали как героев, их идейный вдохновитель, протоиерей Александр Шаргунов, требовал у президента присвоить им звание Героев России, и вот из их показаний в суде выяснилось, что... никакого "подвига" они не совершали, кто разгромил выставку, им не известно, и друг с другом они знакомы не были. Привык-

Свастика, Крест, Звезда

25

нужен к постоянному попустительству, "новые праведники" с удивлением убеждались, что судья не является их прямым сообщником и что им необходимо отвечать на неприятные, а иногда и непонятные при их уровне образования вопросы.

Таково одно из следствий извращенности современного российского правосудия. Если дело против совершивших очевидное преступление людей при помощи судебных властей закрывается, это дает им право считать себя оправданными и по существу. Подтекст их запирательств в Таганском суде очевиден: не признанный Замоскворецким судом преступлением погром стал богоугодным деянием.

Но в зале суда происходило и нечто более опасное, чем ложь под присягой. Я назвал бы это нормализацией погромного дискурса, приданием ему статуса защищаемого законом. Когда во время допроса очередной художник говорил, что в коридоре его обзывали "жидовской рожей" и грозили расправой, прокурор Кира Гудим вставала и ничтоже сумняшися парировала: "Вы сами спровоцировали такое отношение своей выставкой". Не приходилось сомневаться, что представительница государственного обвинения оправдывала практику самосуда. О каком правосудии может идти речь, невольно спрашивал я себя в такие минуты, когда право вершить его признается за психически неуравновешенными людьми, которых убедили, что все их беды происходят от козней мифических "жидов"!

Моя теща Мая Никифоровна Коляда приходила задолго до начала заседания, чтобы занять места для родственников во втором ряду, за Альчук и Василевской, и таким образом хоть немного оградить их от проявлений "народного" гнева.

Но и воцерковленные претендовали на эти места. Однажды после короткого перерыва на обед я возвратился в зал и увидел, что на моем месте расположился здоровенный мужик с окладистой бородой, в расшитой рубахе - вылитая копия крестьянина, каким его было принято изображать в XIX веке. Я невольно посмотрел на его ноги... но нет, он был не в лаптях и не в смазных сапогах, а в обычных зимних ботинках. Так как он отказался уйти с моего места, пришлось обратиться к судебному приставу. "Это

26

Михаил Рыклин

- мое место", - пояснил я. Прежде чем встать, фольклорный персонаж успел прорычать: "Твое место в Израиле!"

Мы были заинтересованы, чтобы процесс был открытым, и за это приходилось платить немалую цену.

Набившиеся в зал женщины раскладывали на коленях молитвенники и делали вид, что во время заседаний их читают (хотя иногда часами забывали переворачивать страницы). Свои ограниченные представления они наивно считали мерой всех вещей. События вокруг выставки "Осторожно, религия!" просто дали им повод проявить свою ненависть к тому, что было выше их понимания. Если говорилось что-то, с чем они не были согласны, они начинали злобно шипеть. Например, когда художник Герман Виноградов на суде рассказал, что во Франции однажды показывал свою работу в католическом храме, сзади послышалось: "Да врет он, не может такого быть!"

Когда художники и искусствоведы говорили об искусстве, воцерковленные дружно засыпали и пробуждались только тогда, когда Новичкова или Гудим заводили разговор об их оскорбленных чувствах. Их явно раздражало, что некоторые художники также являются православными верующими, что вера, оказывается, совместима с творчеством, с отрицанием насилия и даже с неприятием фундаментализма. У большинства из них вера не сочеталась даже с обычной терпимостью. Пришедшие с нами люди невольно испытывали сострадание к их состоянию, даже если его агрессивные проявления их раздражали.

Экспессы, устраивавшиеся сторонниками Шаргунова в зале суда, были не обязательным дополнением, а интегральной частью процесса. Если "возмущение масс верующих" перестало бы разыгрываться, наружу вылезла бы вся абсурдность обвинения и обозначились контуры двух реальных дел, одно из которых (против погромщиков выставки) удалось замять, а другое (в связи с разжиганием религиозной розни Госдумой, РПЦ и "деятелями культуры") никто так и не решился возбудить.

Адорно и Хоркхаймер писали в "Диалектике Просвещения" о том, что "паранойя есть симптом полубразованного" (2), и суд это наблюдение подтвердил. Многие из "обиженных" не

Свастика, Крест, Звезда

27

знали даже, что Российская Федерация является не православным, а светским государством. Один из свидетелей обвинения заявил, что современным искусством интересуются разве что сумасшедшие; другой назвал весь центр Москвы "намеленным местом", где устраивать выставки актуального искусства нельзя по определению.

Все эти фобии и предрассудки получили -увы! - правовую поддержку. Если раньше прокуратура

отказывалась возбуждать дела против русских фашистов, то на прецедентном процессе, связанном с выставкой "Осторожно, религия!", она впервые перешла в атаку и, защищая взгляды этих людей, обвинила их жертв.

По двум замечаниям, неожиданно вырвавшимся у судьи Прощенко, который на протяжении всего процесса предпочитал отмалчиваться, можно судить, что он понимал суть происходящего.

За окном велись строительные работы, громыхали отбойные молотки; периодически приходилось закрывать окна, после чего в маленьком зале становилось трудно дышать. Однажды прокурор Новичкова пожаловалась на невыносимую духоту, на что судья заметил: "Вот не заводили бы это дело, не пришлось бы тут париться!" В другой раз упрек адвоката Шмидта в пристрастности государственного обвинения он прокомментировал так: "Что вы хотите от девушек? Что им генералы сказали, то они и делают".

Другими словами, списать дискриминационные, пронизанные фанатизмом формулировки приговора на неосведомленность судьи, а тем более на то что он разделял взгляды стороны обвинения, невозможно. Для проталкивания подобных приговоров в современной России существуют механизмы, детальное описание которых - дело "посвященных", к которым автор этих строк себя не причисляет.

С Таганским судом связаны, возможно, самые неприятные воспоминания в моей жизни. В нем весной 1983 года, при Генеральном секретаре КПСС Юрии Андропове, по статье "Распространение заведомо ложных слухов, порочащих советский го-

28

Михаил Рыклин

сударственный и общественный строй" судили мать моей жены Маю Коляду. Она была ученым-геологом, но после подачи заявления на выезд из СССР потеряла работу и жила преподаванием йоги. Один из ее учеников получил откровение от учителей Шамбалы, и она размножила этот текст. На нее донесли. На одной из страниц этого обширного сочинения Леонид Брежнев и Рональд Рейган сравнивались с "драконами"; этого оказалось достаточно, чтобы слепить дело и обвинить мать троих детей (младшей из которых было тогда девять лет) по политической статье.

Тем процессом руководил невысокого роста человек в кожаной куртке. Все звали его майором. Он спокойно входил в судейскую комнату и давал указания судье и двум народным заседателям. Тот процесс длился всего одну неделю. Мою тещу приговорили к двум годам общих работ и прогнали по этапу через весь Советский Союз, в Приморский край. Чтобы на процессе не могли присутствовать правозащитники и другие нежелательные элементы, публику, состоявшую из рабочих, привозили на автобусах в таких количествах, что других мест, кроме скамейки для родственников, не оставалось.

Это была моя первая личная встреча с советской Фемидой, вызвавшая отвращение к ней на долгие годы.

После нового пятимесячного опыта оно только усилилось, хотя в отличие от приговора андроповских времен мою жену оправдали.

"Майора" на процессе Сахаровского центра не было, как не было и народных заседателей. Но в воздухе было по-прежнему разлитое ощущение того, что, как бы ни старались адвокаты, какие бы аргументы они ни приводили, подсудимых все равно признают виновными.

После дела Сахаровского центра я не поверю ни одному приговору отечественного суда по делу, в котором замешаны интересы значимых государственных институтов (Администрации президента, ФСБ, Думы, прокуратуры, лично президента). Завеса тайны не только не переубедит меня, но заставит еще больше насторожиться. Если Самодурова и Василовскую осудили на открытом процессе, так сказать, при свете рампы, в условиях дос-

Свастика, Крест, Звезда

29

тупности всех материалов следствия, то можно лишь догадываться, что творится под покровом ведомственных инструкций, подзаконных актов и заключений военных специалистов, связанных подпиской о неразглашении государственной тайны.

Со стороны обвинения процесс был хорошо срежиссирован. В нужный момент в суде появлялись нужные люди. Однажды процесс приехала снимать команда с телевидения (националистическая программа "Русский дом"). В тот день в зале суда целый ряд был занят крепкими молодыми людьми, которые ни до, ни после этого не появлялись. Своим присутствием они, вероятно, должны были символизировать то, что паства РПЦ состоит не из одних женщин. После заседания они пригрозили Самодурову, что скоро будут "сводить таких, как он, на нет"; в устах парней спортивного вида эти слова прозвучали зловеще.

Возрастало по ходу процесса и число людей, приходивших в суд, чтобы выразить свою солидарность с подсудимыми. В начале их были единицы, потом десятки, а на оглашение приговора пришло больше ста человек. Представители интеллигенции поняли, что происходящее в зале Таганского суда прямо затрагивает их ближайшее будущее. Один из участников выставки, Герман Виноградов, не пропустил ни одного заседания; он приходил, чтобы (с согласия судьи Прощенко) делать аудиозаписи процесса. Художница и галерист Марина Перчи-хина не побоялась сделать видеозаписи в кулуарах суда.

Десятки художников, ученых, журналистов, арт-критиков, правозащитников выступили в качестве свидетелей. И хотя в приговоре их показания были проигнорированы, то, что они их дали, косвенно способствовало пониманию судом абсурдности обвинения и смягчению наказания.

Сыграла свою роль и однозначная поддержка фигурантов по делу о выставке "Осторожно, религия!"

мировым общественным мнением. Особенно она усилилась непосредственно перед вынесением приговора, что тоже, несомненно, сказалось на относительной умеренности его заключительной, "постановляющей", части.

Власть не смогла выиграть борьбу за российское обществен-

30

Михаил Рыклин

ное мнение (за наказание разгромивших выставку выступала примерно половина всех опрошенных); националистические "деятели культуры", педалировавшие это дело, также в конечном итоге остались в меньшинстве, хотя мобилизовали все свои ресурсы; завоевать симпатии за пределами России сторонники новой идеологии всерьез даже не пытались.

Обвинительный приговор удалось продать исключительно благодаря тому, что судебная власть в России, будучи самостоятельной лишь формально, по-прежнему зависима от власти исполнительной. Как и в деле Ходорковского, в процессе Сахаровского центра с самого начала доминировала презумпция виновности всех фигурантов; состязательность сторон, если читать приговор, отсутствовала; на свидетелей в кулуарах оказывалось грубое давление (3).

Дело о выставке "Осторожно, религия!" способствовало выпадению России из европейского культурного и правового пространства. Оно породило целую волну атак на светскую культуру, из-под которой было по сути выбито ее основание, Конституция России как секулярного, светского государства. Оно подстегнуло дремлющие в недрах общества религиозную нетерпимость, антисемитизм и гомофобию.

В людях был реанимирован фактор страха, который, казалось бы, с распадом СССР отступил на задний план. На всех этапах дела многие выводили погром из "намерений" организаторов и участников выставки. "Организуя такие выставки, - увещевали их, - надо было отдавать себе отчет в степени риска, на который вы идете". Иногда подобные увещевания исходили даже от тех, кто сам являлся жертвой аналогичных преследований. Выяснилось, что и солидарность жертв между собой не является чем-то само собой разумеющимся; одни жертвы, как и в сталинское время, не были свободны от предрассудков по отношению к своим братьям по несчастью. В связи с этим мне вспомнился слышанный мной в 60-е годы рассказ адмирала Георгия Холостякова о том, как перед войной его, молодого подводника, награжденного орденом Ленина, арестовали как врага народа. В камере он волком смотрел на других заключен-

Свастика, Крест, Звезда

31

ных, считая их виновными в том, что с него, преданного и честного советского человека, сорвали награды и знаки отличия и бросили на нары. Так он злился на сокамерников до тех пор, пока его бывший начальник - старый флотский офицер, единственный человек в камере, которому тот полностью доверял, - не подошел к нему и не сказал: "Жора, остынь! Я сам в первые дни после ареста думал то же, что и ты. А теперь я точно знаю: все они так же "виновны", как мы с тобой".

Наша разрозненность продолжает оставаться важным фактором порабощения. Большая солидарность жертв, уверен, сделала бы нынешний уровень социальной репрессивности невозможным.

28 марта 2005 года, в день вынесения приговора, небольшой зал суда вместил столько людей, что, казалось, эта масса вот-вот его разорвет. Судья Проценко с перерывами читал четыре часа, а так как в России приговор предписывается слушать стоя, около ста присутствующих все это время стояли. Атмосфера в зале по мере чтения накалялась. Через четверть часа стало ясно, что вердикт носит обвинительный характер. Густо замелькали слова: "руссофобия", "кошунство", "сакральность и соборность", "святотатственная идея автора", "гибель христианства", "уничтожение церкви", "насаждение иной религии" и т. д. и т. п. Судья читал монотонно, с запинками, иногда коверкая слова, которые ему явно приходилось произносить первый раз в жизни.

Из первых же страниц приговора следовало, что моя жена Анна Альчук скорее всего виновной признана не будет, но особого облегчения от этого мы тогда не испытали. Самодуров стоял в толпе бледный как полотно. Он принес с собой лекарства на случай, если его арестуют прямо в зале суда. Василевская то облокачивалась на подоконник, то, когда зачитывались наиболее "колоритные" пассажи, невольно всплескивала руками. Адвокаты и общественные защитники по мере оглашения приговора мрачнели, понимая, что все их аргументы Проценко просто проигнорировал.

Зато в лагере "алтарников" царило веселое оживление; они бодро крестились и возводили очи к небу, как бы благодаря Бога

32

Михаил Рыклин

за суровость к "кошунникам".

Чтобы лучше видеть происходящее, я встал на скамейку.

Один из разгромивших выставку людей, крепкий парень, тренер по рукопашному бою, стоял рядом с женщиной; та, сияя от радости, пальцем показывала ему что-то в молитвеннике, который держала на вытянутой руке. При этом оба непрерывно осеняли себя крестным знаменем.

По звучанию постановительной части приговора казалось, что подсудимым грозит, как минимум, пожизненная каторга, а то и нечто похуже. Поэтому когда судья объявил, что Самодуров и Василевская приговариваются... к денежному штрафу в размере 100 000 рублей каждый, многие готовы были прыгать от

радости. Когда друзья бросились их поздравлять, тренер по рукопашному бою крикнул на весь зал: "Чего вы радуетесь? Их же осудили по уголовной статье!"

Когда страсти немного улеглись, оказалось, что приговор не удовлетворил ни одну из сторон. "Глубоко верующие" ожидали более сурового наказания; что же до людей просвещенных, то их шокировало инквизиторское звучание этого правового документа.

Приговором, однако, дело не кончилось, подписка о невыезде оставалась в силе для всех фигурантов. Только через три месяца, после подтверждения его Московским городским судом, приговор вступил в законную силу.

Оглядываясь назад, я говорю себе, что благодарен травматическим событиям, описанным в этой книге, за то, что они помогли мне увидеть вещи в более широкой и длительной перспективе, исключаяющей простое отождествление с ними или их неприятие.

Организаторов выставки "Осторожно, религия!" судили за искусство, за право на критическое высказывание, короче, за то, что мне, много писавшему о современной артсцене и хорошо знающему московский интеллектуальный контекст, известно в деталях; а так как на скамье подсудимых оказалась моя жена, в моем распоряжении оказался дополнительный источник информации. Это дело на полтора года изменило жизнь

Свастика, Крест, Звезда

33

моей семьи и обнажило множество нюансов человеческих отношений, которые в противном случае не проявились бы явно, не вышли бы из латентного состояния. В этой истории не было дискурсивных тайн, не было общественно-значимых документов, доступ к которым отсутствовал бы. По ней можно судить о том, что скрывается под покровом тайны в деле "ЮКОСа" и в "шпионских процессах", где интересы власти задействованы еще более прямо.

Процесс Сахаровского центра очень резко поставил вопрос о праве на интерпретацию, на мнение, которое кому-то наверняка покажется еретическим. Настоятель храма Святителя Николая в Пыжах, чьи духовные дети разгромили выставку "Осторожно, религия!", в книге "Последнее оружие" утверждает, что икона царя-мученика Николая II в храме периодически мироточит и, посрамляя современную медицину, исцеляет людей (4).

В связи с мироточением мне вспомнился диалог из второго тома романа "Война и мир", состоявшийся в доме Болконских между странницей Пелагеюшкой и Пьером Безуховым по поводу мироточащей иконы Божьей Матери.

Вот этот отрывок: "Пришла, отец мой, мне народ и говорит: благодать великая открылась, у матушки пресвятой богородицы миро из щечки каплет..."

- Позвольте у нее спросить, - сказал Пьер, - Ты сама видела? - спросил он.

- Как же, отец, сама удостоилась. Сияние такое на лике-то, как свет небесный, и из щечки у матушки так и каплет, так и каплет...

- Да ведь это обман, - наивно сказал Пьер, внимательно слушавший странницу.

- Ах, отец, что говоришь! — с ужасом сказала Пелагеюшка, за защитой обращаясь к княжне Марье.

- Это обманывают народ, - повторил он.

- Господи Иисусе Христе, - крестясь, сказала странница. -Ох, не говори, отец" (5).

Нет сомнения в том, что обида странницы была искренней, как искренним было и возмущение, которым верующие воспы-

34

Михаил Рыклин

лали к людям, распявшим, по словам их духовных наставников, Христа и надругавшимся над Богородицею. Кто-то из них потерял сон, попал в больницу, потратился на лекарства, но, спрашивается, при чем здесь художники и организаторы выставки? Виноваты те, кто им солгал, кто разжег в них ненависть к участникам выставки.

В романе Толстого Пьер извинился перед странницей за вырвавшиеся у него слова, но вовсе не потому что признал ее правоту, а потому что даже самая наивная вера, если она является искренней и неагрессивной, достойна уважения. (К тому же он не хотел обижать сестру своего друга, княжну Марью, которая дружила с "божьими людьми".)

Российская империя, в которой происходит приведенный диалог, была официально православным государством, все его участники воспитывались в православной вере. Но понимают они ее по-разному. В глазах Безухова и Болконского вера в ми-роточение икон является дохристианским суеверием. Княжне Марье нравится беседовать с "божьими людьми", она лелеет мысль когда-нибудь покинуть дом, одеться в простое платье и уйти странствовать, как они, но едва ли и эта образованная женщина воспринимала рассказы странников буквально. Буквально чудеса воспринимают только сами "божьи люди".

На процессе мы видели современную разновидность "божьих людей". В зале суда периодически появлялся человек, которого другие воцерковленные звали Валерой. Поверх поношенного пальто он носил холщевую белую сумку, к которой на веревочках прикреплял черно-белые фотографии: то портрет царской семьи, то изображение цесаревича Алексея или другие фото в рамках. На спине он также подвешивал две бумажных иконки, вероятно, опасаясь, что "кошунники" как-нибудь сзади смогут его "сглазить". Однажды

Валера появился с блеклой фотографией... изуродованной мертвой головы Григория Распутина. Когда знакомая женщина с выраженной "восточной" внешностью проходила мимо него, послышалось: "Это вы, жиды, умучили нашего старца!" Стоявший рядом правозащитник Евгений Ихлов язвительно парировал: "Вы кого имеете в виду, Свастика, Крест, Звезда

35

антисемита Пуришкевича или князя Юсупова?" Похоже, Валера слышал эти имена впервые. Мы столкнулись и с еще одним истощенным, аскетического вида персонажем, типичным "странником", который говорил елейным голосом и поучал других верующих относиться к врагам с христианским смирением. Каково же было наше удивление, когда в перерыве между заседаниями мы услышали, как он обрушился на женщин за то, что они приходят в церковь, пряча под платками коротко остриженные волосы. "Я бы таких убивал!" - патетически воскликнул "странник".

Существованию "божьих людей" в современном мире угрожают не мифические враги, а анонимные социальные механизмы, требующие от людей все более рационального и предсказуемого поведения. Именно они представляют угрозу для таких людей, как Валера, именно от этих объективных процессов они пытаются защититься, обвешиваясь фотографиями и иконами.

Дело не в том, что в современной России иконы сплошь и рядом стали мироточить. Дело в нетерпимости тех, кто в это верит, для кого эта вера составляет сущность религии.

И, главное, дело в государстве, которое встает на защиту нетерпимости.

Когда Россия хочет убедить внешний мир в том, что может оставаться демократией, отказавшись от Просвещения, она в очередной раз обманывает себя и других. "Контролируемая демократия" является не экзотической евразийской разновидностью демократии, а тем, что не дает укрепиться в России и демократии, и просвещению, и закону, и свободе совести. Место всего этого вновь занимает фигура местного автократа, который теперь именуется президентом.

Для Безуховых и Болконских, не веривших в мироточение икон, было место в православной царской России, но его может на какое-то время не оказаться для их потомков в России, провозгласившей себя светским, секулярным государством.

Просвещение, конечно, не мешает возрождению церкви, но оно стоит на пути ее притязаний на монопольное господство над умами. Проект Просвещения был и остается объектом по-

36

Михаил Рыклин

стоянкой критики со стороны философов, социологов, психологов, художников и писателей. Результатами этой критики явились и марксизм, и психоанализ, и шизоанализ, и деконструкция, и многие школы современного искусства. Но критику этого проекта изнутри, критику его многочисленных несовершенств не следует путать с его тотальным отрицанием, исходящим от различных категорий религиозных фундаменталистов (вовсе не только мусульманских, как следует из этой книги). Как показывает дело Сахаровского центра, у фундаменталистов отсутствует язык, на котором они могли бы вступить в диалог с теми, кто их воззрений не разделяет. Поэтому они шага не могут сделать без поддержки репрессивных институтов. Даже самые радикальные критики Просвещения пользуются завоеванным им правом на свой язык, на свое мнение, предполагающим аналогичные права Другого, права на иной язык и иное мнение. Там, где кончается просвещение, как показывает история с выставкой "Осторожно, религия!", начинается насилие и неотделимая от него примитивизация сферы духовной жизни, господство инстинктов.

Декабрь 2005 - февраль 2006 г.

Примечания

1. Марина Колдобская. "Дети Розенберга" - текст размещен на сайте www.newtimes.ru, 10 апреля 2005 года.
2. Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. Диалектика Просвещения, Москва-Санкт-Петербург, "Медиум", "Ювента", 1997, с. 242.
3. Детальный анализ юридической стороны дела Ходорковского содержится в статье: Otto Luchterhandt. "Rechtsnihilismus in Aktion. Der Jukos-Chodorkovskij-Prozess", Osteuropa, 7, 2005, s. 7-37. Многие аспекты процесса против "ЮКОСа" - презумпция виновности подсудимых, отсутствие состязательности сторон, масс-медийная кампания травли и т. д. - повторяются в деле Сахаровского центра.
4. Протоиерей Александр Шаргунов. Последнее оружие, Москва, "Русский дом", 2004, с. 159.
5. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1958, том 5, с. 128.

37

ГЛАВА 1: "ЗВУК И ЯРОСТЬ".

"Осторожно, религия!": события и документы

1. Выставка

14 января 2003 года в зале Музея и общественного центра "Мир, прогресс и права человека" имени академика Андрея Сахарова открылась выставка "Осторожно, религия!". На ней куратором Арутюном Зулумяном были собраны работы 39 художников и двух арт-групп; представлены были не только москвичи, но художники из Армении, Грузии, США, Кубы, Болгарии, Чехии, Японии. Участниками выставки были как

известные художники, так и дебютанты; как много раз выставлявшиеся работы (в основном известных художников, для которых выставка была "проходной"), так и произведения, которые я видел впервые. Ничего сенсационного, на мой взгляд, на выставке не было.

Известный соцартист Александр Косолапов, с середины 70-х годов живущий в Нью-Йорке, выставил очередной плакат с символикой "Кока-Колы": изображение Христа на красном фоне, сверху надпись "Coca-Cola", а снизу "This is my blood". За аналогичную работу с Лениным на фоне символа "Кока Колы" и надписи "This is real thing!" художник в свое время судился с фирмой "Кока-Кола" и выиграл у нее дело о защите ее фирменного знака.

Елена Елагина представила фотографию старой, много раз демонстрировавшейся работы "Иксисос" (1991), которая находится в немецком частном собрании. На поверхности креста были размещены советские плакаты-предупреждения типа "Остерегайтесь ожога!" и гирлянда сосисок (намек на их дефицит перед распадом СССР).

Работу Ирины Вальдрон "Hello, Dolly" я также видел до этого. Она представляла собой панно на ткани, на нем в виде аппликации была изображена овца, вокруг которой красовались надписи на английском языке "Hail, Dolly, Lamb of God", "Silence

38

Свастика, Крест, Звезда

of the Lambs", "No to the cloning of Jesus Christ". Последняя фраза не оставляла сомнений в том, что автор работы, выдержанной в ироническом, поп-артовском стиле, выступал против клонирования Христа.

Известный художник Олег Кулик был представлен цветной фотографией, помещенной в рамку с паспорту. Называлась она "Новое слово" (1994) и также неоднократно выставлялась. Сам художник был изображен на фото в пурпурном плаще в стиле Возрождения с терновым венком на голове (так на ренессанс-ных полотнах представляли Христа) и копытами вместо рук. Перед ним стояли коленопреклоненные юноша и девушка. Валерий Орлов и Александра Митлянская сделали работу из двух частей: фототриптиха из частей рыбы и видеоклипа с изображением агонизирующей рыбой головы.

Авдей Тер-Оганян прислал из Праги работу "Иконы на картоне": восемь картонных иконок с надписями "vodka", "kalashnikov", "Russian art", "Lenin", "1917".

Из известных мне художников на выставке "Осторожно, религия!" были также работы Германа Виноградова, Владислава Мамышева-Монро, Андрея Филиппова, Веры Сажинной, Натальи Каменецкой, Анны Альчук, Татьяны Антошиной, Марины Любаскиной и Марины Обуховой. Все они были в той или иной мере посвящены религиозной тематике; некоторые выставались и до этого.

Были представлены и новые для меня имена. Алина Зражевская выставила фанерный щит, имитирующий оклад иконы, под названием "Не сотвори себе кумира, или фото недорого". Вместо кистей рук, лика и Евангелия в окладе были оставлены прорези, куда можно было поместить свое лицо, руки и взять книгу из стопки, которая располагалась рядом с окладом. В двух метрах от щита стоял фотоаппарат, позволявший сфотографироваться в окладе. Речь, как я понял, шла об имитации акта пляжной фотографии.

А. Дорохов выставил триптих "В начале было слово", на котором были изображены условные силуэты трех людей, распятых соответственно на фоне текстов из Евангелия, "Манифе-

Глава 1. Звук и ярость

39

ста коммунистической партии" и "Майн кампф". Орудиями распятия служили соответственно крест, пятиконечная звезда и свастика.

Наталья Магидова вставила в оклад иконы дорожный знак "Прочие опасности". Василий Флоренский прикрепил к щиту вырезанные из пенопласта буквы РПЦ и украсил их разноцветными лампочками. Вагран Галстян представил анимационный фильм, в котором не было никаких религиозных символов, а росли, срезались ножом и вновь возникали глиняные башенки. Художница Алина Гуревич сделала композицию из водочных бутылок, на которые она водрузила луковицы, так что они стали напоминать купола православных церквей. Рядом лежала полусъеденная вобла и кусочки хлеба. Константин Батынков под названием "Семь смертных грехов" выставил семь цветных фотографий; на них изображались сцены из семейной жизни (застолье, просмотр телевизионной программы, ребенок, играющий с оружием, и т. д.). Из более чем сорока работ собственно православные атрибуты в явном виде присутствовали только у Зражевской (оклад иконы), Тер-Оганяна (картонные иконы), Гуревич ("луковки" православных церквей), Флоренского (аббревиатура РПЦ), Мамышева-Монро (сфотографировавшегося на фоне подмосковного храма), Альчук (крест под одной из ритуальных фотографий) и, возможно, еще в двух-трех работах, которые мне не запомнились. Религиозная символика, использованная в других работах, была либо общехристианской, либо специфически католической, либо шаманской, а чаще вообще отсутствовала. На вернисаж мы с женой опоздали, и перформанса Германа Виноградова я не видел, точнее, застал его окончание. Босыми ногами Герман стоял в двух ведрах, наполненных снегом, и бойко играл на гитаре. Общая атмосфера была взвинченно-приподнятой. Куратор выставки Арутюн Зулумян был доволен: для выставки с нулевым бюджетом, где каждый гвоздь забивался своими руками, было очевидно - она состоялась. Довольны были, как казалось, и организаторы выставки, Юрий Самоду-

40

Свастика, Крест, Звезда

ров и Людмила Васильовская, с которыми я до этого знаком не был; Сахаровский центр не является известным, "раскрученным" местом проведения выставок современного искусства. Точнее, не являлся до 14 января 2003 года.

Зулумян, помнится, рассказал, что перед вернисажем художник Владимир Сальников устроил ему скандал, обвинив в том, что созданная им экспозиция оскорбляет чувства верующих, и потребовал, чтобы он немедленно снял его работу. Мы с Анной Альчук тогда удивились этому странному поступку. Никто в тот момент не мог себе представить, что те же обвинения будут через несколько дней тиражироваться в СМИ. Остается догадываться, скрывалась ли за этим сверхъестественная интуиция Сальникова или нечто более прозаичное. Postfactum этот инцидент напомнил мне знаменитую сцену из фильма Альфреда Хичкока "Птицы", где героиню, плывущую на лодке, впервые атакует чайка, оставляя заметную царапину на ее лице. Надо обладать незаурядным даром предвидения, чтобы по этому случаю представить себе нашествие птиц, которое в скором времени ожидает город Бodega-Бей. Столь же трудно было по поступку Сальникова судить о том, что ждет несчастную выставку всего через несколько дней.

Когда мы пришли на вернисаж, было уже темно, и я не обратил внимание на надпись на доме, соседствующем с выставочным залом, в котором располагается Сахаровский центр: "С 1994 года идет война в Чечне. Хватит!" Центр имени Сахарова- единственное здание в Москве, на котором открыто висит антивоенный лозунг.

Тогда никто не догадывался, какую фатальную роль этому лозунгу суждено будет сыграть в судьбе только что открывшейся выставки.

За четыре дня работы выставки ее посмотрело чуть больше двадцати человек. В масс-медиа появилось несколько прохладных рецензий, из которых явствовало, что выставка не привела арт-критиков в восторг, но и не ужаснула. Короче, на 18 января это была обычная, рядовая, коллективная выставка, каких в такой метрополии, как Москва, ежегодно проходят сотни.

Глава 1. Звук и ярость

41

2. Разгром выставки.

Выставка "Осторожно, религия!" в своем первоначальном виде просуществовала всего четыре дня. 18 января 2003 года между 13.30. и 14.00. она была разгромлена шестью прихожанами храма Святителя Николая в Пыжах. Как показала на суде смотрительница зала, Любовь Холина, при погроме, кроме баллончиков-распылителей, ими использовались елочные шары, наполненные краской. Действовали люди, которых одни журналисты потом называли "православными вандалами", а другие - "героями", весьма организованно; менее чем за двадцать минут до приезда наряда милиции они забрызгали краской, разрушили, испачкали, растоптали не менее половины работ. Холина рассказывала, что они вошли в выставочный зал по-военному, чуть ли не строевым шагом. С погромщиками Сергеевым, Зякиным, Люкшиным, Гарбузовым, Смахтиным и Куль-бергом был еще один, седьмой человек, который, оставаясь на улице, говорил с кем-то по мобильному телефону. Рядом с музеем выстроилась "группа поддержки", состоявшая из прихожанок того же храма, два года спустя выступивших свидетельницами на процессе против Сахаровского центра.

Наиболее подробно разгром выставки описан в протоколе, составленном по свежим следам старшим лейтенантом юстиции Р.И. Фроловым, обвинившим шестерых задержанных по статье "хулиганство". Из этого документа видно, как оценивал в январе 2003 года действия погромщиков рядовой дознаватель Таганского УВД, насколько несомненным представлялся ему факт совершения преступления.

"Проведенным по уголовному делу предварительным следствием установлено: Смахтин Н. В., Гарбузов Г. Б., Кульберг А. С., Сергеев В. С., Зякин А. В., 18 января 2003 г. в дневное время, находясь в храме Святителя Николая в Пыжах, располагающегося по адресу: г. Москва, ул. Б. Ордынка, д. 27/8, узнали от Люкшина М. А. о проводимой в Музее и общественном центре "Мир, прогресс и права человека им. академика Андрея Сахарова" выставке под общим названием "Осторожно, религия!",

42

Свастика, Крест, Звезда

после чего вступили в предварительный сговор на совершение хулиганских действий на указанной выше выставке. Во исполнение преступного замысла Смахтин Н. В. совместно с Гарбузовым Г. Б., Кульбергом А. С., Сергеевым В. С., Зякиным А. В. и Лкжшиным М. А. на двух автомашинах проследовали к зданию указанного музея по адресу: г. Москва, ул. Земляной вал, д. 57, стр. 6, где Смахтин совместно с Зякиным А.В. зашли в помещение музея, убедились, что там присутствует только смотритель зала Холина Л. Г. и никто не сможет им помешать осуществить свой преступный план, сообщили об этом соучастникам. Взяв привезенные с собой баллончики с краской, Смахтин Н. В., Гарбузов Г. Б., Кульберг А. С., Сергеев В. С., Зякин А. В. и Люкшин М. А., примерно в 13 часов 30 минут вошли в помещение выставки, где из хулиганских побуждений, действуя с особой дерзостью, стали уничтожать и повреждать экспонаты выставки... Во время совершения хулиганских действий соучастники подбадривали друг друга словами и личным примером, что вызывало у них особый эмоционально-психологический настрой, азарт, воодушевление и тягу к разрушению находящихся вокруг них работ известных художников.

Наблюдая происходящее, смотритель музея Холина закрыла входную дверь, чем лишила Смахтина и

соучастников возможности скрыться с места преступления, в связи с чем они были задержаны сотрудниками милиции.

Таким образом, соучастники из хулиганских побуждений грубо нарушили общественный порядок, что выразилось в явном неуважении к обществу, сопровождающемся уничтожением и повреждением чужого имущества на общую сумму 583000 рублей" (1).

О разгроме выставки сообщила 20 января "Комсомольская правда": "Нашему корреспонденту удалось поговорить с "боевиками" в дежурной части отделения. Как рассказали православные, их "достали" порнографические творения современных художников-безбожников... Задержанные считают, что от ереси надо бы почистить филиал Третьяковки на Крымском Валу, Манеж и другие "нечистые" места" (2).

Глава 1. Звук и ярость

43

Судя по этим высказываниям, разгромившие выставку люди не только не раскаивались в содеянном, но и собирались продолжить "чистку" московских музеев.

По сообщению корреспондента газеты "Православная Москва" А. Хлуденцова, в отделении милиции между следователем и одним из задержанных произошел следующий диалог, проливающий свет на то, к какой организации ("секте") они себя относят: "Из какой вы секты? - допытывался дознаватель у Алексея, отца двух малолетних детей. "Я из секты, как вы ее называете, Глава которой - Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, а один из ее членов - Президент страны В. В. Путин, который до сих пор носит крестик, надетый на него еще в детстве матерью", - ответил тот.

Дознавателю так и не удалось сделать из задержанных мракобесов-сектантов". (3)

18 января 2003 года старший лейтенант Фролов имел основания не верить этим словам, прецедентов разгрома выставок современного искусства в России на тот момент не было. Но дальнейшие события полностью подтвердят правоту прихожанина Алексея.

Журналисты отметили странную особенность погрома: гнев прихожан храма Святителя Николая в Пыжах вызвали почему-то именно образы христианства, которые они якобы пришли защитить. "Агрессии подверглись, - писал в статье "Православие и нитроэмаль" арт-критик Никита Алексеев, - прежде всего работы, в которых присутствовала христианская тематика и символика. Те, что скорее можно было отнести к языческой традиции, остались нетронутыми" (4).

"... трудно поверить, - писали Сергей Попов и Аглая Нежина, - что верующие люди могли растоптать настоящий оклад от иконы, замазать надпись "Возлюби ближнего своего", написать на изображении Риз Господних "Гады"... Вандализм совершился не по отношению к выставке, а по отношению к современному искусству, против которого попытались настроить православную аудиторию" (5)

44

Свастика, Крест, Звезда

3. "Месячник ненависти"

I

15 января 2003 года, на следующий день после открытия выставки "Осторожно, религия!" и за три дня до погрома, телеканал "Культура" посвятил ей программу под названием "Осторожно, искусство", в которой резко (что необычно для, как правило, нейтральной стилистики этого канала) осудил ее.

Выставка подверглась разрушению в субботу 18 января. А уже в понедельник 20 января митрополит Кирилл, считающийся вторым после Патриарха человеком в иерархии РПЦ, назвал выставку "прямой провокацией, создающей напряжение в нашем обществе". Иерарх выразил недоумение, как выставку, "оскорбляющую чувства верующих", вообще можно было проводить. Он добавил, что "всякое оскорбление религиозных чувств должно квалифицироваться как преступление" (6). Мысль митрополита развил его заместитель по Отделу внешних церковных сношений протоиерей Всеволод Чаплин: "По большому счету правоохранительные органы должны были пресечь ее [выставки - М. Р.] открытие и привлечь к ответственности организаторов выставки, тогда дело не дошло бы до несанкционированного насилия" (7). Так как цензура в России отменена, не ясно, как светские власти могли закрыть выставку современного искусства, а тем более привлечь к ответственности ее организаторов. Фактически представители РПЦ предлагали ввести механизм религиозной цензуры.

Осталось непонятным и то, как священники всего через два дня после погрома, не посетив выставку, сумели составить себе о ней столь однозначное, не терпящее возражений представление.

21 января на интернет-портале sredo.ru появляется документ, имеющий прямо-таки "эпическое" звучание. Речь идет об "Обращении деятелей науки и культуры в связи с проведением кощунственной выставки в центре Сахарова", под которым стояли подписи известных православных националистов: кинорежиссера Никиты Михалкова, художника Ильи Глазунова, скульп-

Глава 1. Звук и ярость

45

птора Вячеслава Клыкова, писателей Валентина Распутина и Василия Белова, ученого Игоря Шафаревича и некоторых других. Писали они с чьей-то подачи, выставку не видели, работы одних авторов приписали другим (например, объявили автором работы Зражевской Мамышева-Монро), описали работы, которых на выставке не было. Зато завершили свое "Обращение" деятели науки и культуры на воистину угрожающей

ноте: "Сегодня обществу под видом терпимости к инакомыслию навязывается некая "толерантность". На деле это оборачивается тем, что маргинальные кощунники и сатанисты публично глумятся в центре Москвы над православными святынями, чувствуя свою полную безнаказанность, а наш народ фактически лишен возможности защитить свою веру, свои святыни. Ничего подобного невозможно представить в отношении ислама, буддизма, вообще любой из традиционных религий, не говоря уже об иудаизме. И это происходит в России, где по статистике около семидесяти процентов населения считают себя православными.

Мы видим, что на фоне нравственного террора и пропаганды растления начинается террор религиозный, самый безумный и опасный вид экстремизма. Происшедшее в дни Святого Богоявления кощунство нельзя сравнить даже с коммунистическими аналогами: тогдашние безбожники были одурочены и думали, что Бога нет. А здесь сознательный сатанизм, новый его этап...

Это событие как бы бьет в набат. Оно должно стать последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Необходимо мобилизовать все силы, способные оценить, какого масштаба национальная катастрофа происходит на наших глазах. Иначе - конец. Иначе - предательство России, православия, Христа, за которое не может нам быть прощения" (8).

Итак, выставка оценивается подписантами: 1) как акт "сознательного сатанизма", превосходящего даже большевистские аналогии, в результате которых погибли сотни тысяч верующих и священников; 2) как террор и опаснейший вид экстремизма; 3) как событие, требующее от всего народа такого же уровня

46
Свастика, Крест, Звезда

I

мобилизации, как полномасштабная война; 4) как глумление именно над православием, немыслимое в отношении ислама и других религий, "не говоря уже об иудаизме".

Как, не удосужившись посмотреть выставку, деятели науки и культуры пришли к столь радикальным, более того, устрашающим выводам, как и в случае священников РПЦ, осталось загадкой.

В день, когда появилось "Обращение", в Сахаровском центре состоялась пресс-конференция. На ней доминировали православные активисты, которые явно хотели заставить художников и правозащитников признаться в том, что выставка "Осторожно, религия!" была задумана как оскорбление православия и его святынь. Спорить с людьми, говорившими на повышенных тонах и не слышавшими ответов оппонентов, было, мягко говоря, затруднительно.

В последующие дни на участников и организаторов выставки "Осторожно, религия!" как из рога изобилия с экрана телевизора, со страниц газет (причем отнюдь не только крайне националистических), из радиозифра, из интернета посыпались потоки оскорблений, запугиваний, угроз. Не проходило дня без того, чтобы не видевшие выставку люди не давали волю своему "праведному" гневу и не угрожали худшими карами.

В итоге на страницах "Известий" вчерашний актер, а ныне священник РПЦ Иван Охлобыстин призвал срочно посадить организаторов выставки в тюрьму для их же собственного блага - иначе-де православные верующие их убьют: "Я не удивлюсь, если что-нибудь случится с организаторами выставки.. Я на месте властей посадил бы их, причем максимально быстро. Потому что если они останутся безнаказанными, их здесь убьют" (9).

На страницах "Литературной газеты" искусствовед Кокше-нева прославила разгромивших выставку "алтарников" как "истинных христиан и настоящих граждан своего Отечества", добавив, что такими людьми "держалась земля наша во все времена", прокляла художников и потребовала от парламента принятия закона о защите ценностей православия и признания рус-

Глава 1. Звук и ярость

47

ских "титულიй нацией" (10).

"В принципе, в любом разумно устроенном государстве, - писал журналист Дмитрий Ольшанский в статье "И целого бульдозера мало", - не похожем на какую-нибудь либеральную Голландию или Британию, подобного рода мастеров культуры просто сажают. А в обществе более строгом, религиозном - поступают более жестоко [т. е. убивают? - М. Р.]. Бедная наша Россия в девяностые годы была государством ультралиберальным, и защитить нас от прикрывающихся словом "художник" агрессивных уродцев было некому" (11). Впоследствии журналист публично признался, что выставку он не видел; это, однако, не помешало ему назвать демонстрировавшиеся на ней работы "выдающимися образцами богохульства и глумления над верой" (12).

Апогея кампания ненависти достигла, пожалуй, когда программа "Русский дом" показала церковную службу, во время которой облаченные в золотые и парчовые ризы священники предавали анафеме участников и организаторов выставки вместе с другими еретиками, включая Льва Толстого. В другой передаче "Русского дома" ведущий Александр Крутов (ныне депутат Госдумы от фракции "Родина") заявил, что на тех, кто не будет писать в прокуратуру заявления на организаторов выставки "Осторожно, религия!", "лежит печать сатаны", а генерал-полковник Леонид Ивашев призвал офицерский корпус России выступить против "кощунников" под лозунгом "Вставай, страна огромная". С этой песней народы СССР в 1941 году поднялись на борьбу с Гитлером, так что аналогия звучала угрожающе. Священник Анатолий Берестов,

потрясая Уголовным Кодексом, призвал верующих писать на "безбожников" заявления в прокуратуру. В конце января 2003 года протоиерей Александр Шаргунов, чьи "алтарники" разгромили выставку, обратился к президенту Путину с требованием закрыть Музей и Центр им. А. Сахарова как угрожающий национальной безопасности России:

"Уважаемый Господин Президент,

В течение нескольких лет в Москве действует Обществен-

48

Свастика, Крест, Звезда

ный центр и Музей им. А. Д. Сахарова (Москва. Земляной вал, 57, стр. 6). Руководителями его являются Елена Боннэр и Юрий Самодуров.

Все это время данное учреждение пропагандировало антиобщественные ценности, защищая бандитов и преступников, и прежде всего чеченских. Деятельность Центра была определенно направлена на моральное разложение российского общества и армии. Для этого лукаво используется лозунг: "Остановить войну в Чечне!"

Вершиной антиобщественной деятельности Центра и музея стала кощунственная выставка "Осторожно, религия!", проводившаяся в январе 2003 г.

Можно определенно сказать, что для деятельности Центра и Музея им. Сахарова нет никакой общественной необходимости. Его существование не вызвано никакими нуждами российского общества... Поэтому мы призываем Вас, Господин Президент, принять меры к закрытию Центра и Музея им. Сахарова..."(13).

С аналогичным письмом Шаргунов обращается в комитет Госдумы по безопасности.

Как видно из письма Шаргунова, главным аргументом в пользу закрытия Сахаровского центра служит однозначное осуждение им войны в Чечне. Выставка трактуется как крайнее проявление этой "антиобщественной" позиции.

Создание "образа врага" в лице Сахаровского центра завершается фразой, которую журналист Дмитрий Соколов-Митрич вписал в интервью с Юрием Самодуровым: "Громить выставки - мракобесие, а захватывать мюзиклы - это подвиг? Ваш центр ведь поддержал захват "Норд-Оста". "Бараев захватил Дом культуры, - якобы ответил Самодуров, - не потому что ему не понравился мюзикл, а чтобы прекратить войну в Чечне. Это разные вещи" (14). Конечно, директор Сахаровского центра ничего подобного не говорил и сказать не мог, но теперь большая читательская аудитория газеты "Известия" узнала, что руководимое Еленой Боннэр, Сергеем Ковалевым и Юрием Самодуровым правозащитное учреждение -

пособник чеченско-

Глава 1. Звук и ярость

49

го и международного терроризма, а выставка - продолжение той же политики иными, "сатанистскими" средствами.

Через несколько дней после погрома становится ясно, что речь идет не об импровизации нескольких прихожан храма Святителя Николая в Пыжах, не о спонтанной вспышке "праведного гнева", а о хорошо организованной, подготовленной и отрежиссированной кампании не только против современного искусства, но и против правозащитников, на чьей площадке открылась выставка. "Едва ли нападение на Сахаровский центр, - пишет журналист Александр Панов, - было стихийным волеизъявлением масс" (15). "... подозрение, что он [погром - М. Р.] кем-то спланирован, возникает", - отреагировал на замечательную слаженность масс-медийной кампании ненависти Никита Алексеев (16). А художник Владислав Мамышев назвал разгром выставки "Осторожно, религия!" просто: "заказушная история" (17).

Аналогичное мнение высказывали многие правозащитники, журналисты и оппозиционные политики. И чем дальше заходило дело с выставкой, тем яснее становилось, на чьей стороне в нем выступают институты государства.

В конце января 2003 года в Государственном центре современного искусства (ГЦСИ) состоялся "круглый стол" на тему "Актуальное искусство и свобода совести", где обсуждались события вокруг выставки "Осторожно, религия!". Атмосферу тех дней хорошо описала в статье "Это событие как бы бьет в набат" журналист Рита Русакова: "Выступавшие на "круглом столе" в ГЦСИ художники недоумевали, почему им, потерпевшим, все время приходится оправдываться, извиняться и объяснять, что в их намерения вовсе не входило обижать верующих. Формально закон пока что на стороне художников - именно они выступают как потерпевшие. Внятных поводов для обвинения в разжигании национальной и религиозной розни выставка явно не дает. Как заметили многие участники "круглого стола" в ГЦСИ, скорее уж под эту статью подпадают авторы и подпи-сантаы "Обращения деятелей искусства и науки"...

Несмотря на то что погромщики были немедленно задержаны-

50

Свастика, Крест, Звезда

ны, участников и организаторов выставки "Осторожно, религия" не оставляет ощущение опасности. В последующие за разгромом выставки дни художники подвергались откровенному запугиванию. Вокруг Сахаровского центра разбрасывались листовки, в которых художников обвиняли в "осквернении святынь", "духовном терроре" и даже "геноциде христиан". А всех истинно верующих призывали к подаче заявлений в прокуратуру с требованием привлечь организаторов к ответственности по статье "Разжигание национальной

и религиозной розни"" (18).

Статей в защиту выставки было немало (19), однако они были выдержаны в иной тональности, нежели статьи сторонников погрома. Их авторы, как правило, профессиональные арт-критики, начинали с того, что художественный уровень выставки невысок, состав участников случаен, тема неудачно сформулирована. Они, как и правозащитники, были захвачены меняющейся на глазах ситуацией врасплох и не понимали, что после погрома разговоры о "низком художественном уровне" льют воду на мельницу разгромивших выставку людей и их сторонников, которые тоже утверждали, что в качестве произведений искусства выставленные работы не стоили ломаного гроша, а единственной целью авторов было оскорбить православных верующих. (Звучали, правда, и противоположные мнения. "Призывы, - писал Александр Панов, - к художникам "бороться за качество" особенно неуместны на руинах экспозиции и на фоне телеэкрана с шлюющим проклятия митрополитом... Теперь сами робкие рассуждения о "художественном уровне" оказываются очевидным пособничеством наступающим мракобесию и обскурантизму, проявлением скрытой фашизоидности" (20)).

Профессиональные арт-критики не научились писать страстные тексты-манифесты, в то время как воззвания противников выставки, напротив, состояли из гневных обличений, оскорблений, потоков брани. Светская культура, как выяснилось, не обладает языком, на котором можно дать адекватный ответ религиозному фундаментализму, языком, который сторонники последнего могли бы просто расслышать.

Предположение о том, что на стороне "алтарников" и Коми-

Глава 1. Звук и ярость

51

тета за нравственное возрождение Отечества, возглавляемого протоиреем Шаргуновым, стоит не только РПЦ, скоро подтвердилось.

23 января депутат от КПРФ Татьяна Астраханкина обратилась к генеральному прокурору РФ Владимиру Устинову с депутатским запросом. Она потребовала возбуждения против организаторов выставки уголовного дела по статье 282 УК РФ ("Возбуждение национальной и религиозной розни"). Вслед за хулиганьями выставки она объявила все работы художников "поп-артом", не имеющим никакой художественной ценности и ставящим единственную цель: оскорбить чувства православных, разжечь "религиозную и национальную вражду". Погром в ее запросе подается как предотвращение совершенного организаторами выставки преступления: "За публикацией в "Независимой газете" [о факте проведения выставки -М. Р.] последовало столкновение [курсив мой-М.Р.] с православными верующими, которые, узнав из нее о содержании выставки, пришли в выставочный зал и вывели из строя кощунственные "экспонаты" [курсив мой - М. Р.]" (21). Никакого "столкновения" не было; просто для обозначения банального погрома был найден удобный эвфемизм: "выведение из строя кощунственных "экспонатов"". Помещение слова "экспонаты" в кавычки, очевидно, дает понять, что ни о каком искусстве на выставке "Осторожно, религия!" речи не было.

Симптоматично, что трогательную заботу о православии проявила депутат от Коммунистической партии, той самой, которая на протяжении своего правления насильственными методами насаждала воинствующий атеизм, громила церкви, сажала в тюрьмы, расстреливала верующих и священство. И до сих пор не раскаялась в содеянном!

Решающий перелом в противостоянии Комитета за нравственное возрождение и Сахаровского центра произошел 12 февраля, когда Государственная дума обратилась к генеральному прокурору Устинову со следующим "Обращением":

"Уважаемый Владимир Васильевич!

Ситуация вокруг выставки "Осторожно, религия!", прове-

52

Свастика, Крест, Звезда

денной 16-18 апреля 2003 года в Музее им. А. Д. Сахарова (город Москва), привлекла внимание общественности и средств массовой информации в связи с действиями организаторов этой выставки, направленными, по мнению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, на разжигание религиозной вражды.

На выставке было представлено большое количество экспонатов, унижающих религиозные чувства православных. В числе представленных "шедевров" щит с логотипом Coca-Cola, ликом Спасителя и надписью на английском языке, означающей "Сие есть Кровь моя". Кощунством является имитация иконы Спасителя "Великий Архиерей" с прорезями вместо лица и рук Спасителя. Автор В. Мамышев (Монро) предоставлял каждому посетителю выставки возможность вставить свое лицо и руки в прорези и сфотографироваться. Среди экспонатов: огромного размера постер с изображением обнаженной женщины, как бы распятой на кресте, композиции из водочных бутылок, украшенных церковными куполами, кощунственная пародия на икону Божьей матери, стенд с изображением Спаса Нерукотворного, вместо лика которого вставлены различные фотографии животворящего Креста Господня с развешанной на нем гирляндой из колбасных изделий, и другие кощунственные и оскорбительные для православных изображения.

Указанная выставка направлена на разжигание религиозной вражды, унижает чувства верующих и оскорбляет Русскую православную церковь.

В связи с вышеизложенным Государственная Дума просит Вас, уважаемый Владимир Васильевич, принять необходимые меры в рамках осуществления прокурорского надзора в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации", обязав соответствующих должностных лиц незамедлительно провести проверку по факту разжигания религиозной вражды организаторами выставки "Осторожно, религия!" (22).

Перед нами поразительный документ.

Глава 1. Звук и ярость

53

Члены парламента не потрудились проверить приведенные в "Обращении" факты. Работа Зражевской опять, как и в письме деятелей науки и культуры, приписана Мамышеву-Монро; другие работы в описании подготовившего "Обращение" депутата Александра Чуева вообще узнать невозможно: в основном это мешанина из элементов разных произведений, включая и такие, которых на выставке не было.

Зато обвинительный уклон текста депутатов несомненен. Формально призывая прокурора разобраться, они фактически сами вынесли приговор, причем в очень сильных выражениях: "кошунственные и оскорбительные для чувств православных изображения", "факт разжигания религиозной вражды". Итоговый вердикт Думы однозначен: "Указанная выставка направлена на разжигание религиозной вражды, унижает чувства верующих и оскорбляет Русскую православную церковь".

Приведу мнение специалиста по современному православию Николая Митрохина о значении этого документа: "Наиболее успешной акцией православных лоббистов в Госдуме третьего созыва было проведенное 12 февраля 2003 г. с подачи А. Чуева голосование за принятие обращения к Генеральному прокурору РФ о необходимости проверки действий сотрудников музея им. А. Д. Сахарова, устроивших художественную выставку "Осторожно, религия!", на предмет разжигания религиозной вражды. Выставка была ранее разгромлена православными активистами, которые были задержаны по обвинению в хулиганстве. После того как за принятие обращения проголосовали 265 депутатов из 267 [это значит, что и депутаты от демократических партий голосовали за него! - М. Р.], следственные органы пересмотрели свое отношение к делу" (23).

12 февраля действительно можно считать днем "великого перелома" в деле против Сахаровского центра и выставки "Осторожно, религия!". Хотя формально оно было возбуждено прокуратурой 28 февраля 2003 года, в день принятия "Обращения" организаторы и участники из пострадавших фактически стали обвиняемыми.

Надо принять во внимание и другую мысль Николая Мит-

54

Свастика, Крест, Звезда

Глава 1. Звук и ярость

55

рохина: "В отсутствие в России традиций представительной демократии лоббисты могут эффективно работать, лишь заручившись поддержкой той или иной группы в аппарате исполнительной власти [курсив мой - М. Р.]... политика по-прежнему делается на Старой площади (т. е. в Администрации президента), в Белом Доме (т. е. в здании Кабинета министров) или в кабинетах региональных администраций" (24).

Почему депутаты Госдумы дважды отклоняли обсуждение "Обращения", а потом проголосовали за него практически единогласно, возможно, прояснится, когда мы больше узнаем об отношениях законодательной и исполнительной власти в преддверии парламентских выборов, состоявшихся в декабре 2003 года.

Руководствовались депутаты при этом явно не религиозными соображениями и не любовью к РПЦ. "...уже через месяц, - сообщает тот же Митрохин, - Госдума провалила гораздо более важное для Церкви постановление по имущественным вопросам..." (25).

В марте 2003 г. куратор выставки Арутюн Зулумян, который до этого предпринял неуклюжую попытку примирения с погромщиками, вынужден был бежать из Москвы в Армению, гражданином которой он является.

4. События апреля - августа 2003 г.

Итак, 28 февраля 2003 года прокуратура начала следствие по делу о проведении в Сахаровском центре выставки "Осторожно, религия!".

По церковным приходам собирали коллективные и индивидуальные обращения верующих, где утверждалось, что выставка нанесла значительный ущерб их психическому и физическому здоровью. Прокуратура каждый день получала пачки заявлений с требованием привлечь организаторов и участников выставки "Осторожно, религия!" к уголовной ответственности (всего было собрано около 7 тысяч подписей). На суде свидетель, правозащитник Лев Левинсон, показал, что знает одного православного священника, - имя его он по понятным причинам

называть не стал, - который отказался собирать подписи в своем приходе.

Излишне говорить, что жалобщики выставку не видели и знали о ней со слов батюшек, которым, естественно, доверяли. Батюшки ее также не видели и доверяли третьим лицам, которые, впрочем, ее тоже не видели, и т. д.

После решения Думы те, кто разжигали ненависть к художникам и организаторам выставки "Осторожно, религия!", поняли, что сила на их стороне и действовали открыто. Обращения "К Русским людям" с

требованием писать жалобы в прокуратуру печатались в православных газетах (26).

На тот момент никто из художников и организаторов выставки, кажется, еще до конца не понимал, какая туча сгущается над их головами. За пятнадцать лет относительной свободы интеллигенция отвыкла от идеологически мотивированных преследований.

В марте следствие приступило к конфискации работ, то бишь "улик", "орудий преступления". В начале мая, возвратившись из Граца, где открылась выставка "Phantom der Lust. Visionen des Masochismus", я узнал, что 2 мая, в праздник, в нашей квартире побывал следователь Владимир Дубровский. Он сделал "выемку" работы моей жены Анны Альчук в присутствии понятых, наших соседей. Мы восприняли этот гротескный эпизод как недоразумение, которое не будет иметь существенных последствий. Хотя от приглашения соседей для подписания протокола изъятия остался горький осадок (втягивать в такие дела незнакомых людей неприятно).

Аналогичным образом были, видимо, изъятые и работы других участников выставки.

Видя размах кампании ненависти, развязанной в том числе журналистами, Анна Альчук и ряд других художников в марте 2003 года решают обратиться с протестом в Большое жюри Союза журналистов, занимающееся вопросами журналистской этики. В его состав входят авторитетные, известные еще с советских времен фигуры, и хотя решения жюри юридической силы не имеют, в профессиональной среде к ним прислушива-

1

56

Свастика, Крест, Звезда

ются. Сбор подписей против кампании травли длился достаточно долго; с нашего компьютера за это время ушли сотни e-мэйлов с предложением подписать письмо протеста.

5. Оправдание погромщиков

Итак, с марта по август 2003 года параллельно велись два уголовных дела: против погромщиков по обвинению в хулиганстве и против организаторов выставки "Осторожно, религия!" по обвинению в разжигании межнациональной и религиозной розни.

11 августа 2003 года судья Замосворецкого суда Людмила Зубенко приняла решение о том, что дело против Анатолия Зякина и Михаила Лкжшина (четверо остальных к суду привлечены не были) возбуждено незаконно. Потом (когда было уже поздно) юристы писали, что обвинять их надо было не в хулиганстве, а в порче имущества музея.

По разным данным, рядом со зданием суда собралось в тот день от тысячи до полутора тысяч верующих. "И тысячная группа поддержки, - писала Юлия Шалимова, - сомкнула ряды, громко и монотонно затянула богоугодные песни прямо в открытые окна кабинетов суда. Не пели только несколько парней в черных одеждах с "патриотическими" повязками [члены Русского национального единства - М. Р.]. Эти выстроились в отдельный ряд, на их лицах было ясно написано: просить не будут ни у судьи, ни у Бога, сами придут и возьмут" (27). Про "два десятка молодых из Русского национального единства" писали и "Известия" от 12 августа.

В зал суда на первое (состоявшееся 6 августа) и второе заседания допустили только полтора десятка священников; представители пострадавшей стороны, Сахаровского центра, в зал допущены не были.

Адвокат подсудимых Михаил Кузнецов сразу перешел в наступление: "Следователь ухитрился обвинить в хулиганстве людей, которые сами остановили преступление и вовремя закрашили и сломали оружие экстремистов-художников (sic!). Представляете, они повесили на выставке

Глава 1. Звук и ярость

57

картину с голой девицей, распятой на кресте, порезанные иконы. Посмотрите к окну! Сюда пришли тысячи верующих, которые защищают людей, остановивших преступление в виде выставки" (28).

Аргумент действовал: тем более что Дума уже полгода тому назад приняла свое "историческое" "Обращение" в Генпрокуратуру.

"В какой-то момент, - писала "Комсомольская правда", - из помещения выбежал человек и громко крикнул: "Победа!" Пение прекратилось. Вместо него появился нарастающий шум, будто пролился невидимый ливень, - это аплодировали в едином порыве все пришедшие к суду. Одни принялись громко благодарить Бога, другие просто облегченно рыдать" (29). Прямо на пороге суда протоирей Шаргунов отслужил краткий молебен по случаю оправдания своих духовных чад.

Нет сомнения, что группа поддержки верила в невиновность "алтарников" и искренне радовалась их оправданию. Пастыри явно уверили своих прихожан, не имевших ни малейшего представления о современном искусстве, что единственной целью выставки "Осторожно, религия!" было глумление над их верой. Погромщиков преподнесли как героев, готовых пострадать за православие.

"Если за православными, - констатировал в те дни интернет-сайт Полит.ру, - стоит мощный аппарат митрополита Кирилла, то за художниками такой мощной силы пока не нашлось. На данный момент единственный представитель власти на стороне художников - художественный руководитель ГЦСИ Леонид Бажанов—Молчание властей ничего хорошего для художников не означает..." (30) Эти слова оказались пророческими.

Оправдание "алтарников" за отсутствием состава преступления означало, что преступлением de facto

признана выставка "Осторожно, религия!". Адвокаты Зякина и Люкшина построили защиту на доказательстве того, что их подзащитные предотвратили сознательно планировавшееся под видом выставки преступление. Суд с этой логикой согласился. Судебное дело против Сахаровского центра о разжигании религиозной и на-

58

Свастика, Крест, Звезда

Глава 1. Звук и ярость

59

циональной розни стало неизбежным.

В случае полного оправдания фигурантов по делу № 4616 решение одного судьи вступило бы в явное противоречие с приговором другого, что в условиях российской "управляемой демократии" маловероятно. На оправдание погромщиков статьей "Большевики с крестами" откликнулся известный писатель Владимир Войнович. "...самосуд, - писал он, - дело уж точно безбожное. И не надо кричать: уважайте наши чувства! Тогда уважайте чувства людей другой религии и вообще никакой. Свобода совести предполагает, что все равны перед Законом. А может, и перед Богом, ведь он, как известно, судит не по словам... что касается оскорбленного в своих чувствах вандала, который громит выставки и "Макдональдсы" или переворачивает надгробные плиты, то он, как вор, во что бы он ни верил, должен сидеть в тюрьме. Отныне и присно. Не вовеки веков, а на срок, определенный судом. Аминь" (31)

Приведенные Войновичем аргументы, совершенно правильные и никем не опровергнутые, впоследствии будут повторяться многократно, но, к сожалению, действия на ход процесса они не возымеют.

26 августа 2003 года произошло еще одно событие. Большое жюри Союза журналистов России рассмотрело жалобу художников и приняло компромиссное решение. Оно признало, что прямых призывов к расправе с художниками в текстах Ольшанского, Кокшеневой и Охлобыстина не содержалось, но материал Кокшеневой содержал "не только оправдание действий по разгрому выставки, но и героизацию такого поведения, что несовместимо с принципами и нормами журналистской этики", а статья Ольшанского была написана без посещения выставки, что противоречит нормам поведения журналиста.

6. Затишье перед боем: сентябрь-декабрь 2003 г.

После всплеска эмоций из-за оправдания Люкшина и Зякина, накал страстей, связанный с разгромом выставки, несколько-

ко спал. Но за спокойным фасадом работа над делом о возбуждении национальной и религиозной розни продолжалась.

В конце мая следствием была заказана экспертиза по делу № 4616. Сначала дознаватели обратились по прямому адресу, в Государственный центр современного искусства (ГЦСИ); но специалисты по современному искусству написали экспертизу, которая не устроила следователей: искусствоведы не усмотрели в действиях художников и организаторов выставки состава преступления.

Иного трудно было и ожидать! Следствие экспертизу забраковало; ее авторам пригрозили еще одним уголовным делом, теперь уже связанным с тем, что они покрывают художников. ("Адвокатам, защищавшим интересы православных активистов, - сообщалось на сайте Полит.ру, - удалось добиться устранения от дела экспертов ГЦСИ") (32).

В итоге в качестве экспертов выступили шесть дам, ни одна из которых не скрывала ни крайне негативного отношения к современному искусству, ни ультраправославных взглядов.

В конце ноября они завершили работу над экспертизой, поразительным для начала XXI века документом, на содержании которого я остановлюсь ниже.

Все это происходило за спиной художников и будущих фигурантов по делу о выставке "Осторожно, религия!". Им казалось, что цели их гонителей освобождением разрушителей выставки от уголовной ответственности достигнуты; и ситуация дальше нагнетаться не будет. Они в очередной раз недооценили радикальности намерений своих противников и их решимости довести дело до суда.

В октябре 2003 года дело против всех участников выставки "Осторожно, религия!", кроме Анны Альчук, было прекращено на том основании, что в их действиях, по мнению дознавателя, отсутствовал признак публичности, т. е. стремление предъявить свои работы широкой зрительской аудитории. Абсурдность этой формулировки следователя отметил в своем заключительном выступлении на процессе адвокат Юрий Шмидт: "Ни один из художников не сказал нам, что работы у него похитили, что

60

Свастика, Крест, Звезда

принес он их на выставку под дулом пистолета или под угрозой расправы над семьей. Все они принесли свои работы добровольно и именно для публичной демонстрации, так что вы, уважаемые господа государственные обвинители, несколько опередив события... уже начали выделять зачинщиков" (33).

7. Предъявление обвинения по делу № 4616

За год, прошедший после разгрома выставки, мы успели познакомиться с директором Сахаровского центра Юрием Са-модуровым, куратором выставочных проектов центра Людмилой Василевской и с рядом известных с советских времен правозащитников. Хотя после событий 18 января в правозащитной среде много говорилось об опасности "клерикального большевизма" (термин из листовки движения "За общее

действие", возглавляемого Львом Пономаревым), ни одного дела по обвинению в "кошунстве" в постсоветской России не было; а то, что не имеет прецедентов, вообразить себе трудно. Короче, предъявление на Рождество 2003 года обвинения Юрию Само-дурову и Людмиле Василевской по статье 282 УК РФ если и не произвело эффекта разорвавшейся бомбы (предыдущие шаги властей его подготовили), то все-таки застало врасплох.

Но еще большая неожиданность ждала мою жену Анну Аль-чук (Михальчук): она - единственная из более чем сорока участников выставки - также 6 января 2004 года попала в число обвиняемых. Вместе с ней следователь Юрий Цветков обвинил куратора выставки "Осторожно, религия!" Артура Зулумяна и художницу Наринэ Золян, которые к тому времени находились в Армении, вне досягаемости российской Фемиды.

В тот же день с Альчук, как ранее с Самодурова и Василевской, была взята подписка о невыезде. Альчук обвинялась в том, что она, "действуя во исполнение общего" с Самодуровым, Василевской и Зулумяном "преступного замысла и согласно ранее оговоренной роли координатора выставки... путем уговоров привлекла к участию" в ней нескольких знакомых художников, а также "представила экспо-

Глава 1. Звук и ярость

нат собственного изготовления" и кроме того "составила и размножила текст концепции выставки" (34).

Как Альчук могла "действовать во исполнение общего преступного замысла" с Самодуровым и Василевской, которых до выставки не знала? Что значит "привлекла путем уговоров", когда она всего лишь проинформировала нескольких других художников о выставке? Как будто художников надо "уговаривать" участвовать в выставках! Никакой "заранее оговоренной роли координатора" она также не играла. Обвинение было выдвинуто на основании экспертизы, выполненной по заказу следствия шестью дамами, чьи имена ничего не говорили людям, занимающимся современным искусством; зато они были хорошо известны в кругах православных фундаменталистов. В январе 2004 года документ под названием "Заключение экспертов по уголовному делу № 4616" стал доступен широкой общественности и, надо сказать, вызвал у художников, арт-критиков, социологов, психологов и журналистов настоящий шок. Эксперт Н. Т. Энеева начала с того, что обвинила всех без разбора отечественных "авангардистов" в "негативном отношении" к Русской православной церкви и ее символам. Получалось, что художники создавали свои работы специально для православных верующих с целью их оскорбить и унижить. Все художники представали как люди искушенные в тонкостях православного богослужения, задавшиеся целью поразить верующих в их самые чувствительные места. Например, художник Александр Косолапов, живущий уже четверть века в США, был обвинен в том, что он "знает меру святости литургических формул для церковных христиан, и именно поэтому одну из них [формулу "сие есть кровь моя" -М. Р.] использует. Безусловно, что кошунство как таковое является частью образного строя этого экспоната, а шоковая реакция на него зрителя - заведомо программируемой частью восприятия... Очевидно, что экспонат рассчитан на восприятие именно воцерковленных христиан, поскольку человек, несведущий в обрядах и таинствах церкви, не сможет понять содержащихся здесь намеков, и экспо-

62

Свастика, Крест, Звезда

наг потеряет всякий смысл" (35). А если художник из Нью-Йорка только о том, оказывается, и думает, как обидеть верующих РПЦ, то что сказать о его российских коллегах?

Вот как звучит обвинение Алины Зражевской, автора работы "Не сотвори себе кумира". "С точки зрения ортодоксальной религиозной конфессии, - уверяла Энеева, - само по себе предложение сфотографироваться в изображении оклада православной иконы есть уже побуждение к действию, направленному против православной веры, ее священных объектов и святынь" (36).

Художник Олег Кулик обвинялся в оскорблении прежде всего "католической конфессии христианства", но и это не смягчало в глазах Энеевой его вины; ведь "в конечном итоге объектом кошунства здесь является христианство как таковое, вне зависимости от конфессий" (37). Даже работа Орлова и Митлянс-кой, где символов христианства вообще нет, а есть три фотографии, изображающие части рыбы, и голова карпа на мониторе, только потому что авторы осмелились назвать ее "Last Supper", "однозначно прочитывается как намек на агонию "умирающего" христианства через показ умирания его раннехристианского символа" (38), т. е. рыбы. Панно Ирины Вальд-рон "Hello, Dolly" объявлялось "самым антихристианским" экспонатом (39), потому что его автор якобы, используя образ клонированной овцы, призывает к созданию "новой мировой религии - "антихристианства" (40). При этом оставалось неясным, как понимать написанный художницей по-английски лозунг: "Нет - клонированию Иисуса Христа!"

Заканчивается текст Энеевой обвинением специалистов, занимающихся современным искусством, в том, что они оказывают художникам "искусствоведческую поддержку", разъясняя их творения широкой публике. И хотя поддержка эта не идет ни в какое сравнение с той, какую сами эксперты оказали погромщикам выставки "Осторожно, религия!" и их вдохновителям, толкуя все исключительно в их пользу, Энеева заявляет, что без помощи искусствоведов публика воспринимала бы эти произведения "по большей части как хулиганство" (41).

Дальнейший шаг на пути криминализации выставки делает

Глава 1. Звук и ярость

эксперт К. В. Цеханская, начинающая свой текст с грозного предупреждения: "Все экспонаты выставки "Осторожно, религия!", которые оказались доступны визуальному ознакомлению, ни по форме, ни по содержанию не могут подлежать эстетическим оценкам как таковым" (42). Это не более как орудия преступления. Выпады Цеханской в адрес художников и организаторов выставки звучали даже более грозно, чем филиппики Эннеевой: "Организаторы выставки "Осторожно, религия!" фактически осуществляли идею программной агитации против православия в виде издевательских манипуляций с символами христианства... Следует отметить, что по способу выражения антирелигиозных идей выставка "Осторожно, религия!" абсолютно идентична тому, как если бы эти 40 участников просто собрались в общественном месте и стали бы хором произносить нецензурные слова, оскорбляющие национально-религиозные святыни России" (43). Понимая, что так просто от статуса выставленных работ как произведений искусства не отделаешься, Цеханская не останавливается перед следующим выводом: "Искусство... может напрямую служить преступным целям. То есть преступление по своей форме может носить характер искусства, в том числе изобразительного искусства" (44). Этим тезисом она боится на случай, если суд все-таки признает работы художников - некоторые из которых пользуются международной известностью - произведениями искусства, и вопрос о соотношении искусства и преступления встанет во всей своей остроте. Вывод Цеханской предсказуем: "Данная экспозиция почти вся, за исключением камлания шамана, построена на целенаправленном переименовании смысловых установок Православия, воплощенных в образах распятия, креста, текста Евангелия, икон" (45)

Эксперт Н. Е. Маркова не скрывала своего неприятия современной западной культуры, одобряющей, по ее мнению, "сексуальные отклонения, мужской и женский гомосексуализм" (46). Ей противопоставляется русское православие: "Благословляя брак, семью, рождение детей, оно способствовало укреплению

64

Свастика, Крест, Звезда

важнейших государственных институтов и всегда высказывало крайне отрицательное отношение к нелегитимным формам полового поведения - блуду, содомии, гомосексуализму" (47). Будучи "преобладающей религией в Российском государстве, православие определяло "базовую систему ценностей" (48) общества. Глядя на работы участников выставки "Осторожно, религия!" сквозь призму единственно верного учения, православия, Маркова обвинила не менее как 30 (!) из них в "дехристианизации", "характерной для западной контркультуры" (49). Почему художники должны способствовать "христианизации" России, осталось неясным, но в том, что "дехристианизация" является в светском Российском государстве уголовно наказуемым деянием, эксперт не усомнилась ни на миг.

Сталось от Марковой и отдельным художникам. Олег Кулик был обвинен в "сатанизме и половых девиациях, гомосексуализме, зоофилии и педофилии... Условный рефлекс, вызванный картинкой [имеются в виду работы Кулика - М. Р.], где соединены половые акты животных и людей, может навсегда превратить человека в зоофила" (50). Не пощадила она и Ма-мышева-Монро: "Созданный масс-медиа образ Мамышева-трансвестита опорочивает, дискредитирует, язвит все, с чем он соприкасается..." (51). Похоже, что эксперт, приглашенный следствием в качестве ученого, верит в магию и имеет еще более фантастические представления об искусстве, чем Эннеева и Цеханская.

Конструкцию обвинения венчает текст психолога В. В. Абраменковой. Взятый ею с самого начала тон еще более грозен, чем у предшественниц: "...верующими православными христианами любые манипуляции с иконами вне сферы их почитания воспринимаются как надругательство, повреждение, глумление, вызывая тяжелую психотравму, страдания, сопоставимые (и даже превосходящие!) психоэмоциональные негативные переживания по поводу оскорблений близких людей: матери, жены, ребенка и т. д." (52). Отсюда следует, что работы Тер-Оганяна, Косолапова, Зражевской, Зауташивили, Альчук и многих других травмировали погромщиков настолько, что те про-

I

Глава 1. Звук и ярость

65

сто не могли их не уничтожить. Научнообразная терминология нужна Абраменковой для того, чтобы солидаризоваться с вандалами, подвести под их действия псевдонаучную базу. Художники объявляются поборниками "новой религии", "винегрета из религиозного оккультизма, сатанизма и языческого шаманизма" (53), для построения которой они не останавливаются перед уничтожением православия. "Таким образом, - делает вывод Абраменкова, - экспозиция выставки "Осторожно, религия!" имеет многозначный смысл: с одной стороны - в уничтожении, дискредитации, стирании из социальной памяти людей религии Православия как основы русской культуры и, с другой стороны, в насаждении иной религии, восходящей к оккультным и сатанинским учениям и характеризующейся религиозной ненавистью и нетерпимостью к христианству" (54).

Когда-то по подобным наветам сжигали на костре еретиков и ведьм, но что такое возможно в начале XXI века в светском государстве, до знакомства с экспертизой по делу № 4616 нельзя было себе вообразить! Однако Абраменкова пошла дальше и на основе "социометрического тестирования" установила, что Самодуров, Васильев-ская, Зулумян, Золян и Михальчук (Альчук) были не менее как лидерами "корпорации", группы, "имевшей тенденцию развития в криминальное сообщество, опасное для социума и

для самих ее членов" (55). Причем Альчук оказалась, в описании эксперта, "художественным и идейным руководителем и эмоциональным лидером группы", Зулумян и в меньшей мере Золян - "безусловными, жестко авторитарными лидерами", а Самодуров с Василовской - "организаторами и техническими руководителями выставки". Пожалуй, со времен сталинских показательных процессов 30-х годов в России не раздавалось столь диких, зловещих и совершенно произвольных, буквально высосанных из пальца призывов к расправе с ни в чем не повинными людьми, закамуфлированных под результаты "анализа групповой динамики" (56).

Ужас положения состоял в том, что следователи Юрий Цветков и Елена Котова полностью согласились со средневековыми

66

Свастика, Крест, Звезда

писаниями шести ученых дам и на их основании предъявили Самодурову, Василевской и Альчук обвинение по статье 282 УК РФ, как того с самого начала и требовали сначала погромщики и их сторонники, а затем депутаты Госдумы. Заказной характер дела на этом этапе не вызывал не малейших сомнений - найти таких экспертов можно было только, если уж очень хорошо постараться. К тому же в памяти была еще свежа история с угрозами в адрес специалистов из ГЦИ, не усмотревших в выставке "Осторожно, религия!" криминала.

Против заказанной следствием экспертизы было написано полтора десятка текстов социологов, психологов, этнографов, искусствоведов, являющихся специалистами в области современного искусства, социологии, психологии и религии. Все они были резко критическими.

Приведу выводы, к которым, ознакомившись с официальной экспертизой, пришел известный социолог Юрий Левада: "1. Экспертные заключения не могут считаться объективными и убедительными. В них заметна предвзятость, стремление оценивать экспонаты и всю выставку не столько с научной, сколько с конфессиональной точки зрения. Поэтому представляется целесообразным проведение дополнительной, строго научной экспертизы.

2. Обвинения, выдвигаемые против организаторов выставки, нельзя считать обоснованными.

3. Никакими соображениями нельзя оправдать участников разгрома выставки, следует добиваться возобновления и доведения до конца возбужденного в этой связи уголовного дела" (57).

Не менее однозначно высказался и этнограф Николай Гиренко, выступавший в Санкт-Петербурге в качестве эксперта на многих антифашистских процессах: "Религиозные образы, выражения из Священного писания, метафоры и символика являются неотъемлемым компонентом культурной системы, в том числе и русской культуры... (58). Он отметил также, что, если согласиться с экспертами, "следовало бы запретить экспонирование икон как произведений изобразительного искусства (так как это является профанацией священных символов) во всех музеях России-

г

Глава 1. Звук и ярость

67

и.. Соответственно, любые формулы, образы, метафоры, используемые в культовой практике, в соответствии с этой логикой могут употребляться только в сакральном культовом значении. Очевидно, ни то, ни другое невозможно" (59).

"Возвращаясь к художникам и произведениям выставки "Осторожно, религия!", утверждаю, - писал руководитель отдела новейших течений Третьяковской галереи Андрей Ерофеев, - что главные мишени их разоблачений, деконструкций, пародий - это массовая культура, средства массовой информации, политическая власть и коммерческая реклама. Все эти институты конъюнктурно, в корыстных целях и в широких масштабах манипулируют сознанием современного человека. Часто орудием этой манипуляции служат библейские сюжеты и образы, хорошо знакомые населению христианского мира" (60).

На непрофессионализм и откровенную пристрастность экспертизы, положенной в основу обвинения Самодурова, Василовской и Альчук, указали и остальные специалисты, получившие возможность с ней ознакомиться.

Их отзывы были приобщены к делу № 4616.

Даже такой опытный в правозащитных делах адвокат, как Юрий Шмидт, не сразу поверил, что подобное дело можно довести до суда; он считал, что сторона обвинения блефует, но дальнейшие события доказали обратное. "Я когда услышал об этом деле, - говорил он, - то был убежден, что никакого дела просто быть не может, что это больше похоже на анекдот. Но когда мне сказали, что предъявлено обвинение и людям предложено ознакомиться с материалами дела перед передачей в суд, я понял, что это серьезно" (61).

В феврале-марте 2004 года Самодуров, Василовская и Альчук начали знакомиться с шестнадцатью томами дела; оно состояло из протоколов допросов художников и одиннадцати томов писем верующих, выдержанных в сталинской традиции так называемых "писем трудящихся", которые, не видя выставку, требовали максимально строгого наказания "кошунников".

20 апреля 2004 года дело № 4616 было передано в Таганский суд Москвы и попало к судье Наталье Лариной.

68

Свастика, Крест, Звезда

8. Суд. Эпизод первый

15 июня 2004 года состоялось первое слушание по делу. Адвокат Шмидт заявил, что от предъявленного обвинения нельзя защищаться в силу его неконкретности. "Как может быть, - спрашивал он, - чтобы выставка была преступной, а экспонаты, из которых она состоит, таковыми не являлись? Что есть выставка как не совокупность экспонатов?"

В качестве положительного примера в плане конкретности обвинения Шмидт привел дело писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, которых обвинили в "антисоветской пропаганде" за публикацию их произведений под псевдонимами за границей и в феврале 1966 года приговорили к длительным срокам заключения: на том процессе, подчеркнул адвокат, было четко указано на то, какие именно фразы вменялись подсудимым как антисоветская пропаганда.

Адвокаты Сергей Насонов, Елена Липцер и Ксения Костромина согласились с аргументами Шмидта. Обвиняемые на вопрос, понимают ли они предъявленное им обвинение, единодушно ответили: "Не понимаем".

16 июня 2004 года судья Ларина возвратила обвинение в прокуратуру с требованием уточнения обвинения, отведя на это шесть дней.

В очередной раз возникла иллюзия, что дело развалилось. "Мы считаем это, безусловно, своим успехом и победой общества", - заявил Юрий Шмидт.

Даже журналисты, явно разделяющие негодование православных по поводу якобы имевшего место на выставке кощунства, например, Максим Соколов, не усматривали в действиях обвиняемых вменяемого им состава преступления. "Самодурова обвиняют в разжигании розни по религиозному признаку, хотя из сути совершенного им деяния это никоим образом не следует. ... глумление над православной верой совсем не обязательно должно порождать ненависть к объекту глумления - скорее наоборот" (62). Ненависть, считает Соколов, выставка разожгла исключительно к ее организаторам и участникам, а не к треть-

Глава 1. Звук и ярость

69

им лицам, которых имеет в виду закон. Указал он и на беспочвенность утверждения, что организаторы и участники выставки представляли некую религиозную секту.

Свое мнение об открывшемся процессе высказал Эндрю Осборн (Andrew Osborne), корреспондент английской газеты "The Independent": "Современное искусство часто шокирует, но создателей таких произведений, как правило, не бросают в тюрьму за оскорбление чьих-то чувств, особенно в странах, провозглашающих себя демократическими. Однако в России Владимира Путина доморощенные Дамьены Херсты (Damien Hirst) учатся вести себя осторожнее. Если судить по открывающемуся беспрецедентному процессу, за неудачную картину или инсталляцию ее создатель может оказаться на скамье подсудимых, сесть в тюрьму или подвергнуться штрафу" ("The Independent", 16.06.04).

19 июня 2004 года случилось трагическое событие, омрачившее возникшую после решения судьи Лариной эйфорию.

В своей петербургской квартире был убит Николай Гиренко, автор "Отзыва на комплексную судебную экспертизу по уголовному делу № 4616". Он выступал экспертом по многим антифашистским делам, и убийство скорее всего было актом мести со стороны тех, кто имел основания его ненавидеть, - профашистских кругов. Выстрел был произведен через дверь; убийца - очевидно, это был профессионал - использовал пулю со смещенным центром тяжести, запрещенную Женевской конвенцией.

В деле Сахаровского центра наступил перерыв до начала ноября.

9. "Встать, суд идет!". Ноябрь 2004 г. - март 2005 г.

3 ноября 2004 года судья Таганского суда Москвы Владимир Проценко начал слушания по делу о выставке "Осторожно, религия!". Кроме трех обвиняемых - Юрия Самодурова, Людмилы Василевской и Анны Альчук - в процессе участвовали адвокаты Самодурова: Юрий Шмидт и Ксения Костромина,

70

Свастика, Крест, Звезда

Глава 1. Звук и ярость

71

адвокат Василевской Анна Ставицкая, заменившая Елену Липцер, и адвокат Альчук Сергей Насонов, а также общественные защитники Лев Пономарев (защищал Самодурова), Евгений Ихлов (защищал Василевскую) и Александр Подрабинек (защищал Альчук).

Сторона обвинения также была усилена; к прокурору Кире Гудим присоединилась Юлия Новичкова, прокурор Московской городской прокуратуры.

Процесс начался с допроса "алтарников", которые красочно описывали страдания, которые они претерпели в результате посещения "безбожной" выставки.

Г. Б. Гарбузов, например, заверил суд, что воспринял агонизирующую голову карпа на мониторе как "призыв к насильственному уничтожению христианства, так как рыба является древним символом Христа" (63). У А. В. Зякина посещение выставки "создало полное ощущение нахождения в сатанинском капище, где совершается ритуальное служение сатане... Увиденные на выставке экспонаты глубоко оскорбили и возмутили" (64). В аналогичных выражениях повествовали о выставке остальные "алтарники" и женщины,

входившие в группу поддержки. Особо свидетели обвинения настаивали на том, что их возмутил факт участия в выставке "Осторожно, религия!" "известного кощунника" Авдея Тер-Оганяна, на которого в 1999 году было заведено уголовное дело по статье 282 УК РФ и который, скрывшись за границей, получил в Чехии политическое убежище. Его работа "Иконы на картоне" подавалась как верх издевательства над чувствами православных.

Погромщики и их сторонники с трудом, путаясь, заикаясь, делая длинные паузы, отвечали даже на вопросы явно подыгрывавшего им обвинения, а вопросы защиты и вовсе ставили их в тупик. Некоторые из них на полном серьезе уверяли, что живут не в светском, а в православном государстве; никто не смог ответить на вопрос, что побудило его или ее прийти на выставку.

Допрошенные в качестве свидетелей "алтарники", словно договорившись, отрицали факт погрома; говорили, что ветре-

тили на выставке случайно, что до этого не знали друг друга. Не могли они объяснить и того, как у них в руках оказались баллончики с краской. Призыв адвоката Шмидта не запирается и рассказать, как действительно было дело, вызвал гневные протесты православных, находившихся в зале суда в явном большинстве.

Прихожане храма Святителя Николая в Пыжах лгали суду. Так, одна свидетельница заявила, что, войдя в зал после погрома, видела на постере Косолапова лик Спасителя; на самом деле он был к тому времени залит краской. Один из погромщиков, Владимир Сергеев, уверял суд, что на выставке с целью загубить православие исполнялись сатанистские ритуалы вуду. "Он утверждал, что даже палка, воткнутая в землю, - писал правозащитник Евгений Ихлов, - это антикрест, а музей Сахарова - храм сатанизма" (65). (66)

Свидетельница Бакума, сторож в храме, говорила, что те, кто видели выставку "Осторожно, религия!" и не оскорбились, также должны сидеть на скамье подсудимых.

Атмосферу в Таганском суде в ноябре 2004 года описала в "Записках со скамьи подсудимых" Анна Альчук: "Все этажи суда забиты фанатиками с иконами. Они громко молятся, хором поют "Боже, царя храни" и раздают антисемитские листовки. Людей, пришедших с нашей стороны, постоянно оскорбляют, называют "жидовскими мордами" и т. д. Рассказывали, что одна верующая женщина в кулуарах суда стала упрекать погромщиков за лжесвидетельство... это вызвало дикую агрессию, и ее чуть не избили" (67).

15 ноября на заседание суда пришел правозащитник Сергей Ковалев. Его появление вызвало взрыв негодования со стороны "глубоко верующих". Только что певшие псалмы люди начали кричать: "Предатель русского народа!", "Вон из нашей страны!", а одна бабушка, указывая на правозащитника пальцем, укоризненно воскликнула: "Еврейская страна!"

Удивило и то, как "глубоко верующие" обращаются с предметами культа. Иконами они занимали места, а если надо таранили ими спины "врагов православия". "Был момент, когда икона (мож-

72

Свастика, Крест, Звезда

г

но ли вообразить большее святотатство!) превратилась в орудие возмездия: "Николаем-чудотворцем" толкали в спину девушку, посмеившуюся не на свое место" - писал журналист Георгий Целмс в статье "Распи его!" (68).

На суде разверзлась бездна, отделяющая бредовые конструкции фундаменталистов от реального поведения тех, кого прокурор Юлия Новичкова на протяжении всего процесса называла "глубоко верующими".

18 ноября суд приступил к допросу участников выставки.

Естественно, никто из художников не признался в намерении оскорбить православие или какую-то иную религию. В основном они говорили об истории искусства и о содержании своего творчества.

Представительницы прокуратуры, не говоря уж о православных, не имели элементарных познаний в этой области, и художникам приходилось читать им что-то вроде курса истории искусства для начинающих.

Валерий Орлов напомнил им, что живая рыба изображалась на натюрмортах Снайдерса и в работах других художников, ни у кого не вызывая мыслей о статотатстве; Олег Кулик объяснил, что его работа была своеобразной репликой "Сикстинской мадонны" Рафаэля; художница-шаманка Вера Сажина рассказала о ритуалах тувинского шаманизма и т. д. и т. п.

В том же духе отвечали и другие художники.

Обвинение делало все, чтобы вынудить одних художников наговаривать на других, особенно на Авдея Тер-Оганяна, работы которого оно явно считало своей козырной картой, но, как выяснилось из ответов художников, даже те, кому его творчество не импонировало, не усматривали в нем намерения кого-либо оскорбить.

К тому же оказалось, что многие из участвовавших в выставке художников - верующие, по преимуществу православные, что религиозная проблематика играет в их творчестве существенную роль. Так что сохранить монополию на понимание православия сторонникам Шаргунова не удалось. Один из художников оказался потомком знаменитого богослова, философа и ученого, отца Павла Флоренского; прадед другого был уче-

Глава 1. Звук и ярость
73

ником Святого Иоанна Кронштадтского; третий учился в Свято-Тихоновском Богословском институте;

четвертый реставрировал церкви и т. д... Парадоксально, но многие художники, писала Анна Альчук, "оказались очень искренними и верующими людьми и, представляя свои работы на выставку, решали определенные, явно существенные для них, религиозные проблемы" (69).

В тот день, 18 ноября, в суде присутствовал депутат Госдумы Александр Кругов, в недавнем прошлом ведущий телепрограммы "Русский дом", активнейшим образом участвовавший в нагнетании страстей вокруг выставки. Перед отъездом он во дворе суда держал речь перед верующими. После этого началась настоящая оргия антисемитизма. Адвокатам, художникам, общественным защитникам разъяренная, уверенная в своей безнаказанности толпа кричала: "Позор!", "Убирайтесь на малую (имелось в виду на "историческую" -М. Л) Родину!", "Надо перевешать всех жидов!", "Холокоста на вас нет!".

Адвокаты вынуждены были заявить протест против разжигания межнациональной розни в здании суда. Судья приказал вызвать наряд милиции и очистить коридор, в котором дожидались своей очереди свидетели. Однако и после этого знакомую художницу трижды обозвали "жидовской мордой", а другому свидетелю пригрозили физической расправой.

На следующем заседании под аккомпанемент злобного шипения "жидовня, жидовня!" бородатый человек крестил художников фотографией царской семьи, недавно причисленной к лику святых. В тот же день одетая во все черное старуха с плакатом "Русский, не забывай, что ты русский!", постоянно дежурившая на лестничной площадке, набросилась на нас с криком: "Вы убили тысячи наших православных детей!"

8 декабря суд закончил слушать показания художников. "Те из художников, которые хотели выступить, выступили, - писала Анна Альчук. - Причем все вели себя достойно: никто не каялся, никто никого не закладывал. Все отстаивали свой язык, свое право делать то, что считают нужным" (70).

24 декабря обвинение приступило к зачитыванию писем

74

Свастика, Крест, Звезда

верующих. Никто из подписантов выставки, естественно, не видел, но это не мешало им обращаться к прокуратуре с требованием признать их потерпевшими по делу № 4616. Под одним обращением Майкопского казачества республики Адыгея стояло около 1600 подписей; подписать! другого письма поздравляли "алтарников" с проведением успешной "контртеррористической операции". Все они клеймили позором организаторов и участников выставки и требовали для них максимально сурового наказания. "Читалось обращение, - писал Евгений Ихлов, - где заявлялось, что богохульство было самым страшным государственным преступлением по уголовному уложению 1649 года, а сейчас Боннэр и Самодуров ходят безнаказанными" (71).

12 и 13 января 2005 года прокурором Юлией Новичковой зачитывалась экспертиза, основные положения которой изложены выше.

17 января начался допрос свидетелей защиты: искусствоведов, социологов, психологов, историков религии. Все они доказывали, что использование религиозных символов в искусстве и культуре имеет длительную традицию; что в выставочном контексте эти символы перестают быть сакральными и становятся частью произведения; что современное искусство не конкурирует с религией, и т. д.

25 января стало известно, что пятьсот граждан России, в том числе девятнадцать депутатов Госдумы, обратились к генеральному прокурору с письмом, в котором настаивали на запрете в России всех еврейских организаций. Оправдывался этот шаг тем, что еврейские организации возбуждают против русских патриотов уголовные дела о разжигании межнациональной розни. В письме содержались стандартные антисемитские выпады, вплоть до утверждения, что евреи употребляют в ритуальных целях кровь христиан (так называемый "кровавый навет").

В те дни в Польше праздновалась 60-я годовщина освобождения Освенцима Красной армией, и президент Путин вынужден был извиниться за рост антисемитских настроений в России.

Глава 1. Звук и ярость

75

1 февраля давали показания подсудимые. Самодуров, Васи-ловская и Альчук решительно отвергли предъявленные им обвинения. Самодуров показал суду каталоги западных выставок, где демонстрировались куда более смелые работы на религиозные темы, чем те, что были на выставке "Осторожно, религия!". Ксерокопии нескольких работ были по решению судьи приобщены к делу.

10 февраля в суде выступил член Совета по взаимодействию с религиозными организациями при президенте России епископ христиан веры евангельской (известных как "пятидесятники"), Сергей Ряховский. Он назвал выставку "изохренной провокацией против христианства" и выступил в защиту "граждан, пресекших провокационную выставку". "Он пригрозил, - пишет Альчук, - что подобные выставки в регионах могут быть в следующий раз пресечены уже протестантами. Затем последовал совершенно неожиданный вывод: оказывается, выставка спровоцировала антисемитизм и от нее страдают ни в чем не повинные евреи. Когда адвокат Шмидт поинтересовался, в связи с последним утверждением, как русские могли спровоцировать антисемитизм, Ряховский заявил, что и письмо депутатов о запрете еврейских организаций, и избиение раввина (в январе группа хулиганов в Москве напала на раввина - М. Р.) являются следствием выставки" (72).

После этого состоялось предъявление "вещественных доказательств" обвинения, изуродованных "алтарниками" работ. Контраст между их демонизацией и криминализацией в масс-медиа, а затем в

процессе следствия и суда и тем, что представляли из себя их останки, был настолько велик, что даже верующие, впервые увидевшие их в зале суда, были разочарованы и ненадолго притихли.

10. Прения сторон. 2 марта 2005 г.

2 марта в суде собралось так много людей, что даже те, кто пришли за час до начала заседания, не смогли попасть в зал. Прокуроры Новичкова и Гудим потребовали для Самодурова-

76

Свастика, Крест, Звезда

ва трех лет лишения свободы в колонии-поселении, а для Васи-ловской и Альчук - по два года каждой.

Альчук они просили освободить от отбывания наказания за истечением срока давности (так как она не работала в Сахаровском центре, ее судили по более "мягкому" пункту статьи 282, предусматривающему до двух лет лишения свободы). Кроме того, прокуратура ходатайствовала перед судом о лишении Самодурова и Василов-кой права занимать административные должности.

Представительницы государственного обвинения также обратились к суду с просьбой "разрешить судьбу вещественных доказательств путем их уничтожения" (73).

При этом прокурор Новичкова обильно цитировала параграфы из законодательств демократических стран и ссылалась на практику Европейского суда по правам человека. В прецедентах, на которые она указала, речь, правда, шла не об уголовном преследовании, а об ограничении на прокат и распространение произведений искусства, показавшихся оскорбляющими религиозные чувства.

Затем она вновь расписала "страдания" оскорбленных погромщиков выставки и выводы экспертов как доказательства вины подсудимых.

Все показания свидетелей защиты были отвергнуты как пристрастные и некомпетентные.

Прокурор Гудим начала с того, что сами художники не отрицали, что современное искусство может кого-то задеть и оскорбить, а Самодуров даже утверждал, что оно "должно шокировать, ошеломлять, вызывать слезы" (74). Из этого якобы напрашивался вывод, что разгром такого искусства был закономерной и чуть ли не запрограммированной реакцией верующих людей на оскорбление священных для них символов. Затем шло перечисление написанных по шаблону "писем трудящихся", представителей конфессий и т. д.

"Представленные доказательства определенно свидетельствуют о том, - продолжала Гудим, - что концептуальная направленность выставки, ее название, подбор экспонатов, публичное распространение информации, которая содержит

Глава 1. Звук и ярость

77

отрицательную эмоциональную оценку, сформировали негативную установку в отношении различных этнических и конфессиональных групп, спровоцировали ограничение их прав и насильственные действия против них. Указанные действия подсудимых породили напряженность в обществе, что мы имели возможность наблюдать на всем протяжении рассмотрения настоящего дела не только в коридорах суда, но и за его пределами, сформировали негативные стереотипы и послужили и продолжают служить уже на протяжении двух лет питательной почвой для конфликтов" (75).

Другими словами, подсудимые, по мнению стража закона, должны ответить и за кампанию травли, жертвой которой стали они и их коллеги, и за антисемитские выходки почувствовавших свою безнаказанность "глубоко верующих" в здании суда.

Вывод стороны обвинения оказался предсказуемым: "Подводя итог сказанному, уважаемый суд, просим признать виновными подсудимых Самодурова Юрия Вадимовича, Василов-скую Людмилу Викторовну и Михальчук (Альчук) Анну Александровну, каждого в совершении действий, направленных на возбуждение вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, совершенных публично; Самодурова и Василевскую также -лицом с использованием своего служебного положения..." (76).

Адвокат Шмидт, параллельно с Самодуровым защищавший и Михаила Ходорковского, был взбешен кровавыми требованиями представительниц обвинения. "Я утверждаю, - начал он свою речь, - что сегодня на скамье подсудимых сидят люди, преследуемые по политическим мотивам; люди, которые в случае лишения свободы будут признаны узниками совести. Дело же это станет абсолютным позором для современного российского правосудия, потому что вскоре после приговора, который вы просите...взорвется мир" (77).

Затем он повторил мысль, высказанную ранее писателем Войновичем и имеющую прямое отношение к сути процесса против Сахаровского центра: "Здесь речь идет о том, что те, кто

78

Свастика, Крест, Звезда

сегодня выставляет себя жертвами антирелигиозного экстремизма. ... сами являются религиозными экстремистами. Они требуют, чтобы было так, как хотят они, и никак иначе: никакой другой веры. Права других людей их совершенно не интересуют" (78).

Главным пороком обвинения, повторил он, является его абсолютная неконкретность.

И, конечно, обвинение даже не попыталось доказать наличие у обвиняемых умысла на разжигание национальной и религиозной розни.

Сходные мысли высказали в своих выступлениях адвокаты Сергей Насонов и Анна Ставицкая, а также

правозащитники Лев Пономарев, Евгений Ихлов и Александр Подрабинек.

"Если бы все верующие и атеисты, - сказал бывший политзаключенный, автор книги "Карательная медицина" (1978) Александр Подрабинек, - находили защиту своих чувствительных душ у прокуратуры и требовали своих религиозных обидчиков к уголовному ответу, в государстве начался бы сначала хаос, а затем бесконечная резня... Сегодня прокуратура поясняет в суде, как не надо писать картины и как надо относиться к религии и Богу. Завтра она строго укажет нам уже в новом суде, как нельзя писать книги, ставить кино и сочинять музыку. А послезавтра нам предпишут, как следует безупречно одеваться, как правильно заниматься сексом и с каким выражением лица необходимо смотреть на руководителей государства. На этом пути нет остановок, потому что это путь по наклонной плоскости в пропасть тоталитарных порядков и диктатуры" (79).

В статье "Первый идеологический процесс в "демократической" России" Юрий Самодуров и Людмила Василевская, подводя итоги многомесячного судебного следствия, обратили внимание на его характерные особенности:

"1) Представители государственного обвинения предъявили в качестве доказательств вины подсудимых показания свидетелей обвинения, которым нельзя доверять как свидетелям, и заключение экспертов, которым нельзя доверять как специалистам по современному искусству.

2) Характерен нескрываемый антисемитский настрой по-

Глава 1. Звук и ярость

79

давлиющего большинства людей, которые во время процесса постоянно приходили в судебные заседания, чтобы услышать и, вероятно, поддержать государственное обвинение. По сути представители прокуратуры объективно находились в процессе на стороне такого рода людей, которые открыто и публично говорят и пишут о своей ненависти к евреям, о необходимости их выдворения или уничтожения.

3) Письма протеста против неправомерности возбуждения уголовного дела и суда над организаторами выставки "Осторожно, религия!" направили в Таганский суд и СМИ многие отечественные и зарубежные общественные организации: русский ПЕН-центр, Движение "За права человека", "Мемориал", Институт прав человека, International League for Human Rights, Human Rights Watch, Committee of Concerned Scientists (США) и др., кроме того, аналогичные письма направили в суд православные верующие (письмо подписали около 50 человек) и лица, работающие в сфере образования, науки, культуры (под письмом около 400 подписей, в том числе около 100 подписей граждан из Франции, Германии, других стран Европы, а также США).

4) Суд принципиально практически не ограничивал ни представителей государственного обвинения, ни подсудимых и их защитников, ни свидетелей обвинения и защиты в постановке и обсуждении в судебных заседаниях значимых, по мнению участников процесса, вопросов и с согласия представителей прокуратуры разрешил защите вести полную аудиозапись всех судебных заседаний... (80).

Гневным письмом на требования прокуратуры откликнулась вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр. Она не случайно назвала его "Улики всегда уничтожают". "Самым красочным, - писала она, - является последний пункт требований прокурора - принять решение об уничтожении вещественных доказательств -экспонатов выставки. Зачем это? Праведный и независимый суд этого не делает, но всегда стремится сохранить улики, чтобы любая высшая судебная инстанция или даже суд Истории могли убедиться в справедливости приговора и независимости суда.

Два примера:

80

Свастика, Крест, Звезда

Время Сталина. Когда умер в камере Рауль Валленберг, тюремный врач в своей докладной спросил, как поступить с трупом. Кабулов (был тогда такой министр) не распорядился о вскрытии, а написал "кремировать". И до сих пор мы не знаем, умер ли Валленберг от инфаркта или получил пулю в затылок. Время Горбачева. Когда академика Сахарова Горбачев вернул из Горького, Сахаров просил возвратить ему изъятые разными способами (обыски, воровство) его рукописи и дневники. Ему сказали, что их нет. А теперь у меня на руках есть Акт о сожжении 570 томов "дела Сахарова-Боннэр" по распоряжению тогдашнего министра Крючкова. И это действительно преступное деяние совершалось именно в те месяцы (и чуть позже), когда народный депутат Сахаров обратился со своей просьбой.

Время подполковника Путина. Требование прокурора об уничтожении картин художников, которые участвовали в выставке "Осторожно, религия!", т. е. - "улик "преступления"" -только подтверждает, что преступления не было.

Это требование подтверждает, что "Время приходит и уходит", но ПОЧЕРК ОРГАНОВ остается тем же. Преступники -будь то убийцы, грабители или неправый суд вместе со следствием и прокурором - ВСЕГДА УНИЧТОЖАЮТ УЛИКИ" (81).

О роли "органов", как называли спецслужбы в советские времена, в этом деле догадывались многие, но во весь голос об этом было заявлено впервые.

На этом этапе международная поддержка подсудимых резко возрастает. Приходит письмо за подписями пятисот европейских, преимущественно французских интеллектуалов, среди которых десятки всемирно-известных имен; они ставят дело Са-харовского центра в контекст второй чеченской войны и других

эксцессов последних лет в области культуры.

Вступился за подсудимых и Вацлав Гавел.

В своем обращении к президенту Путину влиятельная правозащитная организация Amnesty International заявила, что в случае осуждения фигурантов по этому делу к реальным

Глава 1. Звук и ярость

81

срокам заключения они будут объявлены узниками совести, и правозащитники потребуют их немедленного освобождения.

Очень вероятно, что именно это обращение повлияло на сравнительную мягкость наказания в этом деле.

Перед вынесением приговора поступало также множество писем поддержки от частных лиц на имя президента России, генерального прокурора, председателя Московского городского суда и других должностных лиц Российской Федерации.

11. Приговор

28 марта в переполненном зале Таганского межмуниципального суда по делу о выставке "Осторожно, религия!" был вынесен приговор. В нем было тридцать восемь страниц убогистого текста.

Звучит этот документ угрожающе: чем-то он напоминает постановления суда инквизиции. Построен он так, как если бы у подсудимых не было адвокатов, как если бы десятки известных ученых не опровергали все аргументы заказанной следствием экспертизы, как если бы хоть один художник или обвиняемый признал намерение кого-то оскорбить, короче, как если бы не было пятнадцати месяцев интенсивной работы стороны защиты.

Приговор основывается исключительно на отредактированных показаниях погромщиков (в зале суда они звучали намного бессвязней); на свидетельствах художников, ни одно из которых не дает основания для признания подсудимых виновными; на крайне пристрастной экспертизе, целые пассажи из которой были без изменений переписаны судьей; на письмах представителей конфессий, ни один из которых на выставке не был; на свидетельствах людей, которые не скрывали своего отрицательного отношения ко всему современному искусству, а не только к выставке "Осторожно, религия!". Вся описательная часть приговора, тридцать четыре страницы, посвящена изложению взглядов сторонников стороны обвинения, а все аргументы против-

82

Свастика, Крест, Звезда

ной стороны отменяются всего в нескольких строках на страницах 34-35.

Уже на первой странице приговора читаем: "Самодуров и Василовская совершили действия, направленные на возбуждение вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, публично, лицом с использованием своего служебного положения" (82).

Третья подсудимая, Анна Альчук, оправдывалась за отсутствием состава преступления; независимо от того, считать выставку преступлением или нет, обвинению так и не удалось привести хоть одно доказательство ее причастности к ее организации.

Итак, выставка была решением суда признана преступлением. Вместе с тем судья Проценко впервые после распада СССР признал коммунизм человеконенавистнической идеологией, приравняв его к национал-социализму: "Христианство уподобляется [в работе художника Дорохова "В начале было слово" -М. Р.] нацизму и коммунизму, двум человеконенавистническим идеологиям, ставшим основами тоталитарных режимов XX века. Работа опорочивает христианскую религию, приравнивая ее к фашизму [судья почему-то забывает добавить: "и к коммунизму" - М.Р.]" (83).

Без объяснения причин судья Проценко признал разжигающими национальную и религиозную рознь только десять из более чем тридцати работ, объявленных "кошунственными" авторами экспертизы. Это экспонаты Магидовой, Зражевской, Кулика, Дорохова, Елагиной, Косолапова, Тер-Оганяна, Орлова и Митлянской, Вальдрон и Зауташвили. Только в двух (!!!) из них, у Зражевской и Тер-Оганяна, использовалась православная атрибутика; а в остальных речь шла либо об общехристианских (специфически католических) символах, либо религиозные символы отсутствовали вообще (например, в работах Вальдрон и Орлова с Митлянской).

Хотя "алтарникам" кошунственными показались не только перечисленные судьей, но и многие другие экспонаты, которые они не преминули разгромить, погром объясняется в пригово-

Глава 1. Звук и ярость

83

ре исключительно наличием на выставке работ из "горячей десятки" и определяется "как обратная реакция группы верующих, направленная на пресечение враждебных действий, унижающих их достоинство" (84). Значит ли это, что авторы не признанных кошунственными, но все же разгромленных работ имеют право на компенсацию ущерба?

Впервые называется в приговоре и национальность, которую оскорбили устроители выставки. Оказывается, это - русские, так как русская культура развилась на православной основе и основную часть паствы РПЦ составляют этнические русские. Раньше, до приговора Таганского суда, считалось, что у православных нет особого национального достоинства, поскольку эту религию исповедуют и греки, и сербы, и грузины, и молдаване, и многие-многие другие народы, как нет его и у католиков, и у протестантов.

Оказалось, у членов РПЦ национальное достоинство есть.

Участники и организаторы выставки "Осторожно, религия!" "именем Российской Федерации" стали религиозной конфессией; они признаны, с подачи эксперта Абраменковой разновидностью секты, ставящей целью, с одной стороны, разрушить православие как основу русской культуры, а с другой - насадить "иную религию, восходящую к оккультным учениям и характеризующуюся религиозной ненавистью и нетерпимостью к христианству"(85).

Совершенно бездоказательно звучит вывод судьи: "Собранные и исследованные в суде доказательства определенно свидетельствуют о том, что подсудимые осознавали провокационный, оскорбительный и унижительный характер организуемой ими выставки, предвидели возможность и неизбежность наступления общественно-опасных последствий... и желали наступления этих последствий" (86).

Ни малейшей попытки доказать наличие у Самодурова и Василевской подобных намерений предпринято не было.

И уж совсем лицемерно смотрится следующее заключение: "Обстоятельствами, смягчающими наказание Самодурова Ю. В. и

84

Свастика, Крест, Звезда

Василевской Л. В., суд признает их активное участие в общественной жизни, в том числе их правозащитную и просветительскую деятельность" (87).

Многие формулировки приговора наводят на мысли об обратном, о том, что и на этом этапе не обошлось без политического давления, без сведения счетов с правозащитниками за "прегрешения", которые прямо не называются.

Самодуров и Василевская были приговорены к самому мягкому наказанию по статье 282 УК РФ, к штрафу по сто тысяч рублей каждый.

Целью дела, которое правозащитники окрестили "первым идеологическим процессом в постсоветской России", была не суровость наказания, а демонстрация того, кто определяет правила игры в современной российской культуре, кто обладает монопольным правом на интерпретацию.

Теперь мы знаем, что это - РПЦ и те силы, которые ее поддерживают.

5 июля, после утверждения Московским городским судом приговор вступил в законную силу.

Осенью 2005 года он был обжалован стороной защиты в Страсбургском суде по правам человека.

Май-сентябрь 2005 г.

Примечания:

1. Цитируется по сборнику "Перечень документов: Последствия выставки "Осторожно, религия!"" Сахаровский центр, Москва, 2004 г.

2. "Комсомольская правда", московский выпуск, 20 января 2003 г.

3. "Православная Москва", № 3 (285), февраль 2003 г.

4. "Иностранец", 28 января 2003 г.

5. "Культура", 13-19 марта 2003 г.

6. "Коммерсант", 21 января 2003 г.

7. "Независимая газета", 21 января 2003 г.

8. www.portal-credo.ru

9. "Известия", 7 марта 2003 г.

10. "Литературная газета", 5- 11 февраля 2003 г. 11. "Консерватор", 24-30 января 2003 г.

Глава 1. Звук и ярость

85

12. там же.

13. Перечень документов. Последствия выставки "Осторожно, религия!" в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова, Москва, Музей имени Сахарова, 2004 г. (на правах рукописи).

14. "Известия", 8 марта 2003 г.

15. "Еженедельный журнал", 28 января 2003 г.

16. "Иностранец", 28 января 2003 г.

17. "Стрингер", март 2003 г.

18. "Коммерсант", 31 января 2003 г.

19. Например, "Еженедельный журнал", 28 января 2003 г. и многие другие.

20. "Еженедельный журнал", 28 января 2003 г.

21. "Свобода совести и искусства на весах Российской Фемиды", Москва, март 2005 г., с. 124.

22. Свобода совести и искусства на весах российской Фемиды, Москва, Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова, 2005, с. 126-127.

23. Николай Митрохин. Русская православная церковь, Москва, Новое литературное обозрение, 2004 г., с. 249.

24. там же, с. 247.

25. там же, с. 249.

26. "Русский вестник", № 17-18.

27. "Комсомольская правда", 12 августа 2003 г.

28. "Столичная", 7 августа 2003 г.
29. "Комсомольская правда", 12 августа 2003 г.
30. www.polit.ru, 12.08.03
31. "Новые известия", 15 августа 2003 г.
32. www.polit.ru,
33. Речь адвоката Ю. М. Шмидта в защиту Ю. В. Самодурова (рукопись), с. 15.
34. Постановление о привлечении в качестве обвиняемой Михальчук Анны Александровны, 6 января 2004 г.
35. Заключение экспертов по уголовному делу № 4616 (рукопись), с.10-11.
36. там же, с. 12.
37. там же, с. 13.
38. там же, с.14-15.
39. там же, с. 19.
40. там же с. 19.
41. там же, с. 29.
42. там же, с. 34.
43. там же, с. 35.
- 86
- Свастика, Крест, Звезда
44. там же, с. 38.
45. там же, с. 40-41.
46. там же, с. 42.
47. там же, с. 42.
48. там же, с. 42.
49. там же, с. 43.
50. там же, с. 51.
51. там же, с. 56.
52. там же, с. 68.
53. там же, с. 79.
54. там же, с. 75.
55. там же, с. 80.
56. там же, с. 78.
57. Мнения экспертов по делу о выставке "Осторожно, религия!", Москва, За общее дело, 2004, с.34-35.
58. там же, с. 41.
59. там же, с. 48.
60. Письмо А. В. Ерофеева Ю. В. Самодурову (рукопись), с. 1 -размещено на сайте www.sakharov-center.ru
61. Интервью, взятое у Юрия Шмидта Михаилом Шевелевым, опубликовано на сайте www.sakharov-center.ru
62. "Известия", 17.06.04.
62. "The Independent", 16.06.04.
63. Приговор, с. 8.
64. там же, с. 10-11.
65. Евгений Ихлов. Хроники второго обезьяньего процесса, с.2.
66. Материал размещен на сайте www.sakharov-center.ru
67. Анна Альчук. Записки со скамьи подсудимых, с. 2 - размещены на сайте www.sakharov-center.ru
68. "Русский курьер", 17 ноября 2004 г.
69. Анна Альчук. Записки со скамьи подсудимых, с. 4.
70. Там же, с. 6.
71. Евгений Ихлов. Хроники второго обезьяньего процесса, с. 7.
72. Анна Альчук. Записки со скамьи подсудимых, с.13.
73. Приговор, с. 31.
74. Приговор, с. 24.
75. Приговор, с. 28.
76. Приговор, с. 30-31.
77. "Свобода совести и искусства на весах российской Фемиды", с.33
78. "Свобода совести и искусства на весах российской Фемиды", с. 34
79. там же, с. 97-100.
80. там же, с. 6-8.
- Глава 1. Звук и ярость
- 87
81. там же, с. 121-122.
82. Приговор, с. 1.
83. там же, с. 33—34.

84. там же, с. 34.
85. там же, с. 28.
86. там же, с. 36.
87. там же, с. 37.
89

ГЛАВА 2: ПРАВО НЕНАВИДЕТЬ. "Осторожно, религия!": комментарии

Мандат на нетерпимость. Дискуссии после погрома

18 января 2003 года в нашей квартире раздался звонок. Прерывающимся от волнения голосом Арупон Зулумян, сообщил, что выставку "Осторожно, религия!" разгромили неизвестные мужчины, что они с другой участницей, Нарине Золян, стоят рядом с залом, но их туда не пускают, а женщины из группы поддержки мужчин их всячески оскорбляют. Он просил художников собраться в музее и обсудить ситуацию.

С этого момента события вокруг выставки развивались с бешеной скоростью. Митрополит Кирилл 20 января устроил пресс-конференцию, на которой осудил выставку. На следующий день появилось процитированное выше письмо деятелей культуры. После этого на участников и организаторов выставки посыпались проклятия, угрозы, обвинения в "кошунстве", "святотатстве", "русофобии". Скоро ситуация дошла до точки кипения, когда аргументы противной стороны становятся заведомо неслышны. Перекричать оргиастический хор голосов никто из оскорбляемых, конечно, не мог. Работы Зражевской, Ко-солапова, Елагиной, Вальдрон и других художников интерпретировались предвзято, непрофессионально, местами просто дико: нарисованный художником крест безапелляционно объявлялся "Животворным крестом", фанерный щит, изображающий оклад, - окладом иконы "Великий Архиерей", клонированная овечка Долли - клонированным Христом. В работе Зауташи-ли, к примеру, помещенная между ног женщины по настоянию директора Сахаровского центра черная полоска, своеобразный фиговый листок, превратилась в воображении гонителей выставки в икону Богоматери, и хотя на протяжении двух с половиной лет им повторяли, что никакой иконы там не было, "оби-

90

Свастика, Крест, Звезда

женные" упорно настаивали на своем.

В результате существующая в воображении сторонников погрома икона Богоматери, находившаяся якобы между ног женщины на фотографии, была решением суда признана оскорбляющей православие и русский народ.

В том же стиле были выдержаны другие образцы православного искусствоведения.

После разгрома выставки нам почти каждый день звонили знакомые, родственники, друзья - и мы включали телевизор, настраивались на радиостанцию, покупали газету и видели, слышали, читали, как выставку "Осторожно, религия!" разносили, обвиняли во всех смертных грехах, предавали анафеме, грозили ее участникам и организаторам земными и небесными карами.

Содержание этих проклятий было явно второстепенным по сравнению с силой издаваемого звука, с интенсивностью отрететированной "народной" ярости. Чем-то это напоминало сталинские времена, а чем-то - старый религиозный фанатизм, против которого боролись просветители. В "Трактате о веротерпимости" (1763) Вольтер описывает, как из исключительно сильного звука родилось дело Жана Каласа; как единодушный вопль оскорбленной веры стал причиной обвинения почтенного отца семейства в убийстве собственного сына (якобы за то, что последний вознамерился перейти из протестантизма в католицизм). Хотя доказательств вины Каласа не было, у него даже было алиби, мощный, иррациональный звук не стихал и продолжал сотрясать Тулузу, делая обычный порядок отправления правосудия невозможным. Уже после колесования жертвы Парижская магистратура, пересмотрев дело, признала казненного невиновным. Конечно, в современной России за преступления против веры не колесуют, но несколько лет лишения свободы жертвам нетерпимости, как тогда казалось, грозило.

Почему, спрашивал я себя, так вяло реагировали на призыв к расправе жертвы кампании ненависти.

Причин несколько. Во-первых, в результате многочисленных

Глава 2. Право ненавидеть

91

"зачисток" информационного поля, проведенных при президентстве Владимира Путина, ни художники, ни правозащитники просто не располагают сколько-нибудь значимыми информационными ресурсами.

Во-вторых, за последние пятнадцать лет произошла первичная профессионализация российского культурного слоя, которая не сопровождалась, однако, созданием развитого рынка культуры. Представители этого слоя должны зарабатывать себе на жизнь в трудных условиях. От советской системы минимальных гарантий, распространявшейся на всех, в том числе и на представителей андеграунда, теперь ничего не осталось.

В-третьих, на все сферы жизни общества оказывает влияние вторая чеченская война, в результате которой общество постепенно грубеет и утрачивает право на сложную современную культуру.

Другими словами, с одной стороны, первичная профессионализация культурного слоя в России состоялась; его возвращение в андеграунд стало невозможным. С другой стороны, стремлению государства осуществлять все более жесткий контроль над публичными, в том числе культурными пространствами,

интеллектуальное сообщество мало что может противопоставить, потому что для него, как и для большинства российских граждан, основной травмогенный фактор, вторая чеченская война, остается необсуждаемым. В результате совокупный протестный потенциал общества оказывается крайне низким. Одни его слои ничего не хотят знать о других и их проблемах: богатые - о нищих, православные - о художниках, художники - о правозащитниках и т. д... Каждая социальная группа близоруко надеется уцелеть за счет других, становясь от этого еще более уязвимой.

Один из законов обществ с сильной авторитарной тенденцией заключается в том, что различные социальные слои не должны смешиваться между собой; одни слои живут в презумпции автономности от других, особенно от тех, которые слабее защищены, маргинализированы и поэтому наиболее пригодны для формирования образа врага. Куратор выставки "Осторожно,

92

Свастика, Крест, Звезда

религия!" Зулумян не случайно делал параллельно с ней проект "Лицо кавказской национальности". Он сам был человеком, которого милиционеры часто останавливали для проверки документов, которому из-за отсутствия регистрации приходилось соглашаться на любую работу. Познакомившись с ним и с его женой, интеллигентной женщиной, уроженкой Тбилиси, мы с Анной Альчук узнали о проблемах современных армян и других выходцев с Кавказа, о том, как они мерзли в своих неотапливаемых квартирах в Ереване и Тбилиси с начала 90-х годов. Москва, где к ним, представителям кавказских элит, относились как к людям второго сорта, была тем не менее местом, где им легче было заработать себе на жизнь. Знакомство с подобными людьми пробуждает человеческую солидарность, сталкивая нас с проблемами, о существовании которых мы до этого знали понаслышке. А это чувство в авторитарном государстве оказывается наказуемым. Послание власти прочитывается просто: смешиваться с чужаками опасно. Лишенные связей и гражданских прав, они не могут отвечать за последствия своих действий и расплачиваться за них в случае чего придется другим.

После разгрома выставки Зулумян предпринял неуклюжую попытку "братания" с погромщиками, чем окончательно настроил против себя художников.

В те дни я стал понимать, что чувствуют люди, ставшие жертвами массовой кампании ненависти, развязанной против них при помощи государства. Странное чувство беспомощности и смятения овладевает ими. Что-то подобное должен ощущать человек, оказавшийся во власти разбушевавшейся стихии, когда его, как щепку, крутит огромная волна.

Погромщики и их сторонники, вторгшиеся на территорию искусства, вели себя, как слоны в посудной лавке. Они путали имена художников, приписывали работы одних художников другим, описывали работы, которых на выставке не было, создавали гибриды сразу из нескольких работ; не говоря уж о том, что их истолкования были верхом неожиданности. Так как они прославляли погром как подвиг во имя веры, разгромленные работы получали однозначную, насильственную, не терпящую

Глава 2. Право ненавидеть

93

никаких возражений интерпретацию.

К середине февраля 2003 года всем стало ясно, что речь не идет об импровизации "алтарников" храма Святителя Николая в Пыжах. И тогда некоторые представители арт-среды предприняли попытки самозащиты. Например, Владиславу Мамыше-ву-Монро сначала журналисты, а потом и думцы приписали работу Алины Зражевской, признанную особенно кощунственной. Страх оказаться крайним побудил его написать в начале марта статью "Слава приходит в кандалах". В ней художник описывает момент зарождения своего страха. Он "нарумянился, как пряник расписной, и пошел пиариться" на пресс-конференцию в Сахаровский центр, а попал вместо этого "на стихийный ура-патриотический митинг", который его смертельно перепугал. Когда же спортивного сложения "журналист" с лицом киллера попросил публику ответить на вопрос, почему Илья-пророк собственноручно зарезал 400 неверных, Мамышев-Мон-ро понял, что эта "заказушная", по его словам, история ничего хорошего ему не сулит: вместо вожделенного пиара можно угодить за решетку. С тех пор он ни разу не упустил возможности повторить, что его как православного верующего особенно задела на выставке работа Зражевской.

"На меня завели уголовное дело", - начинает он свое повествование. И хотя дела еще не было, в его открытии после "Обращения" Думы мало кто сомневался. В статье, написанной в форме письма в прокуратуру, он не только отрекся от приписанной ему работы, но сообщил, что пригласившая его на выставку куратор и художница с армянской фамилией - бывшая наркоманка, что куратор выставки Арутюн Зулумян, "старый пердун с тяжелым кавказским акцентом", и другие армяне втянули его, знаменитого художника, православного, "такого же пиар-символа России, как и РПЦ" (1) в эту грязную историю. Короче, написанный под влиянием панического страха текст был местами смешным, местами ярким, но следовал основному правилу жанра доноса: выгораживать себя недостаточно, надо "топить" других.

Под влиянием массовой кампании травли, бушевавшей

94

Свастика, Крест, Звезда

в масс-медиа в первые недели после погрома, приступы страха и замешательства испытали многие причастные к выставке люди. Через четыре дня после погрома моя жена получила от руководителя

выставочных программ Сахаровского центра Людмилы Василевской e-мэйл, в котором та просила ее повлиять на художников, чтобы те перестали раздувать выставку и пиарить себя ("За короткий срок художники получили полный комплект: скандал, известность. Только не надо дальше героизировать эту ситуацию"). Искаженная оптическая перспектива создавалась исключительно интенсивной кампанией ненависти. На самом деле не художники "пиарили" себя, а их работы стали разменной монетой в политической игре. За последние пятнадцать лет, живя во многих странах и, главное, работая на свободном интеллектуальном рынке, мы с женой прониклись сознанием того, что у нас есть защищенные законом права и что свобода творчества является достоянием, которым нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах и ни под каким давлением. Я понял, что могу бояться сколько угодно, но, уступая свое орудие производства, профессиональный язык, я проиграю все.

Возникло неразрешимое противоречие: авторитарное государство, ссылаясь на российскую специфику, заявило о своем праве на контроль над умами подданных. На начало 2003 года путинский режим перекрыл для таких людей, как я, большинство каналов связи с читателями из России. Газеты и журналы, в которых мои статьи выходили до 1999 года, в новом политическом климате либо перестали существовать, либо из-за финансовых трудностей стали выходить крайне нерегулярно, а издательство "Ад Маргинем", с которым я сотрудничал, вместо интеллектуальной стало печатать красно-коричневую и развлекательную литературу. Однако к тому времени у меня появилась возможность работать в более широком, европейском культурном пространстве, на которое контроль российской власти не распространялся. Не будь у нас этого "запасного аэродрома", мы с женой не смогли бы выдержать многомесячную осаду погромных сил. Мировое общественное мнение также со-

Глава 2. Право ненавидеть

95

ставляло существенный ресурс моральной поддержки, без которого гонимые люди легко могут почувствовать себя безумными, а свой протест - бессмысленным.

Даже после "Обращения" Думы не все могли себе представить, что дело дойдет до суда над жертвами погрома, и Анна Альчук решилась протестовать против наиболее одиозных публикаций, авторы которых призывали к расправе с художниками и организаторами выставки. После бегства Зулумяна она считала, что на ней лежит известная доля ответственности, так как она известила о выставке некоторых художников. Вообразить, что несколько десятков подписей под письмом протеста приведут ее на скамью подсудимых тогда, весной 2003 года, никто не мог, но она в любом случае едва ли поступила бы иначе.

Целью кампании травли было перевести разговор из правового поля, где против художников и правозащитников было совершено одно преступление (погром выставки) и совершалось другое (натравливание на жертв погрома), в план патетический, истерический, кликушеский. В целом этот перевод удался, и то, что погромщики действовали под влиянием нанесенного им оскорбления, у большинства наблюдателей сомнения не вызывало. Даже защитники выставки разделяли этот тезис. В итоге перенос вины стал самостоятельной виной.

В обществе с длительной предисторией тоталитарного и авторитарного правления беззаконие (особенно, если соотношение сил складывается в его пользу) легко становится законом. Люди, чье выживание зависит от общества, узаконивающего насилие, - а таких огромное большинство - понимают происходящее максимально быстро и ведут себя соответственно; ведь в противном случае им грозит быстрая социальная деградация. Те же немногие, на кого такое общество прямо повлиять не может, позволяют себе роскошь неведения более длительное время, но в конечном счете и их судьба незавидна. В обществах последовательно тоталитарных от таких людей разными способами избавляются. Но нынешний российский режим является переходным: находясь в сильной зависимости от внешней легитимации, он не может просто принести аллоген-

96

Свастика, Крест, Звезда

ные элементы в жертву националистическим силам, которым он фактически покровительствует. В системе контролируемой демократии и эти силы считаются контролируемыми, хотя история с выставкой "Осторожно, религия!" показывает, что это далеко не всегда так.

Подавляя, сужая, прореживая сферу публичной политики, делая разделение властей фиктивным, ограничивая проявления творческой свободы, режим, возникший при Ельцине и радикализовавшийся при Путине, сам прокладывает дорогу к власти революционерам от религии и националистам. В ходе кампании ненависти выясняется, что в разжигании страстей заинтересовано не только радикальное крыло РПЦ; того же, по тактическим и стратегическим соображениям, хотят, как выяснилось, и парламентарии, работники и прокуратуры, политтехнологи, представители спецслужб, журналисты, деятели культуры, ученые и т. д. Если бы не весь этот альянс, подогревающий и поддерживающий вполне определенный вид фанатизма, его носители остались бы маргиналами. Другими словами, декларируемый фанатизм вторичен, первична же государственная поддержка именно этого вида фанатизма. Эта поддержка хорошо укладывается в общую схему контролируемой демократии; она нуждается в контролируемой правозащите, в подконтрольном духовном производстве, в управляемых искусстве и литературе. Все должны знать пределы дозволенного, и процесс Сахаровского центра - важный шаг на пути определения этих пределов.

Но то, что представляется успешным с точки зрения сиюминутной политической прагматики, может

обернуться фатальными последствиями в более длительной перспективе.

Ни один российский юрист, писавший о деле Сахаровского центра, не признал законность освобождения от ответственности разгромивших выставку людей и привлечения к ней организаторов выставки. Тем не менее приговор был обвинительным. Делая демократию все более контролируемой, Россия постепенно выпадает из европейского правового поля. Если эта тенденция продолжится, можно предвидеть, что внешняя леги-

Глава 2. Право ненавидеть

97

тимация будет даваться российской власти со все большим трудом.

После погрома сама выставка "Осторожно, религия!" уже никого не интересовала. Под видом выставки обосудался интенсивный бред по ее поводу. Она стала плоскостью настолько мощной проекции, что воссоздать ее в первоначальном виде оказалось совершенно невозможным. Никого не интересовало, что проект вообще не был кураторским; что Зулумян просто брал то, что ему приносили (особенно это касалось известных художников). Параноидальная "кураторская концепция" возникла в результате кампании травли, и ее-то, собственно говоря, и обсуждали, на нее реагировали. Выставку вертело, как бумажный кораблик в море искусно разожженной "народной" ненависти. На разных этапах дела плоскость проекции, в которую превратилась выставка, менялась; бред принимал разные очертания. Сначала в масс-медиа раздраковывали четыре-пять работ, показавшихся погромным силам самыми кощунственными. Эксперты расширили список таких произведений до более чем тридцати, включив в него экспонаты, в которых не было никакой христианской символики. Они же переименовали работы в "орудия преступления". После этого следователь Елена Котова признала, что художники вообще не виноваты; они-де принесли работы не для публичного экспонирования, а на хранение, так что за все отвечают организаторы. А в конце концов представительницы прокуратуры на суде заявили, что экспонаты надо уничтожить как ненужный хлам.

А если митрополиты, депутаты, генералы, прокуроры, журналисты, деятели культуры, путая имена и работы, вступают в бой с "сознательным сатанизмом", чего ждать от простых во-церковленных, которым их пастыри сказали, что в центре Москвы, православной столицы, извращенцы от искусства и правозащиты распинали Христа, издевались над Богородицей и святыми?

Итак, о погроме давно забыли бы, если бы не кампания запугивания, не внедрение в массовое сознание серии мифов, с которыми оно быстро свыкается и начинает исходить из пре-

98

Свастика, Крест, Звезда

зумпции их невыдуманное™, естественности. Возникает представление, что так интенсивно ненавидеть без причины не могут, что сами художники вызвали эту ненависть и теперь должны считаться с ее последствиями. "Если уж беретесь провоцировать, - раздаются многочисленные голоса, - так извольте учитывать последствия вашей провокации". Авторы этих призывов к благоразумию не понимают, что реагируют не на выставку, а на ее крайне пристрастную интерпретацию, ставшую суррогатом, заменой полностью вытесненной выставки. Нельзя предвидеть то, что прецедента не имело и находится к тому же в явном противоречии с законом. Поэтому припев: "Вы должны были это предвидеть" расшифровывается как интеллектуальная капитуляция перед превосходящими силами сторонников погрома и их высокими покровителями, как стремление заставить жертв погрома страдать дважды: сначала от погрома, а потом от собственной непредусмотрительности, якобы спровоцировавшей его. Первый, полагают они, явился спонтанным следствием второй, а не был частью спланированной акции. Если верить показаниям смотрительницы зала Любови Холи-ной, у громивших просто не было времени для того, чтобы оскорбиться увиденным; войдя, они сразу же стали разрушать экспонаты. Но даже если допустить, что они действовали по мотивам оскорбленной веры, и из этого не следовало, что их хотели оскорбить. Ни следствие, ни прокуратура, ни свидетели обвинения даже не попытались доказать наличие у участников и организаторов выставки намерения оскорбить верующих. На всем протяжении дела оно автоматически выводилось из интенсивной и отлично "оркестрованной" ненависти, которую испытывали к ним разные категории не видевших выставку людей.

Как же реагировали на события вокруг выставки "Осторожно, религия!" представители художественной среды?

В статье с симптоматическим названием "Осторожно, искусство!" в "Художественном журнале" Богдан Мамонов написал, что "внутренней интенцией организаторов" выставки, их "единственным шансом заставить говорить о себе" был скандал. Хотя

Глава 2. Право ненавидеть

99

"они, возможно, не ожидали, что события зайдут так далеко" (2).

Он ополчается на художников, которые стали винить в происшедшем "происки властей, Церкви, секретных служб", приводя странный контраргумент: "Но позвольте, вот если бы мэр Лужков, подобно Джулиани, или митрополит Кирилл потребовали запрета выставки и начал преследования художников и организаторов, тогда, конечно, можно было кричать "караул!", "тоталитаризм!" и т. д., но ведь ничего подобного не было"

(3). Тут художник Мамонов все перевернул с ног на голову. Как раз Кирилл объявил выставку преступлением и потребовал от государства принятия мер против подобных выставок в будущем, фактически введения цензуры. К тому же не было нужды "требовать запрета" выставки - на момент

выступления митрополита она и так была разгромлена. Аргумент с мэром Нью-Йорка Джулиани также не выдерживает критики: тот всего лишь потребовал - да и то безуспешно - лишить музей городских субсидий. А тут не мэр Лужков, а Государственная дума, высший законодательный орган России, обратилась к генеральному прокурору с письмом, в котором потребовала наказать участников и организаторов выставки по уголовной статье.

Не менее неудачна попытка Мамонова выдать разгромивших выставку людей за обиженное религиозное меньшинство (4). На всех этапах дела "алтарники" и их покровители выступали от имени большинства и при поддержке институтов государства; при этом их законные права нарушены не были, зато сами они грубо нарушили права других.

Оставлю на совести автора стандартные причитания по поводу беспрецедентной терпимости православных по сравнению с мусульманами и особенно иудеями и его циничное утверждение, что от погрома "большинство испорченных работ только выиграло". Перейду к главному тезису статьи.

В результате погрома проиграло, по мнению Мамонова, искусство. Оно, оказывается, упустило появившийся наконец-то "реальный шанс вступить в сотрудничество с государством, с обществом, выйти из затхлого мира тусовки, стать серьезным и зрелым общественным голосом... И в этой ситуации детские

100
Свастика, Крест, Звезда

выходки участников выставки "Осторожно, религия!" выглядят. ...провокацией против своих же коллег, стремящихся работать профессионально и ответственно" (5).

Другими словами, жертвы погрома обвиняются еще и в том, что мешают Мамонову и иже с ним "стать серьезным и зрелым общественным голосом" в условиях, когда все современное искусство определяется сначала экспертом по делу № 4616, а затем и Таганским судом как "знакотворческая деятельность нигилистической ориентации", а РПЦ категорически запрещает художникам "соединять профанное с сакральным". Скорее всего "зрелый общественный голос" служит здесь эвфемизмом для надежды (возможно призрачной) на получение госзаказа. Социально-критическая функция искусства радикально поставлена под сомнение не столько погромом, сколько последовавшими за ним событиями; на эту утраченную функцию, собственно говоря, и ополчается Мамонов.

Читая его статью, почти физически чувствуешь, как из-под ссылок на Бодрийяра, Вирилио и Жижека, из-под поверхностных заигрываний с анархизмом прорастает, проглядывает советский человек, готовый всеми силами защищать пока еще зыбкие контуры новой ортодоксии в надежде на адекватное вознаграждение в недалеком будущем. Так в радикализирующей-ся социальной ситуации, когда мы неожиданно для самих себя начинаем говорить голосом наших советских идеологических предков, понимаешь, что такое коллективная судьба, насколько цепко еще держит она нас в своих объятиях.

Художник Анатолий Осмоловский в статье "Отличное от хорошего" в том же "Художественном журнале" констатирует, что акционизм 90-х, служивший визитной карточкой московского искусства, мертв. Точнее, его "нет". Хочется задаться вопросом о смысле этого "нет". Его нет потому, что в новой ситуации в нем нет нужды? Потому что социально-критическая работа проделана?

Конечно, его "нет" не по этим причинам, а потому что, наоборот, общество дает слишком много поводов для социальной критики, и залегают они на поверхности. Поэтому искусство и

Глава 2. Право ненавидеть

101

лишают критического языка, поэтому громятся выставки, пикетируются оперы и балеты, преследуются книги.

В силу этого слово "нет" в России не следует писать просто так, как бы констатируя спонтанно сложившуюся ситуацию, чтобы у читателя не создавалось впечатление, что художник просто не хочет делать того, что ему делать не дают. То, что современное искусство во многом утратило свой социально-критический язык, - в любом случае драма, а не предмет удовлетворенной констатации, тем более для Осмоловского, обязанного своей известностью именно акционизму, тому, что он именует "проектным искусством".

Свой тезис о смерти акционизма он иллюстрирует на примере выставки "Осторожно, религия!":

"Трагикомическое зрелище! Сначала художники в течение десятков лет бьются лбом о папёрть, чтобы потом тем же лбом биться в двери прокуратуры. Люди берутся провоцировать общество и не знают элементарных способов защиты! Ну как можно после уголовного дела Тер-Оганяна делать подобную выставку без серьезной юридической поддержки? Но проблема, конечно, значительно глубже и может быть сформулирована одним вопросом: что это за искусство, которое позволяет так с собой поступать?..

Необходимо серьезно переэкзаменовать ценности "проектного" искусства, когда-то отказавшегося от создания произведений в пользу манипуляции общественным восприятием... Возврат к произведению есть одновременно возврат к эстетическим проблемам, к сложной системе запретов и табу, к понятию качества" (6).

Итак, что же это, действительно, за искусство, которое позволяет так с собой поступать? Позволяет себя громить, привлекать к суду, травить, ненавидеть и т. д.? Это "дегенеративное" искусство в нацистской Германии, над которым постоянно издевались; это "Мадам Бовари" и "Цветы зла", авторов которых привлекали к суду; это советское "неформальное" искусство, многих представителей которого судили и

даже приговаривали к реальным срокам наказания. Весь список был бы слишком длинным, но и так ясно, что участники выставки оказались в далеко не самой худшей компании.

102

Свастика, Крест, Звезда

К тому же не искусство стучится в двери прокуратуры, а государство мобилизует свой репрессивный, законодательный и судебный аппарат для расправы с искусством, а заодно и с правозащитой. Оно создает в лице РПЦ работающее подобие, си-мулякр господствующей идеологии, для которого не писан никакой закон; зато оказавшихся на ее пути людей не спасет никакое исполнение закона. Мощная проекция этих сил и образует вину художников, и здесь не помогает никакая "серьезная поддержка юристов", в которой как раз в этом деле недостатка не было.

Осмоловский мог бы без труда опровергнуть мои аргументы, выложив теперь, в 2005 году, на Красной площади то же самое матерное слово, что и десять лет тому назад; тогда он убедился бы, что дело не в юристах, а в радикально изменившемся социальном контексте, осмыслить который он прямо не решается, хотя косвенно он в его статье присутствует в виде проповеди "возврата к производству" и утверждения, что "в искусстве свободы меньше всего". Если бы в творчестве самого Осмоловского не было периода "проектного" искусства, ему нечего было бы выставить на продажу на нынешнем арт-рын-ке; под видом объектов, в одном пакете с ними идет распродажа почившего дискурса с революционными претензиями. И зря он противопоставляет рефлексию и свободу; чем больше в искусстве рефлексии, тем больше в нем и свободы, тем больше в нем и, как выражается автор, искусства. Я бы перефразировал его итоговый афоризм так: "Чем меньше (а не больше!) в искусстве свободы, тем меньше в нем самого искусства".

Далеко не все художники разделяли подобные взгляды, но долгое время им негде было высказать свое мнение. В конце концов в декабре 2004 года, в разгар суда над Самодуровым, Васильевой и Альчук, в интернете появилось "Обращение творческой интеллигенции по поводу преследования устроителей и участников выставки "Осторожно, религия!", под которым в итоге было собрано почти пятьсот подписей, в том числе многих десятков художников. Впервые с момента погрома не правозащитники, а художники, дизайнеры, композиторы, соци-

Глава 2. Право ненавидеть

103

логи, философы сформулировали претензии не просто к погромщикам, но и к принявшему их сторону государству. Письмо содержало четыре пункта, каждый из которых был в очередной раз оспорен изнутри художественной среды. В данном случае от имени погромных сил выступил художник Владимир Сальников.

Разберем эти возражения по порядку:

I. "Инквизиционное обвинение, сформулированное прокуратурой, - говорилось в "Обращении", - свидетельствует о том, что в нашей стране, провозгласившей себя правовым и демократическим государством, в котором по Конституции Церковь отделена от государства, не соблюдаются элементарные принципы свободы самовыражения" (7).

"Да этой свободы, - комментирует этот тезис Сальников, -хоть попой ешь! Выражайтесь как хотите. Но никого не обижайте. А раз обидели, то..." (8).

Вокруг этого пункта и вращается обвинение. Художники и организаторы не имели намерения кого-либо обижать; оно активно навязывалось им погромщиками и, главное, их влиятельными сторонниками. Если заменить слово "обидели" словом "оскорбили", позиция Сальникова текстуально совпадает с позицией прокуратуры. Этим произвольным допущением оправдывается и погром, и кампания ненависти после погрома, и заведение уголовного дела на организаторов выставки, и суд над ними.

II. "Вместо погромщиков судят сотрудников музея и художников. Прокуратура опирается на позицию религиозных националистов, везде ищущих свидетельства нападок на Православную церковь и на Россию. Обществу пытаются навязать художественный и мировоззренческий "стандарт", проникнутый духовной узостью и фанатизмом" (9).

В ерническом стиле Сальников замечает, что не знает, кто такие "религиозные националисты". Ну, не знает и не знает; не знать не запретишь. Интереснее то, что следует далее и имеет для потенциальных подписантов угрожающее звучание: "Вас самих могут обвинить: это вы антирелигиозные, антиправос-

104

Свастика, Крест, Звезда

лавные националисты. И будут правы" (10). Как расшифровывается выражение "антирелигиозные, антиправославные националисты" на языке сторонников погромов мы знаем: это значит "сознательный сатанизм" с намеком на особую роль в этом деле евреев и их религии. Участников и организаторов выставки давно обвинили в том, в чем, по мнению художника, могут обвинить и других! Так что его угроза обращена не к участникам выставки, а к потенциальным подписантам "Обращения", которых на тот момент было мало, всего несколько десятков. "Будете подписывать, - хочет сказать Сальников, - и у вас могут быть неприятности. И виноваты будете вы сами".

Впрочем, подписывающие сами понимали, что совершают мужественный гражданский поступок, и угроза не подействовала.

III. "Представители фундаменталистских религиозных групп пытаются с помощью правоохранительных

органов присвоить себе монопольное право на интерпретацию религиозной символики, давно уже ставшей достоянием мировой культуры..." (11).

Это утверждение представляется Сальникову "верхом абсурда". "Значит, если члены некоторой корпорации (например, "Кока-Колы") заявят, что они лучше разбираются в своей символике, чем кто-то, то этой корпорации (владельцу бренда и эмблематики) не должны верить? А должны верить постороннему интерпретатору, не являющемуся владельцем бренда... и экспертом по этому вопросу? Кто же вам поверит?" Странно, что подобный аргумент приводится не прихожанином храма Святителя Николая в Пыжах, а профессиональным художником. Трудно поверить, что он не видит разницы между напитком, который изобрела компания "Кока-Кола", и религиозной символикой, которой веками пользуется и религия, и светская культура. Восстановление права собственности церкви на эти образы означало бы разрушение многовековой культурной традиции.

Сальников обходит самое главное. Речь в деле выставки "Осторожно, религия!" идет вовсе не об интерпретации религиозной символики, а о судебном преследовании сторонников аль-

Глава 2. Право ненавидеть

105

тернативных интерпретаций, о введении цензуры, запрещенной российской Конституцией.

IV. "Мы считаем абсурдом утверждение, что выставка, проведенная на территории светской негосударственной организации, является оскорблением чувств верующих и способствует разжиганию национальной розни" (12).

"Это значит, - комментирует Сальников, - что оскорбить верующего можно только в церкви... А вот если напасть на верующего за церковной оградой, то это не оскорбление, а свободное выражение мнения?!" (13) Здесь он в очередной раз передергивает. Закон устанавливает не то, где верующих можно оскорблять (этого нельзя делать нигде), а то, где они, верующие, имеют право оскорбляться и обращаться в суд. По закону они могут это делать, если оскорбление имело место на территории храма или в непосредственной близости от него. Нападать же на верующих или оскорблять их и других граждан нельзя нигде; но это образует другой состав преступления. Сальников прекрасно знает, кто на кого нападал в деле Сахаровского центра; поэтому и этот его тезис носит провокационный, подстрекательский характер: жертвы реального нападения обвиняются в нападении воображаемом.

Письмо Сальникова неслучайно начинается словами, которые употребил Сталин в радиообращении к советскому народу в начале июля 1941 года: "Братья и сестры!" Точно так же обращаются к прихожанам православные священники. Он последовательно придерживается точки зрения тех, кто поддержал погром и последовавшие за ним события, и по сути обращается к ним, а не к тем, кто протестует против погромов и судебных преследований их жертв. Последних он пытается запугать от имени авторитарного государства, которое то ли (вопрос для психоаналитика) вызывает у него патологический, неконтролируемый страх, то ли пользуется его услугами.

После выставки "Осторожно, религия!" остро проявилась проблема языка протеста. Можно ли эффективно противостоять людям, которые предают вас анафеме, оскорбляют, проклинают, короче, легально используют язык ненависти, на языке,

106

Свастика, Крест, Звезда

понятном для посвященных, на техническом языке современного искусства?

Ведь эффект употребления этих языков, как и аудитория, к которой на них обращаются, принципиально разные. Язык ненависти обращен к максимально широкой публике и направлен на пробуждение у нее максимально агрессивных чувств к персонифицированным "врагам". Для противостояния этому языку, собственно говоря, и существует статья "О разжигании национальной и религиозной розни", но если государство по своим соображениям берет некоторых носителей языка ненависти под свое покровительство, поощряя его употребление по отношению к неугодным ему людям и группам людей, ситуация становится безвыходной. Ссылки на сюрреализм и венский акци-онизм бессильны против призывов выступить против "кошунников" под лозунгом "Вставай, страна огромная!". Статей в защиту выставки, повторяю, было на первых порах не меньше, чем призывов расправиться с "сознательными сатанистами", но они безнадежно проигрывали в тональности, в силе звука. Скоро стало ясно, что диалог между авторами написанных в столь разной тональности текстов невозможен, что носители языка ненависти делают ставку на силовое решение спора в свою пользу. После "Обращения" Думы слово "искусство" стало исчезать из лексикона погромщиков и их сторонников; вместо "произведений искусства" они заговорили об уничтоженных новоявленными праведниками "орудиях преступления". Возникли новые, до этих пор неведомые виды искусствования: "правозащитное", "православное", "националистическое". Речь критиков-профессионалов в этом оглушительном хоре из-за сильнейших помех стала не слышна.

Во время кампании ненависти люди, ставшие ее объектом, на личном опыте прочувствовали эффективность известного афоризма Иозефа Геббельса: "Ложь должна быть чудовищной, чтобы в нее поверили". В данном случае она оказалась настолько чудовищной, что даже защитники права художников на критическое высказывание исходили из того, что на выставке было представлено крайне агрессивное собрание антиклерикальных

Глава 2. Право ненавидеть

работ. Спор был лишь о том, имеют ли право художники и организаторы его выставлять, и никому в голову не приходило, что такого собрания там не было. Выставка была скорее разношерстной, нежели концентрированной, направленно антиклерикальной. Радикализм же она приобрела в результате развязанной после нее кампании ненависти: в итоге она предстала цельной, маниакально-последовательной и сознательно-агрессивной. Реальными стали проецируемые на нее фантомы; а сравнительно невинная "первосцена" никого больше не интересовала. Ее место прочно заняла бессознательная, насыщенная колоссальной энергией проекция, которой на уровне банальной реальности ничто не соответствует. Столь мощная проекция уничтожает реальность уже при своем зарождении; сцена ее рождения является сценой смерти реальности. Следствия оказываются настолько мощнее причин, что уничтожают их и царят безраздельно, по древним законам фанатизма и нетерпимости.

Небольшие и разрозненные группы людей мало что могут противопоставить этому торнадо ненависти. Право, светская культура, цивилизация, собственно говоря, для того и существуют, чтобы делать подобные эксцессы невозможными. Закон утверждает себя как закон, налагая запрет на бесконтрольное использование языка ненависти. Насильственные действия, во имя чего бы они ни совершались, наказываются потому, что святое признается принципиально множественным; оно не может проявляться непосредственно и брутально, как это было в древнем, доправовом состоянии. Закон предполагает сложное опосредование противоположных сил. Если одна из сил получает возможность диктовать закону свою волю, она становится законом, а писанный закон - в лучшем случае ширмой, нужной для того, чтобы вводить в заблуждение внешнего наблюдателя. Если насильственное действие получает возможность украсить себя атрибутом святости, закону нечего более опосредовать; в самой его сердцевине образуется брешь, через которую утекает его субстанция.

Таков российский закон после дел Ходорковского и других сотрудников "ЮКОСа", после "шпионских" процессов и про-

Свастика, Крест, Звезда

цесса Сахаровского центра. Возрождается мрачная поговорка сталинского времени: "Прокурор - топор", и, хотя теперь топор этот рубит избирательней и осторожней, с оглядкой на мировое общественное мнение, и, как правило, несмертельно (однако сроки в "шпионских" процессах и в деле Ходорковского уже напоминают те недобрые времена), сам принцип топора не изменился: правосудие остается приказным, пусть даже новый заказ по сравнению с прежним пока смотрится относительно по-вегетариански.

В современной России нет развитого гражданского общества и правосознания, нет чувствительности к нарушению предусмотренных законом прав. Жест защиты жертв остается личной мужественной позицией отдельных людей, за которую надо быть благодарным. Число таких людей по ходу "раскручивания" прокуратурой дела о выставке "Осторожно, религия!" увеличивалось; перед вынесением приговора их счет уже шел на многие сотни. Совершенно непричастные к делу люди (и не только профессиональные правозащитники) вложили немало сил в поддержку обвиняемых. Простое пребывание в небольшом зале судебных заседаний, среди обозленных, пышущих ненавистью людей, было испытанием; и тем более ценно, что многие люди переступили через свое, естественное в таких случаях, отвращение и пришли, и подвергались поношениям, и преодолевали агрессивность людей с иконами и крестами.

"Глубоко верующим" же в этом сценарии выпала роль не защитников веры, а агрессивной толпы гонителей и ненавистников того, что выше их ограниченного понимания; толпы, ведомой фанатичными пастырями, которые видят достоинство веры в сокрушении ее воображаемых врагов. Большинство этих врагов оказались, как мы увидим ниже, православными верующими. И хотя закон был в этом процессе на стороне суеверия, новой формы государственной религии, скромная моральная победа, хочется надеяться, все-таки осталась за теми, кто испытывал стыд за поведение "глубоко верующих", но не опустил до их уровня, не ответил ненавистью на ненависть.

В демократических странах на пути открытых кампаний

Глава 2. Право ненавидеть

травли выбранных на роль врагов групп людей стоит закон. Такие кампании разворачиваются в странах "третьего мира", в тоталитарных странах или в эволюционирующих в этом направлении авторитарных режимах. Проведя полномасштабную кампанию ненависти, Россия проявила тоталитарную тенденцию, которую, вполне вероятно, не преминут развить в ближайшем будущем. Это также, повторяю, заявка на выход из европейского правового пространства; нарушения закона в этом деле слишком явны, чтобы его "кураторы" могли рассчитывать на успех в Стасбургском суде по правам человека. Как только подобные дела перемещаются в среду, где отсутствует атмосфера ненависти, фанатизованная толпа и государственный контроль над масс-медиа, они задыхаются, как рыбы, выброшенные на берег.

Музей как "пространство Бога"

Маркиз де Сад писал свои известные тексты - "Философию в будуаре", "Жюстину", "Жюльетту" - в наиболее травматическую эпоху французской истории. Он увидел задачу революционного искусства в радикальной деприватизации человеческого тела, ссылаясь на то, что политически оно уже экспроприровано террором, развязанным Великой французской революцией. Искусство должно, по его мнению,

всего лишь довести этот жест до его логического завершения. Сад был радикальным противником христианства; ни одна из десяти заповедей не представлялась ему совместимой с республиканскими добродетелями как в римские, так и в более поздние времена."... В обществе, основанием которого являются свобода и равенство, - писал он, - существует очень небольшое число действий, которые можно назвать преступными" (14). Если вы, обращаясь к своим соотечественникам, осмелились отрубить голову королю, наместнику Бога, что еще может сдерживать вас на этой земле? Надо вывести из этого убийства все логические следствия; совершение сверхпреступления, каковым является казнь короля, делает обычные преступления чем-то естественным и заурядным, поскольку исчезает трансцендентная санкция, ле-

по

Свастика, Крест, Звезда

жащая в основе всякого закона. Убив наместника Бога, люди обязаны не щадить самих себя; вступив в царство смерти, они не должны продолжать вести себя так, как если бы ничего не произошло. Обычные войны отменяются революцией, являющейся радикальной формой войны общества против самого себя. Продолжая богоборческий жест революции, искусство выходит за пределы декоративности; его нельзя локализовать в системе специализированных институтов.

Именно такой художник, как маркиз де Сад, грезился людям, которые 18 января 2003 года разгромили выставку "Осторожно, религия" в музее при Центре имени Сахарова; именно к нему и ему подобным богоборцам был обращен их основной, до бесконечности повторяемый, тиражируемый вопрос: "Почему вы так ненавидите именно православие и православных?" Потребность быть ненавидимыми у этих людей была столь велика, что никакие уверения в противоположном - а в них со стороны художников и правозащитников не было недостатка - их не только не разубеждали, но еще более распяли. Двести лет тому назад Сад ответил бы им примерно следующее: "Да, я вас ненавижу, но не зато, что вы совершили преступление. Как мелкие преступники, хулиганы, вы, напротив того, поступили естественно с точки зрения революционной логики. Но я ненавижу вас за то, какими мотивами вы прикрываете свои действия. Вы совершили их якобы ради религии, ради святости, ради Бога, между тем как все эти ценности как раз отменяются вашим же жестом. Так освободите же его от этих странных мотиваций и громите просто по праву сильного. Тем более что именно так еще недавно поступали ваши революционные, атеистические предшественники, большевики". "Идейные", "смысловые" преступления зарождаются в стихии возвышенного, в сфере самопровозглашенного закона, несовместимого с обычным писанным законом. Они являются прежде всего проявлением силы, но, не встречая сопротивления, могут украшать себя атрибутами святости, подвижничества, мученичества; их авторы даже требуют себе награды. "Женщину, сорвавшую антисемитский плакат, защитившую малый народ, проживающий в

Глава 2. Право ненавидеть

111

России, президент наградил орденом, - пишет священник Шар-гунов, чьи "алтарники" разгромили выставку, - Естественно было бы предположить, что людей, защитивших христианство, весь русский народ, с его вековыми ценностями и святынями, он наградит званием героев России" (15). При этом он "забывает" упомянуть, что развешивать антисемитские и другие расистские плакаты запрещено законом, а проводить выставки современного искусства не запрещено; кроме того, плакат был заминирован, снимая его, женщина получила тяжелые ожоги, в то время как шесть мужчин, громя выставку, сами нарушали закон, при этом никак не пострадав. Но трудно объяснить эти простые истины революционерам от религии, откровенно выступающим против Конституции и законов страны, в которой они живут. Перед лицом антихриста они требуют для себя особых прав: "Не будем утверждать очевидную истину, что времена антихриста приблизились, - продолжает тот же священник, - и наступили последние времена" (16).

Конвенциональное современное искусство смогло бы противостоять большому числу апокалиптически настроенных людей только в том случае, если бы общество испытывало в нем глубокую потребность, если бы оно не было простой совокупностью более или менее удачных частных инициатив, ориентированных в основном на внешний рынок.

Тема выставки "Осторожно, религия!" оказалась значимой неожиданно для самих художников; разгром выставки не был частью их (или кураторского) художественного проекта, а статус "сатанистов" был присвоен им извне, на основании страстной, но совершенно произвольной интерпретации тех лиц, которые организовали погром и травлю участников выставки. "Поругание святынь" существует в разгоряченном воображении тех, кто "кошунственную" выставку даже не удосужился посмотреть.

В результате ниша современного искусства начала заполняться иконоборцами, ощутившими себя подлинными творцами. Даже сами клерикалы вынуждены признать, что выставку заметили благодаря ее разгрому.

112

Свастика, Крест, Звезда

Священник Шаргунов также претендует на "концептуализм", на разгром современного искусства его же якобы методами (17). "Эти "концептуалисты" получили адекватный концептуальный ответ на свою выставку... Наши православные концептуалисты тоже ведь понимают толк в концептуализме. Пусть не думают, что мы такие темные, несовременные, ничего не знаем. Можно было бы опрокинуть горшок с нечистотами на голову каждого из них, и это был бы наш концептуальный ответ" (18).

Перед нами наивная, но тем более опасная попытка придать эстетический статус простому проявлению насилия. Новые вандалы ссылаются на изгнание Христом торгующих из храма как на прототип своей акции. Им бесполезно доказывать, что Саха-ровский музей - не храм, постсоветская Россия - не Иудея, а произведение искусства, независимо от его качества, - не святыня, которую можно подвергнуть поруганию. Все это ясно тем, кто интересуется современным искусством, т. е. довольно узкой группе людей. Их противники, чья религиозность является еще внешней и ритуальной, фактически делают ставку на силу: они навязывают обществу свою интерпретацию произведений искусства как единственно истинную; она транслируется по большому числу каналов и доходит до людей, для которых язык современного искусства является китайской грамотой, которые обратились к церкви недавно и которых травмирует множество жизненных обстоятельств. Что такое несколько десятков подписей художников, арт-критиков, кураторов и галеристов на фоне кампании ненависти, развязанной клерикалами? Если решает сила, а не закон, исход противостояния вряд ли вызывает у кого-то сомнения.

В августе Московский суд признал, что дело было возбуждено против "алтарников" с нарушениями существующего законодательства. В результате создалась атмосфера, в которой социально-критическое искусство (а большая часть современного искусства именно такова) оказалось в России под угрозой исчезновения. Теперь его право на существование будет каждый раз ставиться под вопрос "художниками" насилия, каковыми осознали себя организаторы и исполнители разгрома выс-

Глава 2. Право ненавидеть

ИЗ

тавки "Осторожно, религия!". Хотя из всего арсенала искусства они позаимствовали лишь древнее представление об особой продуктивности насилия, этого достаточно для того, чтобы сделать невозможными различные формы художественной имитации насилия, бывшие в 90-е годы визитной карточкой московского искусства. В данном случае акт разрушения произведений искусства и сопровождавшая его интерпретация сами стали произведением, уничтожающим любое другое конкурирующее произведение. Если бы художник действительно ненавидел православие и сознательно стремился спровоцировать агрессивность верующих, их брутальная реакция была бы частью его произведения. Но такого замысла явно не было; он был приписан художникам *postfactum*.

Логика ситуации после погрома, случившегося 18 января 2003 года, изменилась. Если в рамках акции "Юный безбожник" художник Авдей Тер-Оганьян в 1998 году действительно рубил бумажные иконы, а фундаменталистская интерпретация его действий была дана потом, то в данном случае акты интерпретации и разрушения совпали. Другими словами, святотатственные намерения были приписаны авторам, чьи произведения уже подверглись разрушению; они были объявлены "сознательными сатанистами" и их собственные трактовки работ уже никого не интересовали. В день вернисажа перед нами предстало собрание разнокалиберных и разнотильных работ на заданную тему, а через четыре дня маниакально-депрессивная реакция разрушителей превратила это собрание в сатанистский замысел, направленный не более не менее как на уничтожение "тысячелетней русской духовности". Художественное сообщество оказалось не готовым к самой возможности подобной интерпретации; после распада СССР оно функционирует как часть полуофициальной культуры, принадлежность к которой несовместима с ролью жертвы, столь естественной для андеграунда советского времени. Если преступление становится искусством непосредственно, отпадает нужда в метафоре искусства как преступления, которой вдохновлялись художники 90-х годов. Собственно, их работы брутально апроприируются

114

Свастика, Крест, Звезда

теми, кто претендует на роль их последователей и одновременно антагонистов.

В новом климате искусство подталкивается к декоративности, лишается социально-критической функции. Желательно (если не необходимо), чтобы страна, производящая современное искусство, не просто поставляла сырье на мировой рынок, а участвовала в сколько-нибудь значимых сегментах конкурентного рынка; для подобного общества культивация современного искусства была бы этической и технической необходимостью. В развитых обществах важной функцией искусства является поддержание на достаточно высоком уровне рациональности поведения потребителя; одновременно у него создается убедительное ощущение, что за пределы потребления все-таки выйти можно. Институт современного искусства в этом случае тысячу нитей связан с экономикой и поэтому исключительно живуч.

К сожалению, Россия не является подобной страной: современное искусство производится и потребляется в ней относительно узким кругом энтузиастов, и это делает его уязвимым как экономически, так и политически.

Искусство не есть постоянная величина, оно зарождается и функционирует в поле взаимодействия различных сил. И его могут замещать самые неожиданные кандидаты, в том числе и относящиеся к нему максимально враждебно. Понятно, что потенциал обновления в таких случаях будет низким, а гражданское общество - слабым.

На московских художниках, которые обнаружили в себе талант декораторов, произошедшее 18 января не отразится; им делить с религией действительно нечего.

Тем более что лозунгом нынешнего момента в Москве является красота; как грибы после дождя, открываются салоны, институты, студии и даже академии красоты. Это места, где можно забыть о Боге,

политике, войне и других табуированных сюжетах. Индустрия красоты относится к сфере обслуживания, тогда как пафос современного искусства состоял в числе прочего в том, что оно не просто обслуживает состоятельных людей, а создает собственного потребителя.

Глава 2. Право ненавидеть

115

Итак, выставку разгромили люди с "художественными" претензиями; эти претензии можно было бы проигнорировать, если бы общество жизненно нуждалось в современном искусстве. Тогда художественной среде не пришлось бы защищать этот институт в одиночку. Но так как в России занятие современным искусством сохранило черты приватности (совокупности частных инициатив), на вызов погромщиков никто кроме самого художественного сообщества и немногочисленных правозащитников ответить не мог. Главный вопрос можно озвучить примерно так: если то, что делают художник Кулик (выступая в качестве собаки), художник Бренер (публично мастурбируя), художник Тер-Оганян (разрубая картонные иконки), художник Мавромати (будучи распятым на кресте) и т. д. - искусство, а не просто кощунство, каковым мы его считаем, то, уничтожая образцы этого искусства, мы лишь продолжаем ваш же деструктивный жест и тоже поступаем как художники (пусть и во имя другой цели, но, как сказал бы Сад, какое значение имеет цель во времена сильных потрясений). Когда после инцидента на стокгольмской выставке "Интерпол" (Кулик покусал на ней шведского искусствоведа, а Бренер разрушил работу китайского художника) международные кураторы выступили в их защиту, они напомнили о том, что и Роберт Раушенберг разрушал работы других художников. Почему, вопрошали они тогда, то, что можно американскому художнику, нельзя художникам московским?

Теперь "клерикальные большевики", как окрестило разрушителей выставки движение "За права человека", спрашивают: почему, когда Бренер разрушает работу другого художника, это - искусство, а когда наш человек, "алтарник", повторяет тот же жест по отношению к работе самого Бренера, Тер-Оганяна или Мавромати, это - преступление, караемое в уголовном порядке? Почему то, что в одном контексте позволено делать Кулику и Бренеру, в другом не позволено Люкшину и Зякину, "нашим православным концептуалистам"?

Чтобы защитить своих членов, художественное и интеллектуальное сообщество должно сформулировать правила игры в

116

Свастика, Крест, Звезда

пространствах, которые являются не "пространствами Бога", а местами светских, социально-значимых экспериментов; в противном случае ему придется удовольствоваться ролью одного из ответвлений индустрии красоты.

Еще более травматичен вопрос о праве на искусство (а также философию, литературу и т. д.) в воюющей стране. Не поставив под сомнение властный дискурс в этом ключевом пункте, интеллектуальное сообщество будет неуверенно чувствовать себя и по отношению к воинствующему клерикализму, проводящему свои операции на его территории. На смену социально-критической функции искусства приходит насилие, претендующее на универсальную терапевтическую функцию, на врачевание массово-воспроизводящихся травм. Ретроориентация такого поведения, направленного якобы на защиту традиционных религиозных ценностей, ничего не меняет в его революционной сущности (поэтому к нему применяется термин "клерикальный большевизм", т. е. революционное поведение в сфере духа).

Сад понимал, что поведение людей в турбулентные времена не покрывается христианской моралью; что искусство в такие периоды нельзя локализовать в специализированных институтах, а общество не имеет общепризнанных ценностей, которые оно было бы готово отстаивать. Возможно, язык современного искусства является слишком специальным для новой российской ситуации; во всяком случае, столкнувшись с агрессией, направленной на достаточно случайное собрание работ, арт-сообщество оказалось неготовым дать столь же сильную интерпретацию этой интерпретации. Создалось впечатление, что на примере православия оно прикоснулось к чему-то неожиданно взрывоопасному. .. и инстинктивно отдернуло руку.

Погромология: новая "наука"

В рамках уголовного дела, возбужденного по инициативе РПЦ и Госдумы в связи с организацией выставки "Осторожно, религия!", следствием была заказана научная экспертиза представленных на выставке работ.

Глава 2. Право ненавидеть

117

Почти все работы художников были объявлены экспертами "кощунственными" и "богохульными"; а выставка - пропагандистской акцией, сознательно направленной на разрушение тысячелетней православной русской духовности. Фигурировали и собственно "научные" мотивы, обосновывавшие "физиологическую" неизбежность разгрома выставки; разгромившие ее люди, уверяют эксперты, совершенно нормально отреагировали на открывшееся их глазам на выставке вопиющее "кощунство" разрушением экспонатов. Одна из экспертов совершенно серьезно упрекала художников в "дехристианизации"; как если бы гражданам современной России, атеистам, буддистам и мусульманам, законом вменялось способствовать насаждению православия.

Это были в лучшем случае неплохие образцы православно-фундаменталистской лирики, чьи авторы совершенно не понимали правовой системы государства, в котором живут. Работы художников

подвергались агрессивной клерикальной переинтерпретации, которая провозглашалась единственно истинной. Их изготовление вменялось авторам в качестве "смыслового преступления" против православной веры. Удивительная религиозная сплоченность экспертов побуждала их приписывать нечто подобное и художникам: из разрозненной группы, какой они были в день вернисажа, эти 40 авторов, собравшихся в таком составе впервые, усилиями экспертов превратились в членов тоталитарной антиправославной секты. Создаваемый образ врага неотделим от принципиального неприятия экспертами всей современной секулярной культуры (включая сюрреализм, дадаизм, экспрессионизм, концептуализм и т. д.); он не существует вне проекции этого неприятия на произведения современного искусства, собранные на выставке "Осторожно, религия!". Эксперты наивно выдают свои проекции за нечто объективное, независимо от них существующее, как бы атакующее их псевдоневинное сознание извне. Этот ов-нешенный образ врага был положен в основу уголовного обвинения, по которому организаторам и участникам выставки грозило до 5 лет лишения свободы. Фактически обвиняемым

118

Свастика, Крест, Звезда

предстояло ответить перед судом за исключительно сильный эмоциональный перенос, объектом которого они стали сначала со стороны погромщиков, а затем со стороны теоретически обосновывающих их действия экспертов.

События вокруг выставки развивались по обычному для современной России психотическому (параноидальному) сценарию. Специфика психоза состоит в том, что в его рамках воображаемые конструкции (изначально не запятнанное грехом православие, благостный культ икон и святых) наделяются полнокровной реальностью, становятся более реальными, чем любая здравосмысловая реальность. С точки зрения логики психоза никакого значения не имеет то, что религия отделена от государства, что громить выставки законом запрещено точно так же, как церкви, пагоды и мечети. Психотик тем и опасен, что живет в соответствии с собственным, воображаемым законодательством, что праведность он ставит бесконечно выше закона.

Подразумеваемое законом разжигание национально-религиозной розни не может быть продуктом интерпретации погромщиков и экспертов. В законе имеются в виду призывы, очевидные для каждого.

Естественно, на выставке не было лозунгов типа "Уничтожим православие!"; а с помощью достаточно радикальной интерпретации произведений искусства можно доказать что угодно.

Именно потому, что в современной России совершается слишком много действий, прямо подпадающих под действие закона о разжигании национальной и религиозной розни и тем не менее не наказуемых, и возникает потребность в психотическом переносе, в подведении под факт погрома псевдонаучного основания. Эксперты полностью пренебрегли своим научным статусом при оценке художественных произведений. Они истолковывали их на фундаменталистский лад, лишив искусство его главного свойства: многозначности. К авторитету науки они прибегали только тогда, когда требовалось оправдать действия разрушивших выставку людей; последним приписывалась прямо-таки "физиологическая" неизбежность. Хулиганы якобы не могли выдержать вида "сатанистских" работ, на

Глава 2. Право ненавидеть

119

которые их в то же время неудержимо тянуло взглянуть.

Речь здесь, конечно, шла о прикладной погромологии, созданной исключительно в интересах прихожан РПЦ. Если атеист решил бы повторить те же действия в православном храме или буддист в мечети, ссылаясь на выведенный экспертами новый "физиологический" закон, его наверняка обвинили бы в разжигании религиозной розни, порче имущества и хулиганстве. Как в сталинское время ярый противник генетики академик Лысенко создавал свою "науку" в расчете на особые законы социалистического сельского хозяйства, так и новая "наука", погромология, создается под законы православного (и никакого другого) поведения.

Для признания лозунга возбуждающим национальную и религиозную рознь нет, повторяю, нужды в экспертизе; его содержание должно быть понятно каждому гражданину. Между тем эксперты рассматривают художников как секту, объединенную такой же ненавистью к православию, какую сами ученые дамы испытывают ко всей современной культуре; по сути художники должны ответить за враждебные чувства, которые к ним питают, за одержимость их обвинителей теорией заговора против истинной веры. Новым и беспрецедентным является в данном случае то, что психотический перенос осуществляется в рамках уголовного процесса; причем возбудившее его государство является не клерикальным, а секулярным. Как разгромившие выставку люди, так и эксперты претендуют на монополизацию права быть ненавидимыми. Явно находясь в позиции силы, они разыгрывают из себя жертв необычайно мощной агрессии, превращая пострадавших от их агрессивности людей в палачей. Не берусь судить, насколько такое поведение соответствует христианской вере, но то, что оно находится в вопиющем противоречии с законодательством, защищающим свободу совести, представляется очевидным. Теперь, когда признаны виновными два организатора выставки "Осторожно, религия!", число "тонких" натур с разрушительными наклонностями рискует резко возрасти, равно как и число тех, кто готов внести вклад в погромологию. Тогда в Татарии подобными ме-

годами могут захотеть защищать мусульманство, в Калмыкии - буддизм, в других местах - другие

конфессии. При этом прямые призывы к насилию, которым в нынешней России несть числа, так и будут оставаться безнаказанными.

Первый сигнал изменения ситуации после разгрома выставки "Осторожно, религия!", как мы уже знаем, прозвучал в обращении "деятелей искусства, науки и культуры": выставка, которую никто из них не видел, обвинялась в том, что она нанесла православию больший ущерб, чем все гонения, которым церковь подверглась за годы большевистского правления. Эксперты сделали еще один шаг в том же направлении, обвинив жертв кампании ненависти в том, что те сами же ее разожгли, якобы "сориентировав на выставку сотни тысяч людей". На самом деле, как мы знаем, ее посетило чуть больше 20 человек. Другими словами, и здесь торжествует психотический перенос, превращение собственной ненависти в сильнейшую потребность быть ненавидимыми.

Объявляя свою интерпретацию "каноничной", шесть экспертов обращаются к современному искусству на принципиально чуждом ему языке, на языке, для которого в секулярном обществе отведены иные, религиозные пространства. Музей не является пространством Бога. То, что погромщики и эксперты восприняли художников как представителей конкурирующей религиозной конфессии, как нельзя лучше характеризует их собственный уровень религиозного развития. Число введенных экспертами запретов значительно превышает их количество в дореволюционной Российской империи, бывшей официально православным государством. Художнику милостиво разрешается предаваться "кошунству" в квартире или в мастерской, но ни в коем случае не в публичных пространствах. Все современное искусство определяется одной из экспертов как "знакотворческая деятельность нигилистической ориентации". Вложив нигилизм в дефиницию современного искусства, эксперт без труда вычитывает его из отдельных работ. Но нельзя, оказывается, не только изображать религиозные символы (или то, что может быть истолковано как таковые); нельзя изображать лю-

122

Свастика, Крест, Звезда

ству продукты своего творчества. Организация выставки просто делает тайное преступление ("богохульство") явным (т. е. уголовно наказуемым).

Едва ли подлежит сомнению, что свобода самовыражения, свобода совести предпочтительнее цензуры. Но не менее очевидно, что в обществе, где погромщиков оправдывают, а их жертв привлекают к уголовной ответственности, ссылаясь на "физиологическую" неизбежность реакций вандалов, свобода творчества отрицается более радикально, чем там, где ее ограничивает цензура. Свобода творчества, определяемого как "кошунство", звучит как насмешка над этим понятием, особенно из уст людей, доказывающих необходимость разрушения его плодов в случае их публичной демонстрации. Апологетами погрома недостаточно просто представить его как "богоугодное деяние" (таких примеров в истории религий огромное множество); они оправдывают его на "научном" основании, ссылаясь на глубокий шок, пережитый теми, кто его совершил. "Восприятие объектов, вызывающих фрустрацию индивида, - звучит вердикт последней из экспертов, - приводит к возбуждению центральной нервной системы, вызывая хаотическую активность, агрессивное "оборонительное" поведение. Для мужского поведения характерна в таких случаях реакция активного противодействия (что и можно было наблюдать 18 января 2003 года в выставочном зале Сахаровского центра), для женского - в целом пассивные, депрессивные и виктимные реакции..." (20). Если новая наука, погромология, восторжествует в провозглашающем себя секулярным государстве, если с ее помощью станет возможным осуждать людей, введение цензуры предстанет вполне прогрессивным актом. Она будет выглядеть в подобном обществе (не подумайте, что я ратую за введение цензуры в обществе демократическом) превентивной мерой против *de facto* торжествующего обскурантизма.

Если применять к современному искусству чуждые ему критерии, если рассматривать художников как членов конкурирующей религиозной секты (эксперты прямо называют их "сата-нистами"), отдельные произведения предстанут "кошунствен-

Глава 2. Право ненавидеть

123

ными" по определению; ведь нетрудно вывести из той или иной работы то, что вложено в само определение этого рода деятельности. Почти все тексты в защиту погрома выдержаны в истерической тональности; они изобилуют призывами расправиться с художниками. Единственное, что авторы этих призывов еще осознают: это то, что их сверхъестественная злобность служит своеобразной извращенной рекламой того, против чего направлены их филиппики. "Не вкладывайте, - хочется сказать этим писателям, - в эти произведения капитал своей ненависти, и они станут тем, чем были в день вернисажа 14 января 2003 года: разностильным собранием работ на заданную тему". Если же приписать художнику способность наносить оскорбление "тысячелетней русской духовности", избежать демонизации его творчества не удастся. Нельзя одновременно делать столь глубокие эмоциональные инвестиции и желать, чтобы никто не заметил их результатов.

Конечно, людям нельзя запретить фантазировать, но можно и нужно указывать им на условность, искусственность их фантазий; тем более в случаях, когда те кладутся в основу уголовного обвинения. Ясно, что сначала обрызгав работу краской, а потом дав ей неожиданное "православное" истолкование, враги современного искусства увеличили вложенный в нее символический капитал, но было бы странным упрекать в этом художника.

Итоги экспертизы печальны.

В отличие от первоначального "месячника ненависти", на этапе экспертизы оскорбляющими православие признаются уже не отдельные работы (Зражевской, Елагиной, Косолапова), а почти все представленные на выставке произведения. Эксперты внесли в оценку работ художников смесь гомофобии, расизма и нетерпимости к другим религиям, что никак не связано с первоначальным обвинением в "кошунственном" использовании православных символов. Ни писатель Достоевский, ни "этнически русские люди", ни образцы фотографий покойников не являются символами православия; тем не менее и в их использовании усматривалось оскорбление чувств православных верующих. Был создан абсурдный артефакт:

национальное до-

124

Свастика, Крест, Звезда

стоинство православных (как если бы они представляли собой нацию или как если бы кроме русских в мире не было других православных верующих).

Из экспертизы явствовало, что неприятие ее авторов не ограничивалось случайным набором работ, фигурировавших на выставке "Осторожно, религия!", а распространялось на всю современную культуру, на все наследие Просвещения. В результате выставка предстала не более чем мелким эпизодом в общей святотатственной направленности современной светской культуры.

Не случайно тотальное выпадение из экспертизы всего советского периода; он становится фигурой умолчания потому, что ни в коей мере не преодолен. Работа по более конструктивному обращению с недавним прошлым была прервана в середине 90-х годов, едва начавшись, и теперь нас пытаются поместить в сусальные, нереалистические декорации царского периода. Пока советское прошлое или целиком принимается, или целиком отвергается, наши гражданские права будут попирааться.

Подобно Цирцею, обратившей спутников Одиссея в свиней, шесть авторов заказной экспертизы превратили произведения искусства в орудия преступления. И пусть до этого многие из них выставались, воспроизводились в каталогах, покупались, это не имело ни малейшего значения: с 12 февраля 2003 года, с того момента, как государство приняло сторону погромщиков, они стали орудиями преступления.

В начале мая 2003 года я побывал в городе Граце на открытии выставки "Phantom der Lust. Visionen des Masochismus in der Kunst". Почти любая работа на ней была на порядок радикальнее самого "кошунственного" экспоната с выставки "Осторожно, религия!"; в работах на религиозные темы там также не было недостатка (были и кресты, и распятия, и даже цикл работ под названием "Les Sataniques"). Но выставку никто не громил. Значит ли это, что в Граце нет ревностных католиков, которых многое на этой выставке могло бы задеть за живое? Конечно, там их немало, но они прекрасно знают, что выставка находится под охраной государства точно так же, как и цер-

Глава 2. Право ненавидеть

125

ковь, в которую они ходят молиться.

То, что в Москве дело зашло так далеко, связано не с наличием определенного числа религиозных экстремистов (они есть везде), а с тем, что Русской православной церкви открыто, вопреки собственному законодательству и его основе, Конституции, покровительствует государство. И в России, и за рубежом немало написано о православном фундаментализме, само существование которого отрицают эксперты. На этом фоне критические высказывания художников в адрес клерикализма отнюдь не смотрятся радикальными, а вот ни одного выпада против православной веры как таковой экспертам найти не удалось, и по очень понятной причине: они на выставке просто отсутствовали. Уважение к вере вполне совместимо с критикой религиозного фундаментализма. Наличие верующих, в том числе и православных, среди участников выставки может удивлять только тех, для кого вера является синонимом нетерпимости, а слово "экуменизм" - ругательством.

Именно потому, что, повторяю, фактов разжигания национальной и религиозной розни в современной России огромное количество, и тем не менее по разным причинам они остаются ненаказуемыми, экспертам по делу о выставке "Осторожно, религия!" не осталось ничего другого, как выискивать крамолу в произведениях искусства и объявлять их разрушение нормальной реакцией нервной системы на испытанный от их лицемерия шок.

Всякий психотик хочет, преступая закон, избегать не только наказания, но и самонаказания; он домогается заведомого оправдания, в идеале даже своеобразной "святости". Он живет в воображаемом мире, который принимается за единственно реальный. Мир борцов с современным искусством и экспертов - это мир, где православие уже законодательно слилось с государством (поэтому символы этой религии они называют "государственно-религиозными символами"). Более того, этот мир выдается за единственную реальность, с точки зрения которой судится все остальное, вся мировая секулярная культура.

Опасность и парадоксальность настоящего момента в Рос-

126

Свастика, Крест, Звезда

сии состоит в том, что на сторону этого по сути революционного воззрения встают институты государства, на радикальное изменение которых оно направлено. Вместо того чтобы обуздывать экстремистов и защищать закон, значительная часть государственной машины и СМИ, напротив, берет экстремистов под

защиту и обуздывает закон, давая ему произвольную интерпретацию. За православие теперь борются методами, очень напоминающими те, с помощью которых в советские времена боролись против него. И последнее наблюдение. Появление экспертизы в интернете вызвало к жизни волну публикаций. Многие, прочитав ее, поняли, что будет означать для них победа организаторов погрома над художниками и правозащитниками, какая огромная правовая дыра в таком случае возникнет. На сайте www.globalrus.ru была помещена развернутая критика экспертизы с точки зрения правового общества и светской культуры. Это вызвало гневную отповедь одного из "патриотических" журналистов под симптоматическим названием: "Служите черные мессы в заведениях клубного типа". Выставку он, естественно, не видел, но в том, что там издевались над чьими-то матерями, у него не возникало ни малейших сомнений, и он потребовал в будущем проводить такие выставки не публично, а с соблюдением строгой конспирации, в специально охраняемых клубах. А еще лучше не проводить вообще.

На сайте заработал форум, где каждый мог высказать свое мнение.

И тут началась вакханалия ксенофобии, антисемитизма, го-мофобии, расизма. Участники выставки и их защитники именовались не иначе как "либерастами" (т. е. либералами и педерастами) и "представителями одной веры" (имелся в виду иудаизм). "Я замечая, - писал один участник форума, - что все еврей-либералы на дух не переносят православия и его защитников". Все художники были объявлены "представителями одной национал-религии", анализировался состав крови отдельных участников (почти все евреи) и их сексуальная ориентация (гомосексуалисты) (22).

Глава 2. Право ненавидеть

127

Куда делись причитания экспертов о поруганном Христе, благостные рассуждения о том, как простой народ любит иконы, кресты, агнцев и рыб в качестве символов православия! Что осталось от сочувствия тонким погромным натурам, бившимся в судорогах от шока перед увиденным!

Как только эти люди заговорили на своем языке, не осталось ничего, кроме животной ненависти к проявлениям Другого, отрицания самого его права на существование. Конечно, такие импульсы несовместимы ни с правами человека, ни с современной культурой вообще.

Об этом можно было догадываться с самого начала.

Но от нас попытались скрыть другое: несовместимы они по сути и с верой в Бога, даже если ненавистники Другого пытаются прикрыться верой как щитом в тех случаях, когда требуется натравить одних граждан на других, а потом еще сделать этих последних ответственными за поднятую против них волну ненависти. Все становится на свои места, когда "защитники веры" начинают наконец говорить на своем языке.

"Холокоста на вас нет!",

или Как "евреи" разожгли в России антисемитизм.

Антисемитская нота нарастала в этом процессе постепенно, но неуклонно, достигнув в конце концов эпического размаха. Мы долгое время не знали, какое значение придают выражениям "сознательный сатанизм", "русофобия", "заговор против православия" погромщики и их покровители. Нам еще предстояло выучить язык ненависти, угнездившийся внутри русского языка. На стороне нападавших был не только фактор неожиданности, не только поддержка государства - они говорили на языке, на расшифровку которого потребовалось время.

По ходу процесса в их речи антисемитская нота звучала все громче. Сначала она была едва различима, потом окрепла, ста-

128

Свастика, Крест, Звезда

ла одним из лейтмотивов и в конце процесса затмила все остальные.

Все начиналось с угроз "алтарников": "А вот если бы мы провели выставку под названием "Жида погубят Россию", взятым у Достоевского?". Кроме того некоторые авторы возмущенных писем в прокуратуру настаивали, что выставка разожгла в них ненависть "к представителям одной нации". Речь шла о евреях.

Однако окончательно джин антисемитизма был выпущен из бутылки осенью 2004 - зимой 2005 года в здании Таганского суда, где за пять месяцев он разросся до гигантских размеров.

Вначале трудно было понять, зачем приходят на процесс изо дня в день все эти в основном пожилые женщины и мужчины с крестами, иконами и портретами царской семьи. Причина стала постепенно выясняться по ходу процесса. Меня удивило восклицание молодой истеричной особы, которая на замечание адвоката о том, что художники не имели намерения никого оскорблять, не сдержалась и, оторвавшись от лежавшего на коленях молитвенника, гневноотреагировала: "Не надо было нашего царя убивать!". В коридорах суда раздавались крики: "Вы убили тысячи наших детей!".

Пытаясь разобраться, что происходит в головах этих людей, я прочитал книгу вдохновителя "алтарников" и их группы поддержки, протоиерея Александра Шаргунова "Последнее оружие". Отречение царя от престола в начале 1917 года называется в ней "подвигом исповедничества", "подвигом сохранения в чистоте церковного учения о православной монархии" (23). Революционеры, оказывается, так же сознательно отвергли "Богом установленную власть в лице Царя, Помазанника Божия, как сознательным было отвержение Христа Царя духовными вождями Израиля... Они убили его не потому, что не знали, что он - Мессия, Христос, а именно потому, что знали это... Как диавол искал уловить Христа через саддукеев и

фарисеев... так через социалистов и кадетов диавол ставит Царя Николая перед безысходным выбором: либо отступничество, либо смерть" (24). Царь предпочел смерть ради сохранения "чистоты пома-

Глава 2. Право ненавидеть

129

зания Божия" (25); тем самым он подверг русский народ испытанию, которое тот не выдержал. "После отречения от Царя, в котором народ принял участие своим равнодушием... Россия тотчас же обрела помазанников сатанинских" (26).

Так как отречение последнего российского императора рассматривается в книге "Последнее оружие" в контексте последних дней жизни Христа (осуждения Синедрионом, моления о чаше, распятия), исключительную важность приобретает вопрос о том, кто же убил царскую семью. "Мы знаем, что большинство среди верхушки большевистской власти, а также органов репрессий, таких как злоеющее ЧК, были евреи... Здесь [сбывается - М. Р.] пророческое указание на явление из этой среды "человека беззакония", антихриста. Ибо антихрист, как учат святые отцы, будет иудеем из колена Данова" (27). Короче, убийство в Ипатьевском доме было, по мнению протоиерея, "ритуальным" (28).

После этого не стоит удивляться, что он приписывает иудаизму "устремленность к мировому господству" (29). "Мистическая тайна иудаизма, - учит он своих сторонников, - ... в отвержении Креста Христова тогда и сейчас, участие в распятии Христа тогда и сейчас, и несмолкающий доныне вопль, несущийся через средства массовой информации над всеми народами: "Не Его, не Христа хотим, а Варраву!". Не Христа, а того, кто вместо него, - антихриста" (30).

Не менее злоеющими явлениями представляются ему и экуменизм (эта "ересь ересей"), и демократия, которая, если верить Шаргунову, куда хуже любого тоталитаризма.

В адрес организаторов и участников выставки "Осторожно, религия!" он, естественно, мечет громы и молнии, считая, что его "алтарники" поступили с ней чрезмерно мягко. "А что сказать, - продолжает он, - о требовании счетов, которые они предъявляют нам? Счета им можем предъявлять мы за всю их деятельность, и астрономические. И им не рассчитаться. Ни им, ни их детям. Ни их диаспоре. За оскорбление России, за хулу на Христа Бога, за русофобию, за осквернение своими гнусными деяниями нашей земли, за моральный ущерб, причиненный

130

Свастика, Крест, Звезда

многим" (31). Слоечко "диаспора" не оставляет сомнения в том, какой народ имеется здесь в виду.

Теперь картина становится полной. Евреи распяли Христа, они же организовали ритуальное убийство царской семьи (фактически второе распятие) и выставку "Осторожно, религия!", на которой Христа распинали не метафорически, а буквально, в прямом смысле слова. И ответить они должны за все эти события. Если, проповедует своей пастве Шаргунов, воцерковленные православные люди в очередной раз отрекутся от Спасителя, позволят "евреям" его распинать, то отрекутся они и от новых святых, последнего императора и его семьи, недавно канонизированных РПЦ. Приходившим на суд людям явно внушили, что разговоры о свободе совести, творчества, конституционных нормах - не более как уловки, с помощью которых хитрые "евреи" стремятся обмануть, отвлечь от главного простых, верующих русских людей. Священники, судя по всему, использовали свой авторитет самым что ни на есть нерелигиозным образом, превратив неразвитость своей паствы в орудие расправы с неугодными людьми.

Государство, в свою очередь, также использует недовольство, вызванное его собственными действиями, для сведения счетов с теми, кто осмеливается выступать против его политики: чеченской войны, попрания прав человека, уничтожения свободы прессы, свободы совести и т. д.

Итак, верующие приходили вовсе не на процесс против организаторов выставки современного искусства (никакая это в их глазах не выставка, никакое не искусство), а на очередной акт всемирно-исторической драмы в духе "Протоколов сионских мудрецов"; они приходили, чтобы противостоять новому распятию Христа, убийству царя, пришествию антихриста, "сознательному сатанизму". Если евреи не, как думали раньше, не признали в Христе мессию и распяли его сознательно, именно за то, что он - Мессия, то и убийство царя неизбежно оказывается ритуальным, а скромная выставка современного искусства предстанет всемирно-историческим актом "сознательного сатанизма".

Глава 2. Право ненавидеть

131

Интеллигентному человеку надо сделать над собой неимоверное усилие, чтобы понять то, что выкрикивали в наш адрес эти люди, так, как понимают это они сами: буквально. Они действительно думают, что все мы - "жиды", которые убили царя, "умучили" старца Григория Распутина, извели тысячи русских детей, и заслуживаем за это смерти (в суде звучали лозунги "Смерть жидам!" и "Холокоста на вас нет!"). В их глазах мы - истребители сатаны, от которого происходят все их беды; они ненавидят свое представление о нас и одновременно боятся наших козней.

Мне запомнилась одна бабушка, которая с трудом влезала на третий этаж, но регулярно появлялась в зале суда. Она усаживалась на том же ряду, что и мы. Однажды она, расставив руки, стала истошно кричать, чтобы мы ни на сантиметр не смели залезать на ее часть скамьи. Ее пространство было для нее сакральным. Собственно, и молитвенники на коленях, и кресты, и иконы, и фотографии царственных мучеников нужны были, чтобы заковать нас, создать непреодолимый барьер между нашим предполагаемым всемоуствием и их

неподдельной злобой. Один из верующих в перерыве попросил судью посадить обвиняемых в пустую клетку; за решеткой они были бы менее опасны.

Но если признать, что права человека, современное искусство и другие плоды просвещения все же существуют, а не являются выдумкой коварных "евреев"; и что людей судят за убеждения, а не за распятие Христа и другой конспирологический бред, гомерического хохота не избежать. Это именно хохот, а не смех, потому что от происходившего в Таганском суде становилось совсем не смешно. Не случайно сторонники теории заговоров зашипели, когда в последнем слове одна из обвиняемых, Людмила Василевская, сослалась на слова православного священника, отца Александра Меня, который сказал: кресты, распятия и другие внешние атрибуты веры - ничто, если за ними не стоит главное, Христос. А ведь знаменитый проповедник всего лишь хотел, чтобы люди принимали крещение и вступали в христианство, религию любви, осмысленно, а не просто

132

Свастика, Крест, Звезда

обожествляли на языческий манер государство, равняя Бога с кесарем. После атеистического периода, когда религию преследовали сначала полувоенными, а потом дисциплинарными методами, маятник качнулся в другую сторону, и теперь уже светская культура преследуется как вредная антигосударственная идеология. Возникает закономерный вопрос: какая разница, какие цели вы дискредитируете брутальными, насильственными методами их воплощения в жизнь: идею светлого будущего (рая на земле), идею царства Божьего или национальную идею? Насилие имеет собственную логику, которая намного древней любой из этих идей. С помощью силы навязывается сила, а не фиговый листок идеи, которым пытаются ее прикрыть. Думаю, не я один на протяжении процесса хотел задать нашим оппонентам вопрос, который более двух с половиной веков назад Монтескье в "Духе законов" обратил к инквизиторам Испании и Португалии: "Если небо так возлюбило вас, что открыло вам истину, то этим оно даровало вам великую благодать; но разве детям, получившим наследие отца, прилично ненавидеть детей, которые его не получили?"

Если вы обладаете этой истиной, не скрывайте ее от нас вашим способом предлагать ее нам. Свойство истины - ее власть над человеческим сердцем и умом, а не то бессилие, которое вы сами признаете, заставляя нас принять ее под угрозой казни" (32). Но как инквизиторы не ответили великому французу, так и нынешние сторонники силовых методов решения проблем духа не ответили нам. И это логично: будь дан ответ на этот вопрос, отпала бы нужда в насилии; насилие и применяется для того, чтобы оставлять этот вопрос без ответа.

Но в Таганском суде дело не ограничилось грубыми антисемитскими выходками, постоянными оскорблениями подсудимых, их адвокатов, свидетелей и других людей. Свидетель Сергей Ряховский, епископ христиан веры евангельской, член президентского Совета по взаимодействию с религиозными объединениями, член Совета по духовной безопасности при представителе президента в Центральном округе, в своих показаниях обвинил участников и организаторов выставки "Осторожно,

Глава 2. Право ненавидеть

133

религия!" в том, что они разожгли в России антисемитизм: "Мы считаем необходимым заявить о своей тревоге относительно того, что подобного рода акции [как выставка "Осторожно, религия!" - М.Р.] серьезно провоцируют в российском обществе антисемитизм и ненависть к иудаизму, дают пищу для антиеврейской пропаганды. Ничем не ограниченная свобода господ Самодурова и иже с ним позднее негативно сказывается на ни в чем не повинных лицах еврейской национальности или лицах, исповедующих иудаизм. Поэтому, по нашему мнению, проведение подобного рода выставок... является формой экстремистской деятельности и должно незамедлительно пресекаться" (33).

Даже выдавшие виды правозащитники и адвокаты, не говоря уж о менее опытных людях, при этих словах от неожиданности раскрыли рты и замерли - такого даже после антисемитских оргий никто не ожидал. Что имел в виду столь близкий к президентской администрации титулованный свидетель, делая такое заявление? Между ним и адвокатом Юрием Шмидтом состоялся следующий диалог: "Шмидт: "Вы мне объясните, в чем состоит суть Вашей фразы, что подсудимые провоцируют антисемитизм". Ряховский: "Знаете, они не провоцировали антисемитизм, они способствовали дальнейшему развитию антисемитизма. Потому что если можно одних унижать, то почему бы не унижать других?" Шмидт: "Художники на выставке были в подавляющем большинстве русские, были армяне, не знаю, были ли там евреи... Я хочу все-таки понять логику. Почему русские люди у русских же к самим себе [ненависть - М. Р.] разжигают?" Ряховский: "Сначала было, как вы сказали, слово, потом было действие: заявления политиков, телепрограммы, письмо депутатов, избиение раввина [в Москве в январе 2005 года шестью хулиганами был избит раввин. Трое из них были задержаны. В то же время девятнадцать депутатов Думы подписали письмо, в котором потребовали закрытия в России всех еврейских религиозных и культурных организаций, получившее название "Письмо 500" - М. Р.]. Но я уверен, что если это дело не остановить на этом этапе, то действия могут быть со-

134

Свастика, Крест, Звезда

Глава 2. Право ненавидеть

135

вершенно непредсказуемыми". Шмидт: "Какое-то действие уже произошло - взяли и побили экспонаты... Но раввина, как я понимаю, побили не евреи. У вас есть доказательства того, что эти люди целенаправленно разжигали ненависть к русским? На чем основано ваше убеждение?" Ряховский: "Решать, целенаправленно или нет, все-таки не моя компетенция, а суда. Моя компетенция - высказать свою позицию" (33).

Ряховский так и не ответил на вопрос адвоката о том, зачем понадобилось участникам и организаторам выставки разжигать ненависть к самим себе. Его расовую логику Шмидту поколебать не удалось, но публично объявить всех причастных к выставке людей не просто евреями, а иудеями, он не решился, хотя это однозначно вытекало из зачитанного им послания. Из его ответов следовало, что и избиение раввина, и появление "Письма 500" - следствия злосчастной выставки.

Документ, ставший известным под названием "Письмо 500", на самом деле представлял собой очередное "Обращение" к генеральному прокурору РФ о полном запрете в России еврейских религиозных и культурных организаций. Под ним стояли подписи депутатов Госдумы, принявших активное участие в преследовании организаторов и участников выставки "Осторожно, религия!" Александра Крутова, Николая Леонова и других членов фракций "Родина" и КПРФ.

На основании "анализа" текста "Кицур Шулхан Арух", написанного почти пять столетий тому назад, в XVI веке, российские государственные мужи и их сторонники пришли к таким выводам: во-первых, оценки русскими патриотами "типичных для еврейства качеств и действий против неевреев соответствуют истине, причем эти действия неслучайны, а предписаны в иудаизме и практикуются два тысячелетия" (34); во-вторых, "множество антиеврейских акций во всем мире постоянно устраиваются самими евреями с провокационной целью, - чтобы применить карательные меры против патриотов" (35); в-третьих, еврейская религия определяется как "антихристианская и человеконенавистническая, доходящая до ритуальных убийств. Многие случаи этого ритуального экстремизма были доказаны

в суде" (36); в-четвертых, в обоснование своего антисемитизма они ссылаются на православие: "Следуя заветам православных отцов церкви, мы не можем следовать и насаждаемому ложному пониманию терпимости как смирения перед грехом, злом, ересями и в данном случае сатанизмом" (37); в-пятых, оказывается, что мораль "Шулхан Аруха" стала "частью еврейского национального самосознания", и, стало быть, религиозные евреи не отличаются в этом отношении от нерелигиозных; в-шестых, "можно сказать, - глубокомысленно заключают подписанты, - что весь демократический мир сегодня находится под денежным и политическим контролем международного еврейства..." (38).

Не припомню случая, чтобы после 1945 года в Европе официально представителями высшей законодательной власти подписывались злобные антисемитские памфлеты, авторы которых отвергают упреки в нацизме, но в которых нет ни одной фразы, не позаимствованной из арсенала национал-социализма.

Да, хочется ответить Ряховскому и иже с ним, связь между разгромом выставки "Осторожно, религия!" и "Письмом 500" есть, но не та, которую усматриваете вы. Не выставка вызвала к жизни "Письмо", а безнаказанность и героизация таких деяний, как погром, превращение РПЦ в "государствообразующую религию", признание научными мракобесных интерпретаций произведений искусства, объявление убийства царской семьи "ритуальным", натравливание прихожан РПЦ на тех, кого ее священники объявляют "евреями".

Выставка не была причиной "Письма", как того хотелось бы защитникам погромов; скорее, ее разгром был первым звеном в цепи событий, приведших к требованию запретить еврейские организации в России. Не случайно и за погромом, и за "Письмом" стоят одни и те же персонажи, успевшие за последние два года, подобно Крутову и Леонову, стать депутатами Госдумы на волне борьбы за чистоту православия.

В отличие от католической церкви и евангелических конфессий, РПЦ ни разу открыто и официально не осудила религиозно-мотивированный антисемитизм, давая тем самым возможность повторять от имени православия самые дикие и, казалось

бы, ушедшие в прошлое обвинения в адрес иудаизма, вплоть до обвинения в ритуальных убийствах. "Мы убеждены, - писал известный правозащитник, бывший политзаключенный, отец Глеб Якунин, обращаясь к руководству РПЦ, - что в условиях широкого распространения среди членов Русской Православной Церкви расового и религиозного антисемитизма руководство Московской Патриархии просто обязано немедленно осудить антисемитизм и антииудаизм... лишив расистов возможности религиозного обоснования своих человеконенавистнических идей" (39). Это обращение не только не было услышано, но в середине апреля 2005 года вместо "Письма 500" появилось "Письмо 5000", в котором те же тезисы повторялись в еще более резкой форме. К счастью, к тому времени дело Саха-ровского центра было завершено, а то подсудимых наверняка обвинили бы в том, что своими действиями они вызвали к жизни и его.

В глазах обвинения подсудимые оказались своего рода лидерами тоталитарной сатанинской сексты, заранее знавшими, что выставку разгромят, что их самих будут поливать грязью и в конце концов судить; они превратились в фигуры чужого параноидального бреда, и в силу этого их поступки, в отличие от поступков обычных людей, приобрели качество абсолютной логичности. Сектанты-юдофобы хотели ненавидеть их, оставаясь при этом жертвами чужой ненависти, а добиться этого можно только если роль ненавидящих станут разыгрывать другие. А так как в секуляризованном обществе такие грандиозные, доаналитические

переносы не проходят, они объявляют свою веру "государствообразующей". Бредить, повторяю, никому не запретишь; плохо, однако, когда закон подчиняется логике бреда. Именно это имели в виду адвокаты, говоря о неконкретности обвинения, о невозможности от него защищаться. Впрочем, если попытаться такое обвинение конкретизировать, оно не станет более убедительным - напротив, тогда на поверхность вылезет вся его бредовость.

Параноидальные образы по-своему чрезвычайно логичны, и, главное, развиваются они вне зависимости от свидетельств здравого смысла. Обвинить людей в "смысловом" преступле-

Глава 2. Право ненавидеть

137

нии нельзя, предварительно не демонизировав их. Поскольку же факты - вещь упрямая и препятствующая тотальной демо-низации, их надо с порога отбросить и двигаться по линиям бреда. Прокуратура попыталась придать бреду юридически приемлемую форму: в результате вместо "сознательного сатанизма" появился "предварительный сговор", вместо "кошунства" и "богохульства" - "оскорбление по признаку религиозной принадлежности". Даже антисемитизм погромщиков нашел косвенное выражение в прокурорском тексте, в частности, в том его месте, где говорится о "возбуждении религиозной вражды по национальному признаку". Правда, нация, против которой была возбуждена вражда, при этом благоразумно не называется. На самом деле перед нами пересказ на языке права бредового утверждения вдохновителей погрома, согласно которому на выставке "Осторожно, религия!" евреи-иудаисты сознательно и прилюдно глумились над святынями православных-русских. Перевести эту мысль на язык права до конца не удалось, и на свет появился странный гибрид - православие стало национальностью так и не названного народа [впрочем, в приговоре эта национальность была названа - М. Р.]. Пока российский юридический дискурс еще не научился адекватно передавать эмоциональные характеристики такого рода. Но в обозримом будущем все может измениться. Ведь изобрели же сталинские идеологи в конце 40-х годов словосочетание "безродный космополит", и все советские люди во времена "дела врачей" понимали, что имеются в виду евреи.

Собиравшиеся в зале суда люди, казалось, еще не понимали своего изменившегося положения. Они привыкли воображать себе ненавистных "жидов" злонамеренными всеильными существами, распоряжающимися чуть ли не судьбами мира, а тут они увидели их на скамье подсудимых. Они по инерции продолжали бубнить что-то о всеилии еврейской мафии; они еще не до конца прочувствовали, что на этот раз государство на их стороне, что против попавших в его жернова людей можно безнаказанно разжигать ту самую национальную рознь, которой, если верить обвинению, подверглись они сами. "Духовность" в

138

Свастика, Крест, Звезда

их исполнении производила удручающее впечатление и состояла из грубых оскорблений и попыток увещевать людей, в духовном отношении куда более развитых, людей, которые при нормальных обстоятельствах могли бы, скорее, быть учителями их детей и внуков. В конечном счете организаторам выставки, по мнению фанатизованных верующих и их менторов, предстояло как членам сатанистской, иудаистической секты ответить за убийство царской семьи и даже за распятие Христа. Уголовная статья для них - просто предлог для ритуальной мести евреям, главным обидчикам всего человечества и прежде всего русских, народа-богоносца. Короче, перенос был в данном случае даже более грандиозным, чем у экспертов, что превращало банальную расправу в прелюдию Высшего Суда. Государственная поддержка их действий укрепила их в убеждении, что они являются орудиями в руках самого Бога.

Искусственные преступления государство вынуждено синтезировать там, где обычные, очевидные для всех преступления не только не могут быть названы своими подлинными именами, но (как тот же погром) должны прославляться как проявление любви к Родине, как форма религиозного служения. Дело Сахаровского центра - первая в постсоветской России попытка синтезировать новое "смысловое" преступление, чтобы сделать невозможным осуждение за старые, всем известные преступления. Из многих десятков дел, возбуждавшихся за последние пятнадцать лет против расистов, ксенофобов и антисемитов, очень немногие дошли до суда, а осуждены по статье 282 УК были только трое, причем двое из них условно (40). А после дела Сахаровского центра привлечь их будет еще труднее; теперь виновными по той же статье признаны две их жертвы.

В результате современное искусство и правозащита выпадают из правового поля; их носители превращаются в дичь (Freiwild), на которую разрешается охотиться православным. Художников, как выясняется, можно привлекать к суду на основании самой дикой интерпретации их работ; на суде их можно безнаказанно оскорблять на основании еще более диких фантазий, внушенных "глубоко верующим" их духовными наставниками. Слово "жид" звучит

Глава 2. Право ненавидеть

139

в этом контексте неслучайно. Невозможность назвать развязанную против художников кампанию ее настоящим именем делает ее жертв такими же беззащитными и бесправными, какими были евреи в нацистской Германии. Индивидуальная ненависть в результате социализуется, под нее подводится псевдонаучное (экспертиза) и псевдоправовое (приговор) основание.

На протяжении долгих месяцев представительницы прокуратуры, две молодые накрашенные женщины в коротких юбках, под видом "глубоко верующих" защищали интересы своего ведомства, взвинчивая и так

погромную атмосферу, без которой подобный процесс был бы просто невозможен. На любые возражения жертв антисемитских выходок у них был готов ответ: "Вы сами их спровоцировали". Параноидальная логика, давшая о себе знать в зале Таганского суда, хорошо известна. Вот как описывается она Адорно и Хоркхаймером в "Диалектике Просвещения" (в главе "Элементы антисемитизма"): "Побуждения, которые не признаются субъектом в качестве его собственных и тем не менее являются ему присущими, приписываются объекту: перспективной жертве. Обычный параноик несвободен в ее выборе; в нем он повинуетя законам своей болезни. В фашизме этот образ действий политизируется, объект болезненной мании определяется сообразно требованиям реальности, система безумия трансформируется в самую что ни на есть разумную на свете норму, отклонение от нее - в невроз. Механизм, услугами которого пользуется тоталитарный порядок, так же стар, как и сама цивилизация... Избранный в качестве врага уже воспринимался как враг. Аберрация вызывается тут неспособностью субъекта привести различие между своей собственной и чужой долей соучастия в проецируемом материале" (41).

В деле Сахаровского центра эта неспособность делать различие между собственной проекцией и деянием другого проявилась в чистом виде. На процессе торжествовал афоризм из басни Крылова: "Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать": другими словами, вина одних конституировалась мощью проекции других, которая "политизировалась" при учас-

140

Свастика, Крест, Звезда

тии институтов государства и из бредовой конструкции превращалась в самую что ни на есть "разумную", в новую форму здравого смысла. Если сначала верующие, а потом следователи, прокуроры и, наконец, судья, вообразили между ног женщины в работе Зауташили икону Богоматери, значит она там была, несмотря ни на какие доказательства обратного; если они же утверждали, что работа художницы Вальдрон призывает к клонированию Иисуса Христа, то никакая надпись "Нет клонированию Иисуса Христа!" их не переубеждала, и т. д. и т. п.

Если раньше прокуратура ограничивалась тем, что выгораживала русских фашистов, доказывая, что их явные призывы к расправе с евреями, цыганами, африканцами и китайцами являются не более как мнениями, обычными для плюралистического, демократического общества, то теперь она перешла в наступление и добилась осуждения правозащитника Самодурова и музейного работника Василевской по той самой статье, по какой ранее отказывалась осуждать расистов.

Символично, что одновременно с делом о выставке "Осторожно, религия!" в Тимизиразевском суде Москвы слушалось дело по обвинению в разжигании национальной и религиозной розни Виктора Корчагина, издателя книги "Майн Кампф", журнала "Русич" и ряда откровенно антисемитских текстов. Он был осужден на один год условно, без запрета на занятие издательской деятельностью.

Но Корчагин - автор откровенно антисемитских призывов, например таких: "Евреи - с рождения разрушители, порождение дьявола. Мы настаиваем на полном изгнании евреев из русской земли" (42).

"Признать христианство, проповедующее идею богоизбранного израильского народа, еврейской идеологией и пришедшей религией, способствующей установлению сионистского ига в России. Содействовать возрождению Православия" (43). Хотя Корчагину принадлежат многие высказывания в том же духе, прокуратура и эксперты не раз признавали, что в них не содержится признаков разжигания национальной розни, что он всего лишь использует свое конституционное право на выражение мнения, более того, один эксперт признал,

Глава 2. Право ненавидеть

141

что его осуждение "сионизма" заслуживает одобрения (44).

Если редактора нацистской газеты "Штурмовик" Юлиуса Штрайхера Нюрнбергский трибунал приговорил к повешению, то издателя российского "Штурмовика" в 1998 году московский суд приговорил к двум годам условно с применением амнистии (это означает, что он даже не имеет судимости) за публикацию высказываний вроде: "Настоящие русские националисты уже ответили на два извечных вопроса Российской истории: Кто виноват? - Жиды! Что делать? - Мочить!.. Если для этого [господства русской расы - М. Р.] понадобится потопить в крови два миллиарда инородцев и иноверцев, мы колебаться не будем" (45). И в этих высказываниях эксперты не усмотрели криминала.

Примеров того, как прокурорские работники и приглашаемые ими эксперты поддерживают русских национал-социалистов, множество. Звеньями одной цепи выглядят и обращение депутатов к Генеральному прокурору с письмом о запрете еврейских организаций, и дело о выставке "Осторожно, религия!". От обороны националистические силы при поддержке государства переходят в наступление и выступают в качестве обвинителей собственных жертв: им уже недостаточно разгромить выставку - надо вдобавок обвинить ее организаторов; уже недостаточно избить раввина - надо заодно запретить еврейские организации. От попустительства погромщикам до осознанию ими собственной праведности - один шаг, и, похоже, за последние годы он был сделан.

Но поразительнее всего то, что обвинение организаторов выставки "Осторожно, религия!" в разжигании антисемитизма поддерживали представители других конфессий, в том числе иудаизма.

Вот как звучит заявление Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений России, зачитанное в Таганском суде: "Такого рода акции, как выставка "Осторожно, религия!", ведут исключительно к

эскалации экстремизма в Российской Федерации. Глумление над православными символами, иконами, идеалами провоцирует часть зрителей таких выставок (а также лиц, ознакомившихся с содержанием акции через печат-

142

Свастика, Крест, Звезда

ные или электронные средства массовой информации) к актам вандализма и агрессии в отношении православных церквей, а других зрителей - к антисемитским выступлениям. За "акты художественного самовыражения" небольшой группы провокаторов в дальнейшем почему-то больше всех вынуждены рас-плачиваться российские евреи, то выслушивая от русских сограждан претензии за не ими совершенные и не ими спровоцированные деяния, то претерпевая физические нападения скинхедов, ищущих идеологическое оправдание своей деятельности и черпающих свое антисемитское вдохновение в подобного рода антихристианских и антирусских "перформансах" и выставках" (46).

Все в этом пассаже перевернуто с ног на голову и извращено! Во-первых, ни одна православная церковь не подверглась нападению со стороны посетителей выставки "Осторожно, религия!". Во-вторых, скинхеды, равно как и погромщики, черпают свое "антисемитское вдохновение" не в выставках современного искусства, а в нацистской литературе и, главное, в попустительстве им и им подобным со стороны милиции и прокуратуры. Выставка никого не сделала ни ненавистником православия, ни антисемитом; она лишь послужила лакмусовой бумажкой для проявления уже существующих ксенофобских настроений, носители которых, почувствовав не просто безнаказанность, а прямое попустительство, стали проявлять их более нагло, агрессивно и дерзко. В-третьих, будь даже выставка преступлением, и это не оправдывало бы практику самосуда. Ее следствием в любом случае не могла быть коллективная ответственность российских евреев. В выставке участвовали русские, украинцы, армяне, грузины, кубинцы, японцы и евреи; по этой логике самосуд следовало бы распространить на представителей всех этих этносов, а не только на евреев. Представление об участниках выставки как об иудеях, ставивших целью подорвать православие, является не констатацией факта, а частью бредовой логики. В соответствии с той же логикой примерно те же люди, которые разжигали ненависть к участникам выставки, через два года после разгрома выставки

Глава 2. Право ненавидеть

143

потребовали запрета еврейских организаций в России. Но что имеет в виду подписавший заявление раввин, являющийся в глазах погромных структур представителем "сознательного сатанизма", присоединяя свой голос к их "праведному" гневу, остается непостижимым! С точки зрения вдохновителей погромов, испытывающих комплекс неполноценности перед воображаемым всеисием евреев, такой представитель иудаизма должен казаться простаком, который не понял, что и в деле Саха-ровского центра, и в "Письме 500" речь идет не о двух разных, а об одном и том же явлении: патологической ненависти к евреям и их религии. Трагикомизм ситуации состоит в том, что художники, среди которых евреи были в явном меньшинстве, оказались скопом причислены к иудаизму (синониму "сознательного сатанизма"), а официальный представитель этой религии присоединился к сонму их гонителей.

Расисты навязывали свое биологическое определение национальности так долго и упорно, что в какой-то мере заразили им даже своих противников. Адвокат Юрий Шмидт несколько раз спрашивал свидетеля Ряховского, зачем было этнически русским людям разжигать ненависть к русским. Тем самым оставалась открытой возможность того, что, скажем, у армян или евреев были более веские причины это делать. Он, конечно, не имел это в виду, но к этому подводила логика его вопросов.

Чтобы противостоять расистской логике последовательно, надо отказаться от биологического определения национальности; надо понять, что национальность определяется языком, культурой и гражданством, а вовсе не составом крови. При национал-социализме было потрачено немало усилий на определение того, кто и в какой мере является евреем. В итоге, при всей одержимости нацистов проблематикой крови, дать полностью биологическое определение еврею не удалось. Кроме крови во внимание принимались вероисповедание и то, с кем данное лицо состояло в браке. В зависимости от всех этих факторов одно и то же по крови лицо могло быть евреем, мишлингом и "арийцем", хотя и пораженным в некоторых правах. В течение шести лет нацистские юристы бились над определением

144

Свастика, Крест, Звезда

того, какое предприятие может считаться еврейским; немецкие евреи были ограблены еще до того, как было выработано "научное" определение (47).

Я упоминаю об этом потому, что нынешние адепты аналогичных идей в России не понимают, какие бездны скрываются за их "простыми" формулировками. В опьянении пафосом праведности они, как им кажется, прекрасно видят, кто есть кто, но это -большая иллюзия, которая рассеется, как только они перейдут к воплощению своих идей на практике. Они требуют внесения в закон таких категорий, как

"государствообразующая религия" и "титутальная нация" (последнее понятие фигурировало и в нацистском законодательстве), что сделает его откровенно дискриминационным, ущемляющим права меньшинств.

Но этот вариант представляется мне маловероятным. Зная историю СССР (страны с Конституцией, предусматривавшей права, о пользовании которыми никто не мог и мечтать), можно предположить, что Россия пойдет по пути создания противозаконных прецедентов, подрыва демократического по форме за-

конодательства изнутри. Первые шаги на этом пути сделаны, прецедент создан, и вчерашние советские люди, которые прекрасно умеют читать между строк, все поняли и будут действовать в соответствии с новыми правилами игры. Привлечь националистов, особенно если они украсят себя внешними атрибутами православия, за разжигание национальной розни будет теперь очень сложно. Дело № 4616 раскололо страну на две примерно равные части: на тех, кто чувствует себя оскорбленными не виденной ими выставкой, и на тех, кто не чувствует, на тех, кто требует наказания организаторов и участников, и на тех, кто требует наказания погромщиков. Противостояние двух лагерей продолжалось в течение двух с половиной лет, и за это время не возникло даже намека на возможность компромисса.

Из вышеизложенного ясно, что российская ситуация с антисемитизмом существенно отличается от общеевропейской, особенно от западноевропейской.

В России еще жив старый религиозно-мотивированный антисемитизм, связанный с обвинением евреев в распятии Христа-

Глава 2. Право ненавидеть

145

та, в "сатанизме", в привилегированной связи с силами зла, с дьяволом и т. д. В отличие от католицизма и протестантских конфессий, официально осудивших эту разновидность антисемитизма, руководство РПЦ этого не сделало, а часть клира проповедует антисемитизм как выражение истинной христианской веры. Вот типичный пример, который я почерпнул из книги журналиста Марка Дейча, давнего борца с русским фашизмом. Ему пишет прихожанка РПЦ: "Я русская, христианка, мне 54 года. Лично мне евреи ничего плохого не сделали, но в 38 лет я крестилась и с тех пор не могла понять, почему, мягко говоря, не люблю евреев. На исповеди у священника спросила об этом. Священник мне ответил, что это нормальное отношение крещеного человека к евреям, которые распяли Христа и отреклись от него" (48). Думаю, за антисемитизмом людей, собиравшихся в здании Таганского суда, стояли подобные же священники; верующим они разъяснили, что евреи не просто распяли Христа две тысячи лет назад, но - что еще более болезненно для неискушенных людей - продолжают распинать его поныне под видом выставок современного искусства.

Рано сдавать в архив и антисемитизм с псевдонаучными притязаниями, основанный на вере во всемирный еврейский заговор. Россия - родина манифеста этого вида антисемитизма; именно здесь были сто лет назад Сергеем Нилусом изготовлены "Протоколы сионских мудрецов". В "Письме 500" основные положения "Протоколов" воспроизводятся почти дословно. О многом говорит и содержащееся в нем обвинение всех, а не только верующих, российских евреев в антигосударственной деятельности на основании религиозного текста, написанного около пяти веков тому назад.

Причем оба эти вида антисемитизма направлены прежде всего против евреев, живущих в России, и лишь во вторую очередь против мирового еврейства. Новый, "глобальный" антисемитизм, использующий как предлог жесткую силовую политику Израиля на оккупированных палестинских территориях, в отличие от Западной Европы, пока играет в России подчиненную роль.

146

Свастика, Крест, Звезда

Поэтому трудно согласиться со следующим утверждением Даниэля Голдхагена: "Сегодня, за исключением исламского меньшинства, распространение классических антисемитских предрассудков против сограждан-евреев превратилось в табу. Кто, кроме экстремистов будет ныне [на Западе-М. Р.] утверждать, что евреи призывают к революции, занимаются губительными финансовыми спекуляциями, эксплуатируют не-евреев и портят кровь и мораль других народов?" (49). К сожалению, все эти обвинения в адрес российских евреев звучат в современной России из уст не мусульман, а людей, именующих себя русскими патриотами. На вопрос о том, можно ли считать всех их - известных писателей, кинорежиссеров, депутатов, священников и т. д. - экстремистами, я бы ответил утвердительно. Но такова сама природа подобных убеждений. Главное, как мне кажется, в другом: маргиналами все эти люди, во всяком случае, не являются; как показывает интересующий нас процесс против Сахаровского центра, в определенных случаях они даже способны навязывать закону свою волю.

Угрожающий результат суда над выставкой "Осторожно, религия!" заключается в том, что по ходу дела все ее участники стали "евреями". Крайне взрывоопасные эмоции нашли понимание у представителей закона, находились под их покровительством. Погромщики выступили в качестве основных обвинителей собственных жертв, они же и их покровители определили их "истинную" национальность. Слово "еврей" вновь становится пустым означающим, символом воображаемого всемогущества и реального бесправия. "Сионистская" выставка превратилась в плоскость проекции, на которую списывалось все что угодно, от погрома (в приговоре он признан ее результатом) до требования запретить еврейские организации в России. У вполне определенных групп людей появилась возможность не просто совершать противозаконные деяния - за ними было признано право ненавидеть и, главное, перекладывать последствия своей ненависти на других (на тех, кого ненавидят). Можно предположить, что в ближайшем будущем эти группы попытаются развить и закрепить свой успех; в таком случае неиз-

Глава 2. Право ненавидеть

147

бежно пополнятся и ряды "евреев".

Процесс, свидетелями которого мы явились во время суда над организаторами выставки "Осторожно, религия!", имеет название. В статье "О национальном покаянии" (1933) известный религиозный философ Георгий Федотов обозначил его как "переключение революционной энергии в национальную", расшифровав это определение следующим образом: "Это значит: та ярость, та одержимость злобы, которые сегодня направлены на построение классового и безбожного Интернационала, завтра будут направлены на созидание национальной и православной России. Какой кошмар! Рука, убивающая сегодня кулаков и буржуев, завтра будет убивать евреев и инородцев. А черная человеческая душа останется такой же, как была - нет, станет еще чернее... Ненависть, больная и ослепляющая, как и мания преследования, легко могут изменить свой объект... Только никакими переключениями зла нельзя получить ни скрупула добра. Одерковленное, оправославненное зло гораздо страшнее откровенного антихристианства" (50). К этим словам, написанным в судьбоносном для Европы 1933 году, пожалуй, и сейчас нечего добавить. Художник говорит с Богом

Так как выставка "Осторожно, религия!" была объявлена продуктом злонамеренного сговора, представительницы прокуратуры постоянно спрашивали свидетелей-художников, что побудило их участвовать в "кошунственной антиправославной акции". Таков был ритуальный зачин всех допросов. Художников стремились представить простаками, обманутыми коварными организаторами, которых именовали не иначе как "организованной преступной группой". Из вопросов следовало, что публичная демонстрация работ не является для художника чем-то естественным; к этому его, якобы, надо принуждать. Заурядным разговорам, не имевшим до погрома никакого скрытого смысла, женщины в темно-синих форменных мундирах пытались задним числом приписать заговорщическую значитель-

148

Свастика, Крест, Звезда

ность. Можно было подумать, что художники, как некие агенты, обменивались тайными кодами, расшифрованными следствием и прокуратурой. На самом деле государственное обвинение не расшифровывало, а создавало эти коды. В результате элементарные высказывания становились частью параноидальной теории заговора. Поскольку в деле отсутствовала юридическая субстанция (событие преступления), видимость ее наличия создавалась с помощью многозначительного тона, многократного повторения одних и тех же вопросов и обильного цитирования показаний погромщиков. В случаях когда комизм обвинения - а это случалось нередко - становился явным, представитель Московской городской прокуратуры Юлия Новичкова, игравшая на процессе роль первой скрипки, с обиженным видом поднималась со своего места и, поджав для вящей убедительности нижнюю губу, напоминала всем о серьезности слушаемого уголовного дела, о том, что присутствующим здесь, особенно обвиняемым, должно быть не до смеха.

На суде вырабатывался язык подозрительности по отношению к обычным проявлениям светской культуры. У допрашиваемых художников стремились создать комплекс вины за деяния, которые составляют суть их ремесла. Вопросы типа: "От кого вам стало известно о проведении выставки "Осторожно, религия!?", "Что заставило вас в ней участвовать?", "Были ли на выставке пропускной режим?", "Как вы оцениваете (подразумевалось: оцениваете на предмет богохульства) ту или иную работу (особенно произведение Тер-Оганяна, о котором спрашивали почти всех свидетелей)?" - имели целью создать у художников комплекс вины перед "глубоко верующими".

Иными словами, логика стороны обвинения на суде существенно ужесточилась по сравнению с предыдущими этапами.

Сначала была рядовая коллективная выставка; потом в масс-медиа прошла беспрецедентная для постсоветских времен кампания травли ее участников и организаторов; на следующем этапе экспертами был создан погромный дискурс.

На суде мы становимся свидетелями очередного витка репрессивной спирали: погромный дискурс, признающий за чле-

Глава 2. Право ненавидеть

149

нами РПЦ единоличное право громить произведения современного искусства на религиозные темы, навязывается суду и самим художникам как дискурс совершенного организаторами выставки преступления. Закон тем самым окончательно лишает формы всеобщности, подводя его под партикулярные воззрения православных фундаменталистов. Фактически место закона в деле Сахаровского центра, как и в деле "ЮКОСа", занимает политическая целесообразность. Государственное обвинение, не приведя ни малейших доказательств, признало погром закономерным, более того, запланированным организаторами следствием выставки.

Противостоять массивному давлению стороны обвинения неопытным свидетелям было нелегко. Если на предварительном следствии некоторые художники делали неосторожные высказывания потому, что за последние двадцать лет отвыкли от политически мотивированных процессов и не воспринимали ситуацию допроса всерьез, то в суде представительницы обвинения целенаправленно давили на свидетелей с целью получения нужных им признаний.

Конечно, в распоряжении теперешней прокуратуры отсутствовало такое эффективное средство получения признаний, как пытка, но многомесячная кампания ненависти в СМИ, вмешательство государства на

стороне погромщиков и эксцессы, уст-раваемые "глубоко верующими" в зале и кулуарах суда, также оказались достаточно действенными средствами устрашения. Тем более что для того, чтобы напугать постсоветских людей, нет нужды в полном арсенале заплочных дел мастеров сталинского периода. Реактивировать воспитанное в течение трех поколений двоемыслие (оружелловский double talk) несравненно легче, чем его создать. То, для создания чего когда-то потребовались реки крови, реактивируется с помощью репрессивных полутонов, которыми мастерски владеют работники спецслужб, политехнологии, законодатели и представители судебной ветви власти.

Естественно, создать конспиративный контекст в отдельно взятом уголовном процессе невозможно. Для этого требуется

150

Свастика, Крест, Звезда

изменение всего социального климата. Когда президент страны периодически клеймит получателей западных грантов как потенциальных "агентов влияния", когда генеральный прокурор рассуждает в Думе о необходимости превентивного ареста членов семей террористов во время терактов, а директор ФСБ призывает сенаторов окружить доносительство атмосферой доброжелательства, нужный климат в обществе постепенно создается. Задача обвинения заключалась в том, чтобы спроецировать этот климат на обвиняемых по делу о выставке "Осторожно, религия!".

В этом нет ничего нового. Политически мотивированные процессы всегда контекстуальны. В данном случае в их основе лежит необъявленное чрезвычайное положение, в условиях которого закон становится орудием силы, доминирующей в настоящий момент.

На суде выяснилось, что многие художники являются не просто православными верующими. Они, как следовало из показаний, стремятся воплотить веру в своем творчестве. Речь в их показаниях шла об одухотворенной, неагрессивной вере, направленной против насилия; но тем не менее утверждение, что, создавая произведения, художник общается с Богом, представляется мне архаичным. Почти никто из участников выставки "Осторожно, религия!", допрошенных на процессе в качестве свидетелей, не назвал себя атеистом или агностиком. "Какой смысл вы вкладывали в свою работу?" — спросила художника Валерия Щечкина прокурор Новичкова. "Просто иногда задаешься вопросом, насколько ты верующий человек или же в поиске новой веры", — ответил он. "Смысл своей работы я определяю как то, — сказал другой участник выставки во время допроса, — что нужно выходить за рамки житейского круга вопросов и обращаться к вопросам духовным". Еще однозначнее выразился художник Магомед Кажлаев: "Художник, — сказал он, — разговаривает со Всевышним". Число такого рода высказываний можно без труда умножить. Вся постгегелевская философская традиция восставала против допущения, что в Новое время вера может реализовываться-

Глава 2. Право ненавидеть

151

ся в произведении искусства. Искусство, по Ницше, является медиумом принципиально новой веры, которая должна освободить нас от старой, отжившей свой век религиозной веры. Каково бы было его удивление, если бы через почти полтора века он столкнулся с утверждением, что искусство выражает религиозную веру его создателя, является средством диалога с Творцом.

Отчасти здесь, конечно, сказались последствия погрома и организованной травли художников. Они были вынуждены бессознательно приспосабливаться к направленному на них и их работы языку ненависти, и "средневековость" их речей на суде, возможно, явилась результатом интериоризации репрессии. Но надо также не упускать из виду и то обстоятельство, что религия в современной России, после длительного периода государственного атеизма, привлекает как еще недавно запретный плод, к которому тянутся не только фундаменталисты, но и творческие, культурные люди.

Создалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, художники в своих показаниях противостояли погромному дискурсу, особенно в той части, которая касается фундаменталистской интерпретации их работ экспертами и погромщиками (как якобы "кощунственных" и "русофобских"). Ни один из них, несмотря на все уловки прокуратуры, не признал, что своей работой намеревался оскорбить религиозные чувства. Но, с другой стороны, за одним-двумя исключениями, никто из допрашиваемых не настаивал на принципиальной автономии языка современного искусства, его независимости от языка веры. Только на процессе, во время дачи показаний художниками я понял, насколько иной, отличной от западной, является среда, в которой существует значительная часть современного российского искусства. До этого я общался в основном с представителями московского концептуализма, наиболее конвертируемой и признанной на Западе художественной школы. В начале 90-х годов казалось, что сходные с западными условия складываются и в России, но сейчас видно, что это не так. То, что утверждало в суде большинство участников выставки, было даже не

152

Свастика, Крест, Звезда

модернизмом с его представлением о художнике-демиурге; не говоря уж о постмодернизме, в рамках которого художник отказывается от прямого утверждения, скрываясь за множеством развиваемых одновременно стратегий.

На суде сработал еще один механизм, который помог обвинению: механизм неспровоцированного

признания. Хотя, казалось бы, к началу суда было уже понятно, что государство оправдало погромщиков и легитимировало погромный дискурс экспертов, некоторые художники продолжали вести себя по отношению к нему как к доброжелательной, почти отеческой инстанции, перед лицом которой надлежит исповедываться. Такие свидетели признавались в том, о чем в лучшем случае слышали от других, но делали это так, как если бы речь шла об установленных фактах. В ситуации суда такие высказывания местами напоминали оговор, пусть и невольный. Например, на вопрос о том, какую роль обвиняемые играли в проведении выставки, художница Зражевская ответила: "Все они были кураторами". Когда адвокат спросил ее, откуда она об этом знает, ответом было: "Кажется, после выставки об этом говорил Зулу-мян". Другими словами, она передавала некий слух.

Поразительным образом все дело против моей жены основывалось на оговорках, допущенных художниками на предварительном следствии. Следователи и прокуроры оперировали этими оговорками как доказанными фактами, даже не пытаясь найти хоть какие-то независимые улики и вещественные доказательства.

Обвиненный в итоге попадает в кафковскую ситуацию. То, что государство его бездоказательно обвинило, на следующем этапе начинает работать против него. Даже если инстанция государства поступает противозаконно, в российском контексте это не означает, что тем самым оно безоговорочно настраивает против себя собственных граждан, что они будут ему противостоять. Большинство инстинктивно продолжает быть на стороне государства, и тем, кто, несмотря ни на что, выступает против нарушения закона, трудно рассчитывать на его поддержку. Асимметрия между индивидом и колоссальной коллективной

Глава 2. Право ненавидеть

153

мощью, воплощенной в государстве, по-прежнему столь велика, что попытка этого индивида защитить свои права против государства считается граничащей с безумием. В России по-прежнему ценится умение плыть на океанических волнах господствующих коллективных настроений, относясь к их смене как к природной данности. Действовать же исходя из постоянных убеждений, независимых от социальных приливов и отливов, считается, напротив, проявлением непростительного эгоизма. Носители таких убеждений отторгаются местной социальной тканью. Признание контекстуальности любых индивидуальных взглядов, готовность при необходимости до неузнаваемости их менять с давних времен считались в России предпосылкой успешного социального действия. Это предполагает инфантильную зависимость от пуповины государства, которая часто не перерезается до самой смерти. В результате якобы независимое от составляющих его граждан государство может, не ставя под сомнение свою легитимность, поколениями позволять себе нарушать законные права своих "детей".

Нынешние оговоры-оговорки являются слабым отблеском сталинской культуры признания. Мишель Фуко как-то назвал западного человека "животным признания". Однако признавалось это животное прежде всего в том, что совершило оно само, что является продуктом его самонаблюдения. Русское же "животное признания", напротив того, признается в том, что совершили другие, и притом совершили не фактически, а предположительно. Признаваясь, оно пребывает во власти воображаемого ("на нисходящей", как сказал бы Фуко, "линии индивиду-ации"). Именно эта деиндивидуализующая культура признания является средой, в которой зарождается первичная потребность в сильной руке, в отеческой опеке, в авторитаризме. За длительное время своего существования этот жест отождествления стал автоматическим; его обычно даже не замечают.

Когда на суде некоторым художникам зачитывали их признания на предварительном следствии, они делали круглые глаза и искренне удивлялись, как они могли такое сказать. Я бы охотно поверил в случайность этих признаний, если бы они не но-

154

Свастика, Крест, Звезда

сили систематический характер и не повторялись на разных этапах следствия.

Оговорка - это не просто необязательное наблюдение. В ней есть своя бессознательная логика, она содержит в себе элемент сновидности, или транса. В обычном состоянии сознания сказанное в трансе кажется случайностью, нелепым недоразумением; но наступает следующий транс, и повторяется то же самое. Когда люди, оказавшиеся в этом состоянии, узнают, что они наговорили, они испытывают чувство неловкости. После одного допроса к Анне Альчук подошла свидетельница и, узнав, что ей грозит до двух лет тюрьмы, сконфуженно извинилась за невольно вырвавшуюся фразу.

Оговорка принципиально отличается от механизма сознательного, намеренного оговора. В ее основе лежит отложенный пласт коллективного бессознательного. Это не донос; в оговорке отсутствует намерение навредить. Перед нами скорее ставший автоматическим жест исповедальности, невольным следствием которого может оказаться причинение вреда.

В 30-е годы коммунисты вроде Николая Бухарина сознательно приносили в жертву на алтарь партии свое доброе имя, "добровольно" оговаривали себя и своих товарищей, делая невероятнейшие признания, в которые, однако, верила значительная часть мирового общественного мнения. Они просили лишь о сохранении жизни, но и этого им у Сталина добиться не удавалось; их, как отработанный шлак, безжалостно выкидывали, как тогда выражались, "на свалку истории".

Сейчас механизм самооговора гуманизировался и превратился в систему оговорок; он перестал

рефлексируются как принесение себя в жертву ради высшей цели. Но отождествление с отеческой социальной инстанцией, пережив гибель царской империи и КПСС, в смягченной форме сохранилось до наших дней.

На суде никого не интересовало ни время создания работ, ни их предыстория, ни художественные направления и школы, к которым принадлежат их авторы, ни контекст, с которым и в котором они работают. Погром крайне радикализировал суждения о выставке. Неожиданно выяснилось, что скромные крити-

Глава 2. Право ненавидеть

155

ческие поползновения художников, лишь отчасти, несовершенным образом реализованные в отдельных работах (а другим работам произвольно приписанные), имели под собой в тысячу раз более веские основания, чем их авторы могли допустить в своих самых смелых фантазиях. Погром и кампания ненависти показали, в какую болевую точку современного российского общества участники и организаторы выставки "Осторожно, религия!", сами того не ведая, угодили. В начале 2003 года художники напоминали детей, в чьей песочнице одержимые совершенно другими мотивами люди провели зачистку, объявив их куличики орудиями преступления. После зачистки дети разбежались и в ужасе созерцали из своего укрытия, как их работы интерпретировались на неизвестном им языке. Следователи заставили их смириться с ролью детей, за последствия действий которых отвечают мифические организаторы. Алина Зражевская, автор работы "Не сотвори себе кумира, или Фото недорого", объявленной чуть ли не самой кощунственной на всей выставке, на суде приравняла художника к ребенку: "Я считаю, что художник, когда он создает свои произведения, ведет себя как ребенок. Это - игра, не имеющая отношения к праву или к оскорблению чьего-то достоинства. Точно так же ребенок, который построил пирамидку в виде Пизанской башни, не претендует на авторство самой Пизанской башни" (51).

Искусство в таком понимании лишается критической функции; спрашивать с художника-ребенка за плоды его работы становится делом безнадежным. Да, хочется возразить Зражевской, художник, построивший "пирамидку", не становится автором Пизанской башни, но он остается автором своего художественного высказывания. Он отвечает за свой профессиональный язык и его отстаивает. Если он этого не делает, следствию выгоднее всего прийти к выводу, что художники вообще не планировали выставлять свои работы, а принесли их в Сахаровский центр, словно в камеру хранения. Это абсурдное допущение публично никем из художников ни подтверждено, ни опровергнуто не было, в силу чего оно было молчаливо положено в основу обвинения Самодурова, Василевской и Альчук.

156

Свастика, Крест, Звезда

Организаторам выставки вменялось в вину даже то, что вход на нее был свободным, что на ней не было "пропускной системы". Современное искусство интерпретировалось прокуратурой как закрытая сектантская (в терминах фундаменталистов - "сатанистская") практика. Старания правозащитников побудить художников протестовать против требования прокуратуры уничтожить их работы также ни к чему не привели. Получается, что они молчаливо согласились с тем, что их работы, как утверждали Новичкова и Гудим, не имеют никакой художественной ценности, что их стоимость сводится к цене пошедших на их изготовление ингредиентов. После демонизации работ участников выставки "Осторожно, религия!" во время кампании ненависти в суде их потребовали уничтожить так же, как в первые годы советской власти разрушались предметы религиозного культа, не имевшие в глазах атеистов ни малейшей ценности. Теперь члены РПЦ берут реванш за недавнее унижение, круша произведения современного искусства. Никому в наше время не приходит в голову спросить их, существует ли в православных храмах пропускная система и берется ли там плата за вход. Зато ныне кураторам предлагается посадить у входа на выставки современного искусства вооруженную охрану и запросить с непосвященных такую плату за вход, что посещение "сборищ сознательных сатанистов" окажется им просто не по карману.

"Именем Российской Федерации..." Приговор по делу № 4616

Финалом изматывающего пятимесячного процесса стал приговор, вынесенный Таганским судом Москвы 28 марта 2005 года. Привыкнув за это время к демонстрации ненависти и постоянным оскорблениям со стороны "глубоко верующих", выслушав в начале марта кровавожадные требования государственных обвинительниц, наши друзья, родственники, знакомые, да и сам я потеряли всякую надежду на единственно справедливое судебное решение: полное оправдание всех обвиняемых за отсутствием состава преступления.

Глава 2. Право ненавидеть

157

Исход дела виделся в мрачном свете. Приведу свою дневниковую запись от 23 марта 2005 года, в которой выражено доминировавшее тогда настроение: "Я пишу эти строки за несколько дней до вынесения приговора, и у меня нет сомнения, что всех троих подсудимых обязательно осудят. Дело скроено таким образом, что из него нельзя вынуть ни одной части без того, чтобы не обрушилось целое. Оно способно рассыпаться от легчайшего соприкосновения со здравым смыслом.

Обвинение сфабриковано людьми, которые прекрасно знали, что они делают, и моя жена - необходимая составная часть бредового, но по-своему связного сценария. Тут возможно либо полное и безусловное оправдание всех подсудимых, либо их осуждение, пусть и условное.

Еще недавно у меня была иллюзия, что могут оправдать только Альчук, так как не было приведено ни одного доказательства того, что она была организатором выставки, но теперь, когда бредовая конструкция прокуратуры предстала во всем своем эпическом объеме, эта иллюзия рассеялась".

Приговор судьи Владимира Проценко преподнес очередной сюрприз. С одной стороны, приятный - мою жену судья оправдал за отсутствием состава преступления. Повод для радости тем больший, что в России лишь один обвиняемый по уголовным делам из более чем двухсот полностью оправдывается судами.

Оправдана была Анна Альчук только потому, что не была организатором выставки (и, надо сказать, следователь Елена Котова, подписавшая обвинительное заключение, знала это с самого начала).

С другой стороны, выставка "Осторожно, религия!" была признана преступлением, и два других фигуранта по этому делу, Юрий Самодуров и Людмила Васильевская, приговорены по статье о разжигании межрелигиозной и межнациональной розни к денежным штрафам. Наказание, другими словами, оказалось существенно мягче того, которое потребовала прокуратура.

Зато общее звучание приговора и его отдельных формулировок было воистину инквизиционным. Намерения "кураторов" погрома на этом этапе полностью проявились, и, читая приго-

158

Свастика, Крест, Звезда

вор, понимаешь, наконец, чего они добивались. Идеологическая природа дела № 4616 на стадии вынесения приговора проявилась в чистом виде. Цель процесса против Музея и Общественного центра имени А. Д. Сахарова заключалась, как выяснилось, не в суровости наказания, а в создании правового прецедента, в победе, так сказать, идейного порядка. Приговор от начала до конца выдержан в обвинительном ключе; все аргументы защиты и свидетелей защиты проигнорированы, а показания художников произвольно истолкованы в пользу обвинения. В качестве доказательств вины Самодурова и Васильевской без какой-либо критической оценки приведены свидетельства разгромивших выставку людей, мнения экспертов, свидетелей обвинения, националистических деятелей культуры и отдельных депутатов. При этом в приговоре ни словом не упомянут самый главный документ: "Обращение" Госдумы к Генеральному прокурору (скорее всего он выпущен потому, что свидетельствует о прямом вмешательстве законодательной ветви власти в сферу компетенции судебной).

Именем Российской Федерации крайне пристрастные интерпретации шести авторов заказанной следствием экспертизы признаются единственно научными (в приговоре читаем: "...авторы экспертизы проявляют предельную корректность, непредвзятость в оценках и выводах, и широту подхода" (52)), а все экспертные тексты, написанные в защиту выставки, отменяются как предвзятые, пристрастные или не относящиеся к делу. Судья Проценко по сути согласился даже не с содержанием отдельных официальных экспертиз, а с их общей обвинительной тональностью, с их направленностью на создание образа врага. Определяется в приговоре и национальность, к которой организаторы выставки якобы возбудили вражду. Оказывается, это - русские, составляющие основную массу православных верующих. В приговоре приводятся во много раз завышенные данные о числе прихожан РПЦ; к ним судья относит более чем половину населения России, тогда как на самом деле "воцерковленных", т. е. людей, регулярно посещающих церковь, по данным социологов (приведенным на суде профессором

Глава 2. Право ненавидеть

159

Юрием Левадой), в России насчитывается около четырех процентов от всего населения.

Приговор скрепляет печатью государства то, что еще недавно могло считаться частными мнениями православных фундаменталистов, а мнения их противников (даже если последние также являются прихожанами РПЦ) объявляет ошибочными и вредными. Перед нами даже более эмоциональный документ, чем экспертиза, и, как все подобные тексты, он оставляет без ответа огромное число вопросов. Осталось, например, непонятным, по каким критериям судья, который, по его собственному признанию, ничего не понимает в современном искусстве, из сорока выставленных работ отобрал десять, которые объявил способствующими разжиганию религиозной и межнациональной розни. Кто был его консультантом? Неясно, почему он счел все творчество Олега Кулика, одного из самых известных российских художников, пропагандой сатанизма, зоофилии, педофилии, т. е. фактически обвинил свидетеля в уголовном преступлении (я имею в виду пропаганду педофилии).

В приговоре десятками страниц дословно переписаны доводы стороны обвинения и полностью игнорируются аргументы защиты. В нем нет даже намека на соблюдение правила состязательности сторон, на равное внимание к их аргументам.

Получается, что приговор писался не столько в судейской комнате, сколько в тех инстанциях, которые инициировали и "курировали" дело Сахаровского центра на всех этапах его рассмотрения: в Думе, в прокуратуре, в масс-медиа и т. д. Если эти силы стремились к установлению контроля РПЦ над светской культурой, приговор выполнил все их пожелания.

Последствия погрома в нем окончательно списываются на организаторов выставки, из числа которых, правда, после пятнадцати месяцев следствия и суда исключается Анна Альчук. Приговор фактически означает, что она была заложницей, нужной обвинению для того, чтобы "устрашить" других художников, заставить их отказаться в будущем от участия в выставках на табуированные темы.

Не стоит обольщаться мягкостью наказания на фоне демон-

стративной жесткости формулировок приговора. На показательных, прецедентных процессах значение имеют прежде всего формулировки, а в данном случае именем Российской Федерации подписано множество откровенно дискриминационных определений. Например, "кошунственных" работ судья Проценко, по одному ему известным причинам, насчитал только десять, но все (!!!) современное искусство определяется в приговоре как "знакотворческая деятельность нигилистической ориентации" (53), другими словами, то, что было частным мнением эксперта Энеевой, теперь высказывается от имени закона, приобретая всеобщий характер. Соглашается судья и с мнением эксперта Абраменковой о том, что целью выставки "Осторожно, религия!" было, с одной стороны, "стирание из социальной памяти людей религии Православия как основы русской культуры", а с другой, "насаждение иной религии, восходящей к оккультным учениям и характеризующейся религиозной ненавистью и нетерпимостью к христианству" (54). И хотя конкурирующая с православием религия в приговоре прямо не называется и об антисемитской атмосфере на процессе не упоминается, можно догадаться, какая религия имела в виду экспертом Абраменковой (на суде это всем популярно разъяснили "глубоко верующие") и почему во всех письмах представителей конфессий содержалось стандартное утверждение, что выставка, вопреки всякой очевидности, разожгла в России антисемитизм. Фигурирует в приговоре и излюбленное ненавистниками современной культуры словечко "сатанизм".

Приговор содержит термины, к которым не решилась прибегнуть даже прокуратура (например, Самодуров и Василевская обвиняются в совершении "смыслового преступления"). Можно сказать, что прокуратура потребовала более сурового наказания на основании менее идеологизированных формулировок.

Конечно, и такой исход можно считать компромиссом. Более чем за два года, прошедших с момента погрома, организаторов выставки и художников столько раз безнаказанно оскорбляли, их настолько приучили к роли жертвы, что мягкость наказания вполне могла сойти за победу. "Глубоко верующие",

Глава 2. Право ненавидеть

конечно, ждали более сурового наказания. Зато "кураторы" дела, видимо, были полностью удовлетворены: византийская "симфония" единения церкви и государства была разыграна безукоризненно.

Главной целью правящих Россией "силовиков" и обслуживающих их интересы политехнологов является создание атмосферы максимальной неопределенности, предельной неуверенности всех и каждого в отношении своих законных прав. Права должны существовать на бумаге, чтобы не раздражать мировое общественное мнение, но никто не должен действительно верить, что они защитят его в ситуации реального противостояния. Текстура приговора идеально соответствует этим целям: поверхность закона остается нетронутой, зато он подрывается изнутри. Закон есть, но писан он не для тех, кого государство сочло своими врагами. Получается, как в известном анекдоте, когда на вопрос обвиняемого: "Имею ли я право?" - следователь неизменно отвечает: "Имеете", а на вопрос "Могу ли я?" он с той же частотой дает ответ: "Не можете".

После приговора по делу Сахаровского центра носители светской культуры по-прежнему имеют право на свободное творчество, но осуществить его во многих случаях они, похоже, не смогут.

Невольно напрашивается и другой вопрос: разве мягкое наказание за несовершенно преступление более справедливо, чем наказание более жестокое, и разве для того, чтобы подсудимого оправдали, ему недостаточно быть просто невиновным, а надо быть невиновным в квадрате? Анна Альчук была не-организа-тором не-преступления, но за отсутствием состава преступления ее оправдали только как не-организатора; а не-преступле-ние, каковым являлась выставка "Осторожно, религия!", было однозначно квалифицировано судом как преступление. Юрия Самодурова и Людмилу Василевскую осудили исключительно как штатных сотрудников Сахаровского центра. Судья даже не попытался доказать их фактическую причастность к организации выставки, к формированию состава ее участников, к отбору работ, разработке концепции и т. д. А поскольку в приговоре

признается "богохульственный" характер работ десяти других художников, половина из которых являются нашими друзьями и знакомыми, получается, что теперь заложниками сделали их.

Все это омрачило радость от оправдательного приговора, на который, честно говоря, мы уже перестали надеяться. Долго пребывая в положении жертвы, начинаешь лучше понимать проблемы других людей, перестаешь автоматически отождествляться со своим эгоистическим интересом. Неслучайно многие правозащитники в прошлом сами прошли через репрессии, это дает им возможность лучше понимать состояние людей, оказавшихся в тяжелом положении. Судебные инстанции наглядно продемонстрировали, что в идеологически мотивированном процессе виновным может оказаться просто неудобный человек, нужный, так сказать, для списка, для придания процессу необходимого "объема".

Дело светской культуры, за которое велась борьба на протяжении более чем двух лет, можно, читая приговор, считать проигранным. Перед нами, как и в случае с процессом Ходорковского, классический пример зависимости суда (самостоятельного лишь формально) от внесудебных инстанций, прежде всего от вертикали исполнительной власти (во многом состоящей из силовиков), которая с 2000 года единолично

правит Россией.

Прецедент защиты судом интересов большинства, кроме всего прочего, таит в себе потенциальную угрозу не только для правозащитников и художников (для них она уже сейчас более чем реальна), но и для всех других меньшинств. Приговор подводит правовую базу под русский национализм, расширяя православие в интерпретации РПЦ до основы всей "тысячелетней русской духовности" и приравнивая игровое обращение с религиозными и другими символами (многие из которых не имеют отношения к православию) к сознательному оскорблению всего русского народа. Паства РПЦ многократно увеличивается, таким образом, за счет тех русских, которые идентифицируют себя с православием культурно, но в церковь либо не ходят совсем, либо посещают ее крайне редко. Тем самым наполняется содержанием неправоное понятие "канонического про-

Глава 2. Право ненавидеть

163

странства", в рамках которого духовной епархией РПЦ фактически объявляется вся территория России. Защита ценностей большинства - даже если это последнее является мнимым - всегда несет в себе зловещий оттенок. Неслучайно после погрома применительно к правозащитникам и художникам их противники так часто употребляли словечко "маргиналы". Когда ценности большинства, которое еще не существует, берутся под защиту в приоритетном порядке, ставятся в привилегированное положение, речь идет не просто о защите прав членов РПЦ. Речь идет о конституировании самого этого большинства. Решением судьи Проценко православными признано подавляющее большинство русских; другими словами, их культурной идентификации с православием в приговоре придан однозначно религиозный смысл.

В приговоре появляется мотив, которого не было даже в выводах прокуратуры. Оказывается, Самодуров и Василевская разожгли вражду не только к художникам и себе самим, но вызвали у части общества вражду к православию, создав у нее ложную видимость преобладания в РПЦ фундаменталистского крыла, которого на самом деле не существует. "В обществе - гласит приговор - проявились и обратные враждебные настроения, напрямую связанные с выставкой "Осторожно, религия!", поскольку имеются группы лиц, которые считают, что в Русской православной церкви и в православной вере в целом существуют явные признаки религиозного фундаментализма, и открыто заявляют не только о недостатках в Церкви, но и недопустимо критикуют существующие в православной вере принципы, основанные на сакральности и духовности" (55). Другими словами, сотрудники Сахаровского центра должны, по мнению судьи, ответить не только за погром и его последствия, но и за осуждение погрома частью российского общественного мнения и мировым общественным мнением.

Самодуров и Василевская, читаем в приговоре, внесли раскол в общество, из-за них стали плохо думать о погромщиках и их покровителях. Судья не доказывает, что в РПЦ нет влиятельного фундаменталистского крыла (в десятках книг и статей об

164

Свастика, Крест, Звезда

РПЦ Проценко мог бы найти тысячи свидетельств того, что оно существует), а просто объявляет подобные мнения "недопустимыми", далеко выходя за пределы юридической компетенции. Подсудимых в очередной раз заставляют ответить за то, чего они не совершали и совершать не могли (в данном случае за "еретические" мнения других людей).

Еще один пассаж свидетельствует об иезуитском лицемерии автора (или авторов) приговора. При определении меры наказания общественная и правозащитная деятельность обвиняемых признается "смягчающим обстоятельством". Значит, критика войны в Чечне и другие "прегрешения" правозащитников не только не вызвали репрессии против выставки "Осторожно, религия!", но, напротив, способствовали смягчению наказания тех, кто признан ее организаторами. Думать иначе, видимо, так же "недопустимо", как и предполагать наличие в РПЦ реакционного крыла.

Вот, оказывается, какие мы гуманные! Трудно придумать более грубую пародию на христианское смирение. Читая приговор, понимаешь также, что под запрет попал весь механизм современной культуры, причем попал в худшей, неявной форме, без юридически-точного указания на то, что же конкретно запрещено.

Отныне кураторам, директорам выставочных залов и художникам предстоит каждый раз решать эту проблему на свой страх и риск. Отношение к плодам их деятельности, как следует из приговора по делу № 4616, будет зависеть от сложного стечения обстоятельств (фанатичности и влиятельности того или иного священника, степени покровительства РПЦ со стороны местных или центральных властей, психического состояния прихожан и т. д.). Уголовный процесс понадобился его организаторам для того, чтобы наглядно продемонстрировать всем, что "смысловое преступление", каковым признана выставка "Осторожно, религия!", было совершено не столько против частных лиц, сколько против государства. Штраф можно было взыскать и по гражданскому иску, но тогда государство не смогло бы проявить свои новые идеологические предпочтения в области культуры. Теперь же, когда позиция госу-

Глава 2. Право ненавидеть

165

дарства проявилась, создана почва и для гражданских исков со стороны "воцерковленных". Граница между художественным и богоборческим жестом стала настолько расплывчатой и неопределенной, что после 28 марта 2005 года малейшая трансгрессия может быть воспринята как оскорбление со всеми вытекающими

отсюда последствиями.

Другими словами, найден универсальный громоотвод для попавшего в зону турбулентности режима. Критическая светская культура и так находит все меньше поддержки в грубеющем, ориентированном на выживание обществе. РПЦ предлагает себя и, главное, принимается на роль врачевательницы социальных ран, нападая на балеты ("Распутин"), оперы ("Дети Розенталя" на либретто писателя Владимира Сорокина), выставки современного искусства (после "Осторожно, религия!" в Петербурге в начале 2004 года была разгромлена выставка "Интерактивные иконы" Олега Янушевского, а в начале 2005 года был подан иск против организаторов выставки "Россия-2"), на половое воспитание в школах и на другие религиозные конфессии (многие из которых грозно именуются "тоталитарными сектами"). Попытки Юрия Самодурова убедить суд ссылкой на западный опыт - судья Проценко приобщил к делу ксерокопии изображений на религиозные темы из каталогов европейских выставок последних лет, - судя по приговору, успехом не увенчались.

Над Россией медленно опускается культурный железный занавес, существование которого закреплено в правовом документе. После его оглашения в суде надо быть наивным, чтобы продолжать считать, что взгляды "алтарников", экспертов, деятелей культуры, иерархов РПЦ, думцев и некоторых других категорий граждан являются их частным делом.

На поверхностный взгляд может показаться, что "средневековый" приговор не выгоден российскому режиму в его нынешнем состоянии, компрометирует его. Но тогда зачем его с таким упорством продавливали?

Не затем ли, что он фиксирует вектор развития, эволюции режима в близком будущем? Не потому ли, что внутри режима вызревают силы, готовые под православными хоругвями вые-

166

Свастика, Крест, Звезда

тупить против остатков демократии и наследия Просвещения?

Дело № 4616 не является изолированным эпизодом, выпадающим из общей картины происходящего в России при президентстве Владимира Путина. Напротив, оно прекрасно вписывается в нее и дополняет множество других эпизодов: "зачистки" в Чечне, подавление свободы масс-медиа (особенно электронных), дело "ЮКОСа", шпионские процессы, постоянные нападения скинхедов на иностранцев, акции движений "Идущие вместе" и "Наши"... Переходный характер возникшего шесть лет тому назад, осенью 1999 года, режима чувствуется во всем, но уже сейчас можно догадаться, что в окраске бабочки, которая вылупится из этой куколки, будут преобладать коричневые или красно-коричневые тона.

Особенность идеологических процессов, как показывает приговор, в том, что никакая состязательность сторон в них невозможна; уже сам факт возбуждения подобных дел свидетельствует о контроле исполнительной ветви власти над законодательной и судебной. В отличие от советского периода у защиты появилась возможность задавать любые, в том числе и самые неудобные вопросы. Зато за стороной обвинения сохранилось право их игнорировать. Благодаря этому праву "алтарники" из хулиганов превратились в ревнителей благочестия, носителей "сакральности и духовности", ради которых, как следует из приговора, дозвоительно крушить культуру, т. е. духовность реальную. Дух, как справедливо полагал Гегель, находится на той ступени, которой он исторически достиг в результате всех своих предшествующих метаморфоз; его произвольное возвращение, регрессия на одну из предшествующих ступеней без помощи террора невозможны. Отсюда неправомерное звучание приговора, написанного от имени фантомальной духовности и направленного против духовности реальной, воплощенной во всех институтах культуры, а не только в "государственнообразующей" церкви.

И еще на одну мысль наводит приговор. Если христианский характер убеждений погромщиков и их вдохновителей отнюдь не очевиден (иначе как среди их жертв могло оказаться столько

Глава 2. Право ненавидеть

167

православных верующих, прихожан той же церкви, которые понимают православие совершенно по-другому?), то преступность их действий (погром и, главное, кампания травли его жертв), на мой взгляд, очевидны. Между тем судья Проценко открыто солидаризовался с сомнительными убеждениями обвинителей и пренебрег их очевидно противоправными действиями. Он не учел того, что громят всегда ради чего-то, что ошибочно принимают за святое - в этом плане у прихожан РПЦ нет никакой монополии. Данное судебное решение особенно опасно тем, что закон применен в нем в интересах самопровозглашенного большинства. Вместо того чтобы сосредоточиться на содеянном, суд умилился декларируемой чистоте намерений обвинителей и ополчился против их жертв, чью вину в плане противоправных действий он даже не пытался доказать. По сути судья согласился с одними интерпретациями против других; в число "неправильных" и "пристрастных" попали при этом все оценки профессиональных искусствоведов и арт-критиков. Поддержанное от имени государства религиозное суеверие восторжествовало над отвергнутой им наукой. Как и в деле "ЮКОСа", закон здесь перестал быть универсальным, формальным опосредующим механизмом, обеспечивающим общественное согласие. В деле № 4616 он дал заметную трещину, которую не преминули заполнить новой идеологией.

На процессе отчетливо проступил еще один лик "управляемой демократии": она несовместима со свободой совести, невозможна без работающего подобия господствующей идеологии, которое не следует, однако,

путать с тоталитарной идеологией советского периода (подобнее об этом ниже).

Выдержанный в фундаменталистских тонах приговор увенчивает сложную, многоходовую конструкцию дела. На разных его этапах были задействованы церковные иерархи, националистически настроенные парламентарии, деятели культуры и верующие, но у меня осталось впечатление, что его истинные авторы и "кураторы", подобно создателям средневековых соборов, не захотели себя назвать и за редкими исключениями предпочли оставаться за кадром. Теперь, когда нужные форму-

168

Свастика, Крест, Звезда

лировки переключались из экспертизы сначала в обвинительное заключение, а потом и в приговор, остается ждать, какие последствия они будут иметь для культуры. После краткого всплеска радости по поводу того, что Самодурову, Василевской и Аль-чук не надели наручники в зале суда, а последнюю даже оправдали, пришло сознание поражения. У искусства не только отняли право на принципиальную множественность интерпретаций - приговором оно было приравнено к антихристианской, антиправославной секте. Никто не отрицал, что современное искусство может оскорбить тех, кто не понимает его языка, но то же самое в еще большей мере относится к языку религии. На заре фотографии туземцы искренне считали, что, делая снимки, белые люди крадут их души, но никому, насколько я знаю, не пришло в голову привлечь за это к суду фотографов. В данном же случае правозащитник и музейный работник осуждены на основании наименее вероятной с точки зрения здравого смысла интерпретации их деяний.

От бесконечного повторения фраз типа "Почему вы ненавидите православие?" возник гипнотический эффект, и люди, не видевшие выставку, реагировали не на нее, а на внедренные в их сознание фразы-заклинания. В СССР бунты против официальной идеологии подавлялись внутри творческих союзов, а то, что не поддавалось идеологическому контролю, давили бульдозерами, как это было 15 сентября 1974 года, когда на пустыре в Беляево власти разгромили выставку неофициального искусства. Но тогда не было нужды вводить новую идеологию оперативно-розыскными методами - все и так знали, что ее носителем является КПСС. В данном же случае идеологию РПЦ не заявляют в качестве таковой публично, а стыдливо протаскивают решением суда. Мне кажется, в этом следует видеть признак скудости идей, которыми располагает наше время. Никто уже не ждет, что они спонтанно овладеют массами. Нет, "массы" сначала запугивают, показывая им, на чьей стороне сила, а потом инкорпорируют соответствующие идеи в приговор.

Дело длилось больше двух лет. Это время потребовалось на то, чтобы реанимировать притупившиеся после распада СССР

Глава 2. Право ненавидеть

169

инстинкты и, главное, решить, в каком новом режиме сможет работать накопленный в советский период страх, залежи которого в нас, как выяснилось, огромны и поныне.

В России образца 2005 года ощущается колоссальный дефицит легитимации власти. Прагматически она действует достаточно эффективно, подавляя очаги сопротивления еще до того, как они могут представлять реальную опасность. Но править только методами спецопераций, используя публичную политику в качестве ширмы, все-таки затруднительно и для нее. Недостаточно заранее знать итоги народного волеизъявления, контролировать масс-медиа и влиять в "нужном" направлении на сферу интеллектуальной жизни. Нужны идеи, нужно то, что хоть как-то сближает людей, возвышается над сферой прагматически действенных манипуляций. Беда, однако, в том, что большинство идей несовместимы с функционированием этого вида власти и не могут служить ей опорой. За вольтеровское "Раздавите гадину!", относившееся к католической церкви, у нас вполне можно оказаться за решеткой по обвинению в разжигании религиозной розни. Впрочем, многие мои сограждане, испытывающие аллергию на Просвещение, не религиозны в смысле готовности прощать. Они, скорее, склонны защищать свои новоприобретенные убеждения, формально христианские, с помощью насилия. Если в области политики преобладают техники максимально незаметного раздробления общества, то в сфере духа им соответствуют все более явные проявления нетерпимости. Анархия ельцинского времени, воцарившаяся под демократическими лозунгами, скомпрометировала демократию в глазах тех (а их огромное большинство), кто никогда не жил в демократических обществах, и теперь это недовольство используется для атаки на светскую культуру. Сохраняется вера в продуктивность насилия: скомпрометированное в одной (атеистической) форме, оно возрождается в другой, не менее опасной. Ибо одно дело - просвещенческий атеизм, критикующий нетерпимость церкви в отношении инакомыслящих, и совсем другое - атеизм государственный, с корнем выкорчевывающий религию, громящий цер-

170

Свастика, Крест, Звезда

кви и запрещающий верить с помощью декретов. Эти два вида атеизма отличаются один от другого так же, как церковь, несущая духовную проповедь, отличается от церкви, помогающей статусу "государствообразующей" и диктующей культуре условия капитуляции.

Без секуляризации в обществе нет господства закона, а без этого нельзя, в свою очередь, защитить права меньшинств, в том числе и культурных. Современное российское общество является продуктом столь brutальной секуляризации, проведенной насильственным, революционным путем, что сегодняшним

ответом на нее оказываются национализм и религиозный фундаментализм. Парадоксальным образом многие явления, существовавшие в царской России, официально православном государстве, где была узаконена цензура, становятся невозможными в государстве светском, к тому же отменившем институт цензуры. Форма закона в очередной раз приходит в противоречие с навязываемым ему политическим содержанием и отменяется явочным порядком, под давлением влиятельного лобби.

Прибегая к метафоре света, рассеивающего мрак религиозного невежества, европейское Просвещение боролось с предрассудками, апеллируя к разумному началу в человеке и одновременно способствуя секуляризации веры и становлению светской культуры. Верой в современном смысле слова мы обладаем благодаря Просвещению. Внедряя пародию на Просвещение варварскими методами, большевизм оказал ему медвежью услугу. Точно так же в ельцинский период были молниеносно развенчаны местные пародии на политическую демократию и экономический либерализм. Сейчас в России разве что ленивый их не лягает. В итоге под угрозой оказываются институты современной культуры, которые ассоциируются у фундаменталистов всех мастей с нанесенными им в советский период травмами.

Как показывает приговор по делу № 4616, брутальная клерикальная интерпретация произведений искусства заглушила робкие попытки самоинтерпретации со стороны художников и голоса специалистов в этой области. На горизонте замаячил

Глава 2. Право ненавидеть

171

своего рода малый сталинизм, при котором (в отличие от большого, исторического сталинизма) не столько сильны те, кто навязывают обществу свою волю, сколько слаба способность общества к сопротивлению. Похоже, именем Христа русскую культуру могут "зачистить" не менее эффективно, чем когда-то именем Маркса. Если это удастся, вольтерьянство Пушкина, антиклерикализм Толстого, атеизм Маяковского, номадизм Хлебникова и многое-многое другое будет вспоминаться как далекий прекрасный сон. Если в советский период большевиками варварски отстаивались ложно понятые интересы разума, то теперь именем Российской Федерации освящаются ложно понятые интересы веры.

На бессознательном уровне такое отношение связано, вероятно, с тем, что недавние жертвы, почувствовав за собой силу, склонны вести себя по отношению к другим так, как палачи еще недавно вели себя по отношению к ним самим.

Это является, впрочем, слабым утешением для жертв их собственного фанатизма.

Главное все же в другом: похоже, за отдельными эксцессами скрывается масштабный политехнологический проект, в рамках которого государственным институтам (скорее всего по их же заказу) рекомендуется официально закрепить особый статус РПЦ и связанные с этой церковью дискурсивные практики. Все эти практики ориентированы на идеализированный, сусальный образ российского прошлого, имеющий мало общего с реальной историей страны.

Так, например, недавно в телепрограмме "Культурная революция" Глеб Павловский, известный политехнолог, руководитель Центра эффективной политики, предлагал вернуться к "Домострою", к принципам патриархального быта и единоличной власти главы семьи. Женщинам, рассуждал он, лучше вообще не работать, сидеть дома, воспитывать детей, готовить еду, короче, следовать разделению половых ролей, предписанному "Домостроем", созданным в XVI веке. Женщины сами об этом, якобы, только и мечтают, не говоря уж об их вполне состоятельных мужьях.

172

Свастика, Крест, Звезда

Бредовое ядро этой конструкции обнаружить нетрудно: это среднестатистический состоятельный российский мужчина, который якобы не хочет, чтобы его жена работала. Такого среднестатистического господина в России нет; миллионы женщин работают вовсе не от нечего делать, а чтобы прокормить свои семьи, причем часто их заработок является основным. А что уж говорить о такой "патологии", как сотни тысяч женщин, которые воспитывают детей без мужей - проект новейшего "Домостроя" их вообще не предусматривал.

Политехнологи из Института национальной стратегии продвигают проект Новейшего Средневековья. Государство должно, по их рекомендации, решительно порвать со многими предрассудками Просвещения. Не надо, например, думать, что человек управляет историческим процессом. Этому ложному представлению предлагается противопоставить "агиополитику Православия", признав воздействие святых и священных предметов на ход истории, противопоставив антропоцентризму примат чуда.

В подобных проектах не было бы ничего особенного, если бы они выражали точку зрения их авторов и стремились убедить в ней читателя. Но дискурсивный и институциональный статус этих проектов иной: политехнологи прямо, через голову читателя, обращаются к властям предержащим, к государству с предложением радикально изменить культурную политику. Приведу цитату из проекта Новейшего Средневековья: "...государственная поддержка Церкви должна быть ориентирована не только и не столько на удовлетворение ее материальных нужд, сколько на создание нового идеологического баланса в сфере медиа, образования и интеллектуальной жизни. Прежде всего это предполагает высокую степень "теологизации" большинства идейных и социальных тем, в частности - ниш, традиционно занимаемых представителями прежних идеологических парадигм: права человека, социальное неравенство, культурные и национальные вопросы" (56). Здесь возникает вопрос: в каком отношении предлагаемые преобразования

стоят к существующему закону? В какой мере "теологизация" куль-

Глава 2. Право ненавидеть

173

туры и "создание нового идеологического баланса" совместимы со светским характером российского государства, с закрепленными в Конституции правами культурных, религиозных, сексуальных и других меньшинств?

Политтехнологии, во всяком случае, в их российском варианте, можно определить как непрерывный эксперимент по вымыванию из закона правовой субстанции, замене ее сиюминутными, прагматически выгодными конструкциями. Закон вроде бы есть, но создан "новый идеологический баланс", соответствующая тема, скажем, права человека, "теологизирована", т. е. выведена за пределы закона. "Домострой", Новейшее Средневековье, Евразийский проект, Русь православная - выбор тем, прямо скажем, невелик. Все эти проекты объединяет ретроориентация и подчеркивание ведущей роли Русской православной церкви (а вовсе не православия, так как в России существуют и другие православные конфессии) в духовной жизни страны.

Политтехнологи изготавливают свой продукт по заказу исполнительной власти, находящейся в руках "силовиков"; она, а вовсе не читатель—их истинный адресат. Социальные последствия того, что они проповедуют, и даже сама реализуемость их предложений, не находятся в центре их интереса. Вполне вероятно, что они осознают фиктивную природу своих конструкций лучше, чем их советские предшественники. Реальная задача подобных проектов не в том, чтобы отражать фактическое положение дел, а в том, чтобы, опираясь на фанатизм относительно немногочисленных, но агрессивных групп граждан, подводя под него теоретический фундамент, устрашать большинство, делать его раздробленным и пассивным. Политтехнолог подстраивается под востребованную в данный момент фикцию, а затем продает ее государству как собственный оригинальный продукт.

Если приглядеться, продукт этот - наш собственный страх, неуверенность в наличии у нас защищенных законом прав. Представители новой профессии превращают эту особенность постсоветского бессознательного в свой бренд, придают ей форму товара.

174

Свастика, Крест, Звезда

Проект Просвещения был, как известно, направлен не против евангельского христианства, а против его извращения нетерпимостью, фанатизмом и суеверием. Этот проект лежит в основании современных правовых государств, которые не признают и не предусматривают особых прав национального и религиозного большинства. Как показывает опыт XX века, защита прав большинства чревата эксцессами фашистского типа.

Неверно увещевать церковников и их покровителей словами: "Как же вы можете благословлять войну и в то же время громить выставку современного искусства?" Правильнее будет установить между этими событиями логическое отношение импликации: именно потому, что война благословляется, преследованию подвергаются выставки, балеты, оперы и книги. Искусственные "смысловые" преступления синтезируются там, где обычные преступления не называются своими именами.

В приговоре по делу Сахаровского центра, вступившему в законную силу 5 июля 2005 года, доминирует образ тотально православного народа, готового всеми средствами защищать себя от "богохульства" и "кошунства", к которым приравнены обычные проявления светской культуры. Противостояние между православными фундаменталистами и представителями светской культуры, среди которых были и православные верующие, продолжалось два с половиной года, и за это время не возникло даже намек на диалог. В распоряжении фундаменталистов не оказалось главного орудия вменяемого обмена мнениями: современного артикулированного языка. Слова вроде "кошунство", "русофобия", "жиды", "святотатство" для целей обсуждения не годятся, более того, обсуждения не предполагают. Это словарь для внутреннего употребления; им пользуются люди, которым и так все ясно.

Напротив, культура - это сложная условность, напряженное пространство беседы. Это место, где другого стараются понять, а не устрасить силой своего пафоса. Нагнетание пафоса нужно гонителям критической светской культуры для того, чтобы напугать спрашивающего, заставить его отказаться от вопроса.

Я неоднократно убеждался, что наиболее правоверные в не-

Глава 2. Право ненавидеть

175

давнем прошлом элементы советского общества ныне сплошь и рядом оказываются приверженцами православного фундаментализма. Те же, кто, подобно правозащитникам Ковалеву, Под-рабинеку, Алексеевой, в советские времена боролись за свободу совести, а сейчас не скрывают своего скептицизма или агностицизма в вопросах веры, все чаще безапелляционно объявляются врагами православия и русского народа. Таким образом меняется вектор репрессии, но не ее структура. Точнее, вектор меняется с атеистического на религиозный для того, чтобы сохранить в неприкосновенности само право на репрессию... то самое, которое Просвещение радикально поставило под вопрос.

Подводя итоги. Дело о "кошунстве" в историческом контексте

Призрак бродит по России, призрак религиозного национализма и нетерпимости, и что может разгневать его в следующий раз, никто не знает. Внешние признаки православия, которыми он себя украсил, обеспечивают

ему в будущем индульгенцию за любой проступок. Более того, отвечать за последствия нетерпимости предстоит, как показывает дело Сахаровского центра, ее жертвам.

"Зачистка" культуры началась, и, похоже, в условиях необъявленного чрезвычайного положения, при котором Россия существует с начала второй чеченской войны, проводиться она будет достаточно жесткими методами.

При советской власти действовал ряд карательных законов, в соответствии с которыми судили сначала "врагов народа" (знаменитая 58-я статья сталинского времени), а потом диссидентов. Теперь таких законов в Уголовном кодексе нет; к тому же Россией признан приоритет международного законодательства перед национальным в тех случаях, когда они противоречат друг другу. По советским законам можно было покарать политических противников, применяя их букву, но чтобы использовать в аналогичных целях нынешние законы, их надо предварительно исказить.

176

Свастика, Крест, Звезда

В советские времена применялся закон, в который были прямо вписаны "идейные", политические преступления (например, "распространение слухов, порочащих советский государственный и общественный строй"). Действующий сейчас закон таких преступлений не предусматривает - их нужно предварительно синтезировать. Буква закона не поддерживает нагнетаемый идеологический пафос; поэтому давление на правосудие приходится одинаково энергично оказывать на всех этапах дел о "смысловых" преступлениях. Когда президент Путин говорит о "диктатуре закона", не надо забывать, что он имеет в виду в числе прочего и торжество над его буквой. Способы давления на правосудие являются тщательно скрываемыми тайнами исполнительной власти, которая гордится своим умением упаковывать даже явные нарушения закона в подходящие правовые личности.

Значение обсуждаемого в этой книге дела о выставке "Осторожно, религия!" состоит в том, что на "первом идеологическом процессе в современной России" была предпринята попытка синтезировать "смысловое" преступление. Сделано это было при свете рампы. Из-за гласности разбирательства и доступности всех документов, связанных с делом, стало невооруженным глазом видно, как формируется ткань идеологического преступления. Это дело не исчерпывается юридической стороной, формальными нарушениями закона, на которые указывали адвокаты. Юриспруденция вторгается здесь в сферу духа, законы которой в силу их сложности не поддаются адекватному переводу на формальный язык права. Поэтому, хотя Самодуров, Василовская и Альчук обвинялись в том, что они вступили в "преступный сговор", что они "путем уговоров" привлекли к участию в выставке художников и тем самым разожгли в России религиозную и межнациональную рознь, в суде доказывать эти обвинения даже не пытались. Речь на процессе шла о праве на интерпретацию произведения искусства, о роли религиозных символов в современном искусстве, о том, где можно и где нельзя экспонировать те или иные произведения.

Представители стороны защиты исходили из того, что вера, в отличие от

Глава 2. Право ненавидеть

177

суеверия, использует внешние религиозные атрибуты осмысленно и свободно, что она не определяется ими. По мнению ее представителей, назвать произведение искусства иконой или другим священным символом кощунственно прежде всего в точки зрения веры; многие из участников выставки, будучи религиозными людьми, потому и ходят в церковь, что не считают свои работы священными объектами.

На уголовном процессе мы были свидетелями искусствоведческих споров, не имевших отношения к букве обвинения. Судили явно не за то, что значилось в обвинительном заключении.

Неслучайно сторона обвинения за два года не ответила ни на один из заданных ей вопросов; малейший намек на дистанцию обрушил бы всю параноидальную конструкцию, за которую цеплялись погромщики и их сторонники. Все в итоге уперлось в представление о чуде, совершающемся в молчании и словами невыразимом. Почему эти люди крушили то, что, как они уверяли, для них свято, так и осталось тайной. Если бы "алтарники" разгромили ложные кумиры другой религии, за которые они приняли произведения искусства, это оставалось бы варварством, но в их действиях присутствовала бы логика. Если же художниками были поруганы именно православные святыни, деянием веры было бы их спасти, но никак не разрушить. Здесь же со "святынями" поступили как с языческими идолами.

Я бы отметил в деле Сахаровского центра еще одну любопытную закономерность: чем ниже мы опускаемся по социальной лестнице, тем больше чувств, тем сильнее эмоции, тем выше градус фанатизма. Для политтехнолога, занятого в год выборов формированием имиджа блока "Родина" (он раскручивался отчасти на этом деле), или сотрудника президентской администрации, озабоченного тем, как бы на парламентских выборах отобрать побольше голосов у коммунистов и вывести из игры правозащитников, критикующих власть за войну в Чечне, разгром небольшой выставки представляется незначительным эпизодом. На этом уровне доминирует расчет, а эмоциональная сторона развязываемых процессов не учитывается. Когда среднестатистический думский депутат голосует за "Обращение" к

178

Свастика, Крест, Звезда

Генеральному прокурору, он присоединяется к модному в год выборов патриотическому настроению и угождает исполнительной власти в обмен на обещание дать ему переизбраться на следующий срок. После

получения "Обращения" Генпрокурор должен на него реагировать, а так как Сахаровский центр уже назван виновным в разжигании религиозной и межнациональной розни, речь идет лишь о правовом оформлении этого обвинения: надо разобраться и наказать тех, на кого указали "слуги народа". Это дело - государственное, его следует взять на особый контроль, то есть обязать нижестоящего прокурора следить за тем, чтобы пожелания Думы были выполнены, а виновные наказаны.

Рядовому следователю трудно понять, в чем, собственно говоря, в данном случае состоит преступление (привычки заводить дела о "смысловых" преступлениях еще нет, это - пилотный проект); поэтому к нему приставляется "куратор", головой отвечающий за то, чтобы дело "дозрело" до суда.

Следователь, преодолевая явное нежелание под видом улики собирать непонятные произведения и злясь на воцерковленных, которые донимают его своими письмами и визитами, по требованию начальства приводит тем не менее в действие процессуальную машину. А раз машина заработала, раз протоколы допросов ведутся, письма верующих в большом количестве поступают, без "крайних" не обойтись. Поскольку судить всех сорок участников выставки нереально, в соответствии с известной тактикой выбирают трех "зачинщиков" (двух из-за занимаемых ими должностей и одного, чтобы послать другим художникам сигнал на будущее).

На этом этапе на помощь следствию приходят эксперты. Они все как на подбор оказываются православными фундаменталистами (опять сработала государственная воля: осудить любой ценой). Ни один специалист по современному искусству не имел ни малейших шансов попасть в число экспертов, так как непрофессионализм служил в данном случае критерием отбора в эксперты. В результате появляются "научные" основания осудить ни в чем неповинных людей.

Глава 2. Право ненавидеть

179

Дальше смутных очертаний дело так и не пошло, ни одного доказательства "преступного сговора" приведено не было, но, оказывается, в России образца 2004 года передать дело в суд можно и в таком, наскоро слеполенном виде.

Когда я пишу в этой книге о "погромных структурах", я, естественно, имею в виду все перечисленные группы, а не только непосредственных исполнителей.

Рано или поздно политика "активных мероприятий" и спецопераций, пришедшая в последние годы на смену публичной политике (какой бы ущербной эта последняя ни была в 90-е годы), обернется против государства, которое к ней прибегает. Цинично рассуждая о ближайшей политической выгоде, нынешняя власть подрывает в чуть более отдаленной перспективе основы правопорядка и способствует укреплению сил крайне националистического, фашистского толка. Так что, когда представители этой власти на Западе не устают повторять, что, если им откажут в поддержке, на их место могут прийти крайние националисты, они забывают упомянуть, что сами же прокладывают им путь.

Конечно, пока религиозно-националистические проекты сочиняются под заказ и реализуются оперативными и судебными методами, час националистической революции не пробил, время харизматических лидеров националистического толка не наступило. Но каждая удачная операция приближает его наступление, и те, кто сейчас, в упоении своим идейным всемогуществом, за солидное денежное вознаграждение специализируются на подрыве существующего закона, могут на следующем витке спирали стать жертвами собственных интриг.

Процесс над организаторами выставки "Осторожно, религия!" - первый в постсоветской России процесс, в котором прямо задействованы инстинкты толпы, применены приемы ее натравливания на избранных жертв. Фанатизованная толпа в его рамках на разных этапах дела пыталась (и довольно успешно) диктовать свою волю органам правосудия; она осуществляла давление на Мосгорсуд в день принятия решения об оправдании "алтарников", и она же заполняла здание Таганского

180

Свастика, Крест, Звезда

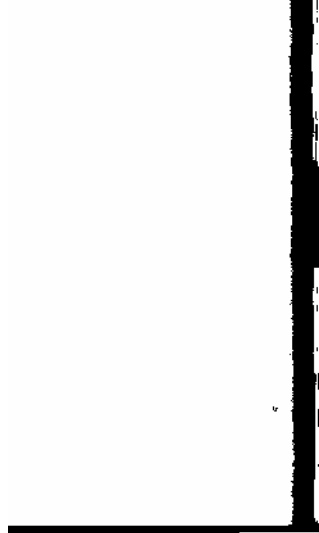
Глава 2. Право ненавидеть

181

суда во время слушаний по делу о "кошунстве". Это был как бы хор греческой трагедии, собравшийся поддержать своего хорева-та, государственное обвинение. Своим присутствием в зале эти люди доказывали, что ненависть, на основании которой судят Самодурова, Васильевскую и Альчук, является не выдуманной, а совершенно реальной, воплощенной в них, прихожанах РПЦ. И хотя страдали эти люди не от выставки, которую почти никто из них не видел, и не из-за всемирного сионистского заговора, а от собственной неспособности к усложнившейся после распада СССР жизни и от того, что государство бросило их на произвол судьбы, это мало что меняет в логике ситуации. Они приписывали свои страдания, которые более чем реальны, проискам врагов, на которых им указали. За ними было признано право на самосуд. Они почувствовали, что могут испытать фантомальное облегчение, приняв наркотик ненависти. Хотя в молитвенниках, лежавших на их коленях, написано было совершенно другое, желали они одного: чтобы их воображаемые враги были как можно более сурово наказаны.

Диалог с воцерковленными оказался невозможным не потому, что они не снисходили до спора с "врагами царя и отечества"; наоборот, чувства ненависти они преисполнились потому, что им нечего было сказать, что чувство это представляло собой единственный язык, которым они обладали. Их попытались

использовать как орудия социальной терапии, отказывая им в терапии духовной, в которой они отчаянно нуждались. Эти поддержанные государством "врачи" куда опасней болезни, которую им поручили лечить. Закон предусматривает, что в делах о разжигании межнациональной и межрелигиозной розни в наличии должны быть три группы: те, кто разжигает; те, против кого разжигают; и те, у кого разжигают. Из процесса против Сахаровского центра начисто выпала ключевая группа: те, кто разжег ненависть. В результате получилось, что организаторы выставки и художники разожгли ненависть к самим себе; их заставили сыграть роль ненавидимых и разжигателей одновременно. Впрочем, один раз в суде появился представитель группы, которая разжигала (и

разожгла) ненависть к участникам выставки "Осторожно, религия!". Это был депутат Думы Александр Крутой, который, в бытность ведущим телепрограммы "Русский дом", обратился к огромной аудитории со словами: "На тех, кто не будет писать заявления в прокуратуру на участников выставки "Осторожно, религия!", лежит печать антихриста!".

Но его появление в здании суда скорее исключение. Представители этой группы и, главное, их властные покровители остались в тени. Не только возбудить дело против настоящих разжигателей вражды и возбудителей ненависти к подсудимым и их коллегам, но и просто назвать их в нынешнем российском политическом климате оказалось делом нереальным.

Итак, в отличие от погрома, осужденного многими, кампания ненависти, развязанная в масс-медиа, выпала из поля публичного внимания. Пресса ограничилась обсуждением того, оскорбили художники верующих или нет. Но механизм ненависти, способ создания нового образа врага, казалось, никого не заинтересовал. Неназванность основного преступления, разжигания ненависти против художников и правозащитников, обеспечила успех "активного мероприятия" в целом.

Да, подсудимые, подчеркнул в заключительной речи на суде адвокат Юрий Шмидт, вызвали ненависть, но не ту ненависть к третьей группе лиц, которую имеет в виду закон: они возбудили ненависть к себе самим. Правильнее сказать, они даже не возбудили ненависть, а подверглись ей, стали ее жертвами.

И в этом следует видеть крупное поражение светской культуры.

Значимым событием выставка стала исключительно благодаря мощи искусственно спроецированных на нее чувств. Увидев ее, люди, так страстно предававшие ее анафеме, были бы разочарованы. Искусство несколькими рывками (сначала участниками кампании ненависти, затем экспертами, следователями, прокурорами и, наконец, судьей) было поднято на уровень религиозной конфессии; ее организаторов судили за еретическую, антиправославную религию (сознательный сатанизм), которую они якобы втайне исповедуют, делая вид, что занимают-

182

Свастика, Крест, Звезда

ся современным искусством и правозащитой. При этом, естественно, избежать демонизации подсудимых не удалось.

Напрашивается и еще один вывод. После распада СССР 15 лет тому назад особенно четко проступила разница между режимами, еще недавно объединявшимися под общей рубрикой тоталитаризма. Если коммунистический советский эксперимент состоялся благодаря широкомасштабной экспроприации и полному обобществлению частной жизни, фашизм на тотальную экспроприацию не отваживался. Он сохранял частную жизнь, поставленную, правда, в жесткие рамки, за которыми начинался террор. В коммунизм сталинского образца должны были активно вовлекаться все. Это был вопрос жизни и смерти. Даже физическое выживание высших слоев номенклатуры гарантировано не было; разрозненные островки частной жизни рассматривались как очаги пассивного сопротивления и по возможности подавлялись. Исторический фашизм развивался в обществах с традиционными институтами и подчинял их себе в той мере, в какой это диктовалось необходимостью в идеологической унификации, но полностью переделать

старые институты - церкви, университеты, суды, корпорации - за полтора-два десятка лет было нереально. Опыт России в XX веке иной. Все поименованные институты были в советский период перекроены, причем перекроены радикально. После первоначальных богоборческих гонений, в самый разгар войны, в 1943 году, по инициативе государства была возрождена к жизни Русская православная церковь. Она сформулировала и осуществила доктрину "патриотического служения" атеистическому государству. За 75 лет коммунистического правления возник и "новый человек", ориентированный одновременно крайне эгалитаристски и крайне консумеристски. Когда вчерашний член КПСС, только что сдавший свой партбилет, тот, чьи предки строили рай на земле и исповедывали атеизм, в условиях травматических перемен вновь, как ему кажется, обретает веру в Бога, он логично приходит в церковь, которая не мыслит себя вне государства. В его вере, если приглядеться, еще преобладает стремление к социальному воспри-

Глава 2. Право ненавидеть

183

нанию, обрести которое возможно лишь в лоне этой церкви. Немало в новообретенной вере и непереваренной агрессивное[^]ти, канализовать которую лучше всего способна церковь с "государственническими" амбициями. Наступательность позиции этой церкви находится в прямой зависимости от поддержки государства, которую в последние годы она все чаще получает. Заложницами нового альянса становятся существенные фрагменты светской культуры, раздражающие РПЦ и ненужные российскому государству в целях его внутренней легитимации.

Национал-социализм также рассматривал современное ему искусство, половое воспитание и гуманизм как проявления вырождения и "объевреивания" немецкой культуры, но крайне настороженно относился он и к христианству. В случае военной победы он сам рассчитывал развиваться до масштабов новой религии. В России же, напротив, опирающееся на силовые структуры государство использует в целях дополнительной легитимации церковь, которая домогается признания особого "государствообразующего" статуса.

Опасность такого развития состоит в том, что в результате государство может (de facto, если не de jure) утратить свой светский характер.

Во всяком случае, приговор по делу № 4616 является шагом в этом направлении.

Уже сегодня 58% россиян одобряют лозунг "Россия - для русских!", а три четверти граждан считают советский строй более справедливым, чем нынешний, и видят причину всех своих бед в грабительской приватизации. В этой ситуации не только художники и правозащитники рискуют стать объектами "на-родной" ненависти и лишиться права на профессию в условиях, когда государство, в отличие от советского периода, вовсе не собирается брать их на обеспечение в качестве идеологических работников. Зря некоторые из них потирают руки, произнося сакраментальное словечко "госзаказ". Его не будет. Зарабатывать на жизнь на новом, сузившемся сегменте рынка предстоит им самим. В результате для кого-то ситуация может оказаться хуже советской, когда издержки политической несвободы граждан полностью взяло на себя государство.

184

Свастика, Крест, Звезда

Когда нас хотят уверить, что в России с "титულიй нацией" и с "государствообразующей религией" мы будем наслаждаться свободной от вмешательства государства частной жизнью, речь, конечно, идет о крайне зауженном ее понимании. Для многих видов интеллектуального труда в ней не останется места. В творчестве частное и социальное перемешаны настолько тесно, так незаметно переходят одно в другое, что, покушаясь на ту или иную сферу креативности, упраздняют и соответствующую ей форму частной жизни. Люди - существа слишком развитые, их невербальные возможности слишком велики, чтобы интериоризовывать запреты буквально. Эвфемизм "не замечать" служит в данном случае знаком достаточно активного отношения - попустительства. При известных в истории фашистских режимах отношения между людьми неизменно грубели и пропитывались проявлениями жестокости, которая якобы вытеснялась вовне, направлялась на избранных жертв. Локализовать жестокость в фигуре внешнего врага не удавалось; главным врагом, врагом самого себя, всегда оказывался народ, который интериоризовал пропагандный образ врага. Неслучайно в конце войны национал-социалисты спаривали чистокровных арийцев обоего пола в целях производства расово-чистого потомства, а то, что чистокровные младенцы не были нужны ни отцам, ни матерям, представлялось им чем-то второстепенным. Воспеваемый пропагандой народ издевался не только над своим Другим (евреем, цыганом, гомосексуалистом, душевнобольным), но и над самим собой. Национализм после реального социализма, строя, в который была вложена масса энергии, будет, если он разовьется в полноценную идеологию, во многом отличен от его исторических прототипов 20-30-х годов XX века. В советский период возник и развился человеческий тип, который особо пригоден для националистической метаморфозы, в то время как и национал-социализм, и итальянский фашизм имели дело с более традиционным человеческим материалом, который они стремились радикально переделывать. У русского национализма в этом нет нужды: все нужные инстинкты сложились уже в советский пе-

Глава 2. Право ненавидеть

185

риод, когда официально провозглашался пролетарский интернационализм. Чувствительность к невербальному послылу власти доведена у homopostsoveticus до совершенства. Задача правящего класса не в том, чтобы ее развивать, а в том, чтобы не дать ей принять привычную советскую форму, предполагающую

огромные финансовые обязательства со стороны государства. Хитрость нынешней политики в том, чтобы оседлать авторитарные инстинкты масс, в то же время не давая им вновь стать "детьми" государства, навязать "заботу" о себе. Складывающийся национализм, в отличие от его исторических аналогов, справедливо позиционирует себя как шаг вперед по сравнению с принципиально безытным коммунизмом. Пока это неустойчивое состояние общества именуется "управляемой демократией", но напор на нее со стороны многочисленных националистических, фашиствующих группировок уже сейчас столь заметен, а потворство некоторым из них со стороны властей предержащих, как показывается дело против Сахаровского центра, так велико, что демократическая фикция рискует раствориться в небытии. Националистический проект все больше управляет "управляемой демократией". Закон при этом внешне остается прежним, демократическим, но его сущность безжалостно извращается на уровне истолкования и применения.

Будь большевизм и национал-социализм не просто явлениями, которые в чем-то похожи, а частями единой парадигмы, как утверждают сторонники теории тоталитаризма, на обломках коммунизма, в его колыбели не мог бы развиваться полноценный националистический проект. Сталинизм тотально вовлекал людей в очищенное от пережитков прошлого социально-идеологическое пространство. Главный вопрос при этом зачастую звучал: не "участвовать или не участвовать?", а "жить или умереть?". Режимы же националистического, фашистского типа, напротив, нуждаются в пространстве частной жизни, если соблюдается ряд ограничивающих ее условий. Претензии этих режимов распространяются прежде всего на сферу духа; частичная экспроприация, как в случае с "ЮКОСом", используется как побочное средство устранения политических оппонентов и так же, если при-

186

Свастика, Крест, Звезда

глядеться, имеет национальный вектор (все объявленные "врагами народа" олигархи в нынешней России - евреи). Публичная политика становится витриной для спецопераций или, правильной, "активных мероприятий". Генерал КГБ Леонид Шебаршин определяет "активное мероприятие" следующим образом: "Преимущественно тайное воздействие на события... в интересах содействия решению политических и оперативных проблем [курсив мой -М. Р.] путем использования дезинформации и информации... Идеология активных мероприятий проста - нанести максимальный политический и психологический ущерб оппонентам..." (57). Проводящие подобные мероприятия люди являются, с одной стороны, прямыми конкурентами людей творческих профессий, а с другой, против их методов, "преимущественно тайных", эти последние бессильны. Если выдается карт-бланш на "активные мероприятия" на территории культуры, работа в ней привычными интеллектуальными средствами становится затруднительной. Дело против Сахаровского центра "нанесло максимальный политический и психологический ущерб оппонентам" (в данном случае художникам и правозащитникам) "путем преимущественно тайного воздействия на события". Под последним я имею в виду оперативную, организационную сторону дела. К счастью, дискурсивная стратегия была в данном случае прозрачной, и по ней можно косвенно восстановить существенные фрагменты всего процесса.

Метафора "клерикального большевизма", введенная после погрома в оборот правозащитниками, в частности, движением "Общее действие", дает о логике того, что произошло, грубое, приблизительное представление. РПЦ не может занять нишу КПСС по простой причине: эта ниша не является пустой. Она занята вертикалью исполнительной власти, известной также как "президентская вертикаль", и совокупностью силовых структур, представители которых переносят на сферу политики свои профессиональные навыки (неслучайно Шебаршин пишет о "политических и оперативных проблемах" как об идентичных), изменяя в конечном итоге само понятие политического. Если КПСС захватила власть революционным путем и на протяжении

Глава 2. Право ненавидеть

187

нии всего советского периода держала свой репрессивный аппарат под жестким идеологическим контролем, влияние РПЦ определяется и дозируется государством. Если КПСС отдавала приказы, РПЦ, скорее, выполняет их. Народ сталинского времени был подобен музыкальному инструменту, из которого партия в нужное время умела извлекать звуки нужной силы. Теперь же РПЦ с помощью государства удалось извлечь из этого старого, потрескавшегося инструмента всего один звук, но и его силы оказалось вполне достаточно для того, чтобы заглушить все другие, конкурирующие звуки. Если в 30-е годы старых большевиков на фоне симфонии народного осуждения сначала заставляли каяться в предельно нереалистичных "грехах", после чего расстреливали, то в начале нового, XXI века былой силы звука хватило лишь на то, чтобы обвинить трех людей в преступлениях, которые совершили их обвинители, и приговорить двух из них к денежному штрафу. Сталинская машина народного гнева не просто обветшала. В ней появились элементы, которых раньше не было. Так, в своих письмах некоторые прихожане РПЦ требовали оплатить нанесенный им ущерб и называли его точный денежный эквивалент, как бы предлагая организаторам выставки откупиться от их праведного гнева. Жалобы на утрату здоровья, на дороговизну лекарств, на общую неустроенность также свидетельствуют о том, что сталинская машина народного гнева была перепрофилирована на борьбу за то, против чего она создавалась, - за религиозную веру. Неслучайно теперь во всех смертных грехах обвинялся уже не "мировой империализм", а "сознательный сатанизм", а место пролетарского интернационализма

занимает религиозный национализм.

Другими словами, здесь важны как преемственность, так и качественные различия, которыми нельзя пренебречь. С одной стороны, только в обществе, создавшем и экспортировавшем советскую модель, возможен такой уголовный процесс. С другой стороны, то, что объектом защиты в деле против Сахаровского центра была религиозная вера - пусть в ее формальном, обрядовом обличье - свидетельствует о наличии другой, принци-

188

Свастика, Крест, Звезда

ально отличной от советской логики. Советские методы применяются здесь в другом контексте и приобретают иной смысл.

Советский атеизм был необходимой частью системы. На одной шестой части суши строился рай, на ней реализовывался якобы разгаданный большевиками божественный замысел. В наше время, после 75-летнего перерыва, вчерашние советские люди вновь хотят получить представление о трансцендентном. И хотя вектор их усилия вроде бы противоположен предшествующему, методы в обоих случаях местами поразительно сходны. РПЦ становится центром проекций нового типа неслучайно. Только эта церковь соединяет в себе обе перечисленные черты, будучи по статусу религиозным институтом, а по происхождению структурой, в недавнем прошлом тесно связанной с атеистическим государством. Только ей накоплен уникальный опыт функционирования в рамках такого государства, и это накладывает на ее нынешнюю деятельность неповторимый отпечаток.

Путать РПЦ с православием как таковым, повторяю, неправомерно. В России существуют другие православные церкви, ни одна из которых не претендует на особый, "государствооб-разующий" статус. Конфликт РПЦ со светской культурой является продолжением ее борьбы за монопольный контроль над тем, что ее иерархи именуют своей "канонической территорией" (совпадающей с ареалом расселения этнических русских на территории России).

Поняв метафору "клерикального большевизма" буквально, мы закрываем себе путь к пониманию главного, того, что отличает теперешнюю ситуацию от той, которая ей предшествовала. Каждая из них драматична по-своему. Из того, что сталинский радикализм вторично воспроизвести не удастся, не следует, что формирующийся в современной России режим по-своему не радикален. Пока все, к чему прикасается государство, приобретает в нашей стране черты авторитаризма. Пока Россия - страна без победившей идеологии, ее место временно занимает некая логика спецопераций, "активных мероприятий", в которую время от времени вовлекается и РПЦ. По-настоящему-

Глава 2. Право ненавидеть

189

му власть разговаривает с обществом на этом тайном языке, но в последние годы он все чаще озвучивается как дискурс конкретной религиозной организации, РПЦ. Если этот дискурс восторжествует над молчанием "активных мероприятий", которые пока формально всегда завершаются "торжеством закона", "революцию силовиков" сменит в России националистическая революция. Пока сохраняется хотя бы видимость разнообразия возможностей; в разных ситуациях политики произносят разные, часто противоречащие друг другу слова. Средневековый дискурс РПЦ не содержит в себе подобных противоречий; эта церковь не скрывает своего презрения ни к экуменизму, ни к демократии, ни к закону, ни к правам отдельного человека.

Массивная социализация маргинальных групп и использование религиозных предрассудков для борьбы с политическими противниками является крайне опасным делом. В критических ситуациях к ним, правда, прибегают радикальные режимы, когда в их распоряжении не оказывается иных, менее разрушительных средств. Лучше не будить тысячеголовую гидру национализма, способную пожрать фокусников, которые хвалились своей способностью в нужное время ее усыпить. Если в деле против Сахаровского центра лежит около 7000 заявлений от прихожан РПЦ, то за блок "Родина", шовинистическое крыло которого раскручивалось на этом деле, проголосовало более девяти процентов населения России, т. е. в тысячу раз больше людей. Фундаменталистские репрессивные фантазии опасны тем, что пробуждают к жизни латентные националистические тенденции, дремлющие в значительно более широких слоях электората в кризисные времена. Демократия и либерализм, не успев пустить в российской почве сколько-нибудь глубоких корней, успели себя скомпрометировать в 90-е годы, а до этого три поколения советских людей понадобились на то, чтобы скомпрометировать коммунистические идеи. Так что из трех основных идей, находящихся в распоряжении европейского человечества, неопробованным на российской почве остался только национализм, пусть и задрапированный в религиозные одежды. Это вовсе не значит, что он будет как две капли воды похож

190

Свастика, Крест, Звезда

на свои известные исторические прототипы; но то, что национализм этот обладает значительным насильственным потенциалом, невооруженным глазом видно уже сейчас.

Люди имеют полное право не ходить на выставки современного искусства, не любить его, считать пустой забавой. Но если за кем-то из них судом признается право эти выставки громить, под угрозой оказывается вся светская культура.

Государство уже помогло погромщикам поднять планку показного фанатизма очень высоко, и даже если по приказу сверху ее временно немного опустят, от рецидивов подобных эксцессов в ближайшем будущем не будут застрахованы не только выставки.

В России идет война, которая при кажущейся незаметности подтачивает основы человеческой солидарности. Ошибаются те, кто думают, что отделены от страданий своих сограждан непроницаемым барьером, что люди гибнут, получают увечья и психические травмы в каком-то другом месте. Стоит приглядеться, и мы без труда заметим в себе, в нашем отношении к другим людям признаки нарастающей жестокости и одичания. Кампания против выставки "Осторожно, религия!" напоминает людям, не понимающим всей глубины своей затронутое™ второй чеченской войной, о том, в какое время они живут, что своими поступками (а молчание - несомненно поступок) они делают возможным. Глубоко травмированные люди при поддержке государства преподали интеллигенции урок на заданную тему: структура актуальной российской травмы. Она, как оказалось, несовместима с обычным режимом функционирования культурных институтов; культура уже не может выполнять роль буфера между воюющей и "мирной" частью страны. Погром - это военное действие в сфере культуры, перенесение на нее логики необъявленного чрезвычайного положения. К тому же память сталинских репрессий оказалась куда более живучей, чем можно было предположить несколько лет тому назад. Перед ней отступили и законы, и все более зыбкие контуры демократических институтов. Наиболее травматические события долго сохраняют свою власть над бессознательным, и

Глава 2. Право ненавидеть

191

в кризисные времена обнажаются именно они. Выставку почти никто не видел, но осудили ее почти все. Что лучше доказывает бессознательный характер этих реакций, какими бы вторичными рационализациями они ни сопровождались!

Подобные уголовные дела возможны лишь в обществе с еще свежим и исключительно интенсивным опытом политического террора, в обществе, заигрывающем со свободой, но внутренне зависимом от репрессивных институтов, не способном, другими словами, отвечать за последствия свалившейся на него свободы. Постсоветское общество демонстрирует, что охотно пользуется свободой, если она предписывается сверху, или как минимум допускается, но оно пока не в силах ее отстаивать, принимать риск борьбы за нее при неблагоприятном стечении обстоятельств.

РПЦ открыто выражает свое неуважение к закрепленному в Конституции России принципу свободы совести. В принятых в 2000 году на Архиерейском Соборе "Основах социальной концепции РПЦ" читаем: "... Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии [отходе от истинной веры-М.Р.] и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом" (58). Столь же открыто оспаривает клир РПЦ и конституционный принцип отделения церкви от государства, противоречащий ее видению себя как "государство-образующей религии" (59). Другими словами, РПЦ не мыслит себя вне государства, но для того чтобы полностью отвечать ее ожиданиям, Российское государство должно утратить свой светский характер. В обществе с демократическими законами откровенный пассеизм обречен выглядеть революционно.

На суде мы могли составить представление о том, как выглядят российские "рыцари веры": как они лгут под присягой, как бросаются с кулаками на своих единоверцев, которые осмеливаются им противоречить, как оскорбляют других людей. Не случайно, давая показания суду, один из разгромивших выставку людей проронил фразу: "Господь учил ненавидеть!". Читая официальные документы РПЦ, мы убеждаемся, что их

192

Свастика, Крест, Звезда

поведение не было простой импровизацией: ненависть к свободе совести и светскому характеру государства, в котором они живут, коренится в официальной доктрине этой церкви.

Предъявленное РПЦ притязание на приватизацию христианских символов настолько безмерно, что едва ли его удастся реализовать буквально. Но опасность, возникающую там, где за веру предлагают бороться с помощью массированной атаки на права других людей, нельзя переоценить.

Пока Россия на мировой арене успешно выдает себя за молодую демократию с некоторыми национальными особенностями, неизбежными для переходного периода, быстро превращаясь в полицейское государство, где многие из заявленных свобод и гарантированных законом прав существуют уже только на бумаге. До сих пор официальная Европа покупает эту демократическую риторику в одном пакете с нефтью, газом и другими стратегическими ресурсами.

Моей целью было показать обратную сторону официально предъявляемой миру медали; о том же, насколько это удалось, судить не мне.

Осень 2003-лето 2005 гг.

Примечания:

1. Владислав Мамышев-Монро. Свобода приходит в кандалах, -Stringer, 11-24 марта 2003 г., М., с. 23
2. Богдан Мамонов. Осторожно, искусство! - Художественный журнал № 50, май 2003 г., М., с. 73
3. там же
4. там же

5. там же, с. 74.
6. Анатолий Осмоловский. Отличное от хорошего. - Художественный журнал № 55, 2004 г., М., с. 21.
7. Обращение творческой интеллигенции по поводу преследований устроителей и участников выставки "Осторожно, религия!" - размещено на сайте <http://www.geocities.com/aakovalev/religia.htm> с. 1.
8. Письмо Владимира Сальникова - также было помещено на
- Глава 2. Право ненавидеть
- 193
- сайте <http://www.geocities.com/aakovalev/religia.htm>
9. Обращение... с. 1.
10. Письмо Владимира Сальникова...
11. Обращение... с.2.
12. Обращение...с.2.
13. Письмо Владимира Сальникова...
14. Marquis de Sade. La Philosophic dans le Boudoir, Paris, Gallimard, p. 204
15. "Русский дом", 2003 г., № 3, с. 1.
16. там же, с.1 1.
17. там же.
18. там же, с. 12.
19. Заключение экспертов по делу № 4616, с.38.
20. там же, с. 66.
21. там же, с. 11.
22. Сайт www.globalrus.ru, январь 2004 г.
23. Протоиерей Александр Шаргунов. Последнее оружие, М., "Русский дом", 2004 г., с. 161.
24. там же, с. 162.
25. там же, с. 163.
26. там же, с. 166.
27. там же, с. 171.
28. там же.
29. там же, с. 235.
30. там же.
31. там же, с. 303.
32. Шарль Луи Монтескье. О духе законов, глава XIII (Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии), цит. по: Французские просветители XVIII века о религии, Государственное издательство политической литературы, М., 1960, с. 142.
33. Сергей Ряховский. Показания на суде по делу № 4616, - размещены на сайте www.sakharov-center.ru
34. "Еврейское счастье, русские слезы". - "Русь православная", 11 января, 2005 г.
35. там же.
36. там же.
37. там же.
38. там же.
39. Отец Глеб Якунин. Обращение к руководству РПЦ по поводу "Письма 500", февраль 2005 г. - размещено на сайте www.sakharov-center.ru
- 194
- Свастика, Крест, Звезда
40. Марк Дейч. Коричневые. М., Терра, 2003, с. 174.
41. Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. Диалектика Просвещения, "Медиум", "Юнвента", М.-С.-П., 1997, с. 232.
42. Марк Дейч. Коричневые, с. 262.
43. там же, с. 256.
44. там же, с. 253-257.
45. там же, с. 220.
46. Заявление Конгресса религиозных организаций и объединений России №06-41 в Таганский суд г. Москвы по выставке "Осторожно, религия!", 17 февраля 2005 года - размещено на сайте www.sakharov-center.ru
47. Анатолия Холокоста. Начало начал. Германия 1933-1937, М., Коллекция "Совершенно секретно", 2000, с. 64-66 и далее.
48. Марк Дейч. Коричневые...с. 424.
49. "Zumindest jenseits von Kreisen islamischer Minderheiten ist es fast schon Tabu geworden, klassische antisemitische Vorwurfe gegen jüdische Mitbürger zu erheben. Wer außer den Extremisten würde heute sagen, daß Juden zur Revolution aufhetzen, finanzielle Verwüstungen anrichten, Nicht-Juden ausbeuten, die Moral und gar das Blut der Nation korrumpieren?" B: Goldhagen D. Neuer Antisemitismus? Ein globale Debatte. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2004, S. 94.
50. Русская идея и евреи. Сборник статей, М., "Наука", 1994, с. 14.

- 51 Показания Алины Вражеской на суде по делу № 4616 размещены на сайте www.sakharov-center.ru
52. Приговор по делу №4616, с. 29.
53. там же, с. 26.
54. там же, с. 28.
55. там же, с. 32.
56. Новейшее Средневековье. Геополитическая доктрина России в контексте глобальной трансформации, с.56 - текст размещен на сайте www.apn.ru
57. Цитируется по статье: Владимир Воронов. Лубянский пул. - "Досье на цензуру", (20) 2004 г., с. 124.
58. Цитируется по: Николай Митрохин. Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы, Москва, Новое литературное обозрение, 2004, с. 418.
59. там же, с. 236-237.

195

POST SCRIPTUM.

Дело № 4616 год спустя.

I.

События, последовавшие за вынесением приговора 28 марта 2005 года, подтвердили многие из опасений, высказанных в этой книге.

Сразу же после вынесения приговора по делу № 4616, весной 2005 года, в Архангельске попытались запретить фестиваль современного искусства "Теттог Incognito-2". На афише фестиваля буква "О" была нарисована в виде винтовочного прицела, внутри которого распята фигурка человека. Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон усмотрел в этом "кошунственные инсинуации относительно символа распятия Господа Иисуса Христа". Не понравилось иерарху РГЦ и то, что в фестивале участвовала молодежная организация под названием "Церковь святого коммунизма".

Свои требования епископ подкрепил ссылкой на обвинительный приговор Таганского суда организаторам выставки "Осторожно, религия!". "Я поехал в епархиальное управление, - рассказывал организатор фестиваля Дмитрий Зиновьев, - и сказал, что готов защищать свои интересы в суде. На что мне было отвечено: "Все равно проиграете". Они сослались на суд в Москве и сказали, что, возможно, штрафом мы тут не отделаемся. Безусловно, сила на их стороне. Мы пошли на их условия. .. В общем, против лома нет приема" (1).

В мае 2005 года на стенде галереи Гельмана некий гражданин уничтожил работу одного из участников выставки "Осторожно, религия!" Александра Косолапова "This is my body". При попытке его арестовать он предъявил справку о психической невменяемости. В сентябре того же года прихожане храма Николая в Заяицком заявили, что другая работа Косолапова на выставке "Русский поп-арт", открывшейся в

Третьяковской га-

196

Свастика, Крест, Звезда

лереи, вызывает в них "социальную и религиозную ненависть и потребовали, чтобы ее немедленно сняли.

Куратор выставки, обзвонив православных верующих, выяснил, что на выставке они не были, а письмо подписали потому, что священник их на это благословил.

Директор Третьяковской галереи принял решение снять работу из уже открывшейся экспозиции, обосновав его желанием "предотвратить возможный конфликт музея с авторами обращения" (2).

Очередное поражение светской культуры было особенно болезненным потому, что речь шла об одном из известнейших российских музеев, в фондах которого хранятся многие произведения антиклерикального содержания.

В конце 2005 года Госдума принимает закон о неправительственных организациях, который ставит существование правозащитных объединений в зависимость от воли исполнительной власти. Старейшее из них, Московскую Хельсинкскую группу, спецслужбы с экрана телевизора обвиняют в сотрудничестве с британской разведкой.

11 января 2006 года двадцатилетний Александр Копцев врывается с ножом в синагогу в центре Москвы и ранит девять человек. При обыске в квартире молодого человека обнаруживают литературу национал-социалистического содержания.

В различных городах России в течение всего года происходят нападения и убийства на почве национальной и расовой ненависти.

На этом безрадостном фоне Кремль, видимо, осознав опасность, исходящую от крайнего национализма, начинает кампанию по борьбе с русским фашизмом, которая набирает обороты в первые месяцы 2006 года. Стартом к ней послужило снятие партии "Родина" с выборов в Московскую городскую думу в декабре 2005 года за рекламный ролик, в котором содержался призыв "Освободить Россию от мусора"; ролик был сделан так, что у зрителей не оставалось сомнений: под "мусором" понимались выходцы с Кавказа.

Средства, которыми ведется борьба, до боли знакомы. На

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя

197

одном из государственных каналов показали, например, юного скинхеда. Эпизод первый: он идет записываться в партию "Родина", куда его тут же принимают. Эпизод второй: в комнате скинхеда рядом

стоят портреты Адольфа Гитлера и лидера партии "Родина" Дмитрия Рогозина. Юноша рассуждает о "волевым подбородке" Рогозина, о его сходстве с фюрером и о том, что, если "Родина" развалится, он с удовольствием даст ему рекомендацию в скинхеды. Через несколько недель съезд партии "Родина" отправил Рогозина в отставку. (Попутно выяснилось, что на этот пост он был в 2003 году направлен главным кремлевским политтехнологом Владиславом Сурковым в рамках проекта "Товарищ", из которого выросла "Родина".)

27 марта Александр Копцев был приговорен в 13 годам заключения. Впрочем, суд не признал в его действиях мотивов религиозной и межнациональной розни. На процессе прокурор Кира Гудим (та самая, которая год назад ничтоже сумняшеся оправдывала антисемитские эксцессы в зале Таганского суда!) клеймила подсудимого за антисемитизм и требовала максимально сурового наказания.

31 марта, по инициативе известного политтехнолога и галериста, Марата Гельмана (в 2003 году он участвовал в создании партии "Родина"), в Общественную палату при президенте России был направлен список ста российских неонацистов, в который вошли многие из тех, кто требовал уголовного преследования организаторов и участников выставки "Осторожно, религия!". Составители списка потребовали, чтобы входящим в него политикам, деятелям культуры и журналистам был закрыт доступ в средства массовой информации, чтобы их кандидатуры не фигурировали на выборах и т. д. В тот же день еще несколько политиков и деятелей культуры создали Комитет гражданского сопротивления шовинистическим, расистским и неонацистским проявлениям в российском обществе.

Теперь, вне всякого сомнения (я пишу это в начале апреля 2006 года), мы стали свидетелями организованной кампании по борьбе с неонацизмом, исходящей из недр президентской администрации. Те, чьи услуги еще недавно пользовались

198

Свастика, Крест, Звезда

Для травли художников и правозащитников, сами попали под обстрел тяжелой артиллерии Кремля. Казалось бы, надо порадоваться тому, что еще недавно безнаказанно сеявшие ненависть люди перестали пользоваться благосклонностью "вертикали власти" и названы своими именами!

Однако радости нет. Во-первых, громят расистов и антисемитов теми же самыми методами, с помощью которых в 2003-2005 годах травили и преследовали других. Заказчики остались теми же; изменился лишь вектор их усилий. Во-вторых, неонацистов предлагают лишить доступа к средствам массовой информации, т. е. поступить в ними так же, как до этого поступили с правозащитниками, политиками и журналистами демократической ориентации, с критически настроенными художниками, писателями, философами.

Другими словами, предлагается расширить проскрипционный список. Между тем я остаюсь приверженцем вольтеровской максимы, гласящей: не разделяя ваших взглядов, я готов сделать все, чтобы вы имели возможность их высказывать. Мне глубоко антипатичны воззрения господ Александра Крутова, Николая Леонова, Александра Шаргунова и иже с ними, но я меньше всего хотел бы, чтобы им просто заткнули рот. В пределах, очерченных российским законом, их надо опровергать в открытой дискуссии, а не превращать в мучеников национальной идеи, давая им возможность действовать в подворотне, являющейся, кстати говоря, идеальной средой для распространения шовинизма.

Подобный образ действий к тому же контрпродуктивен Джон Милтон правильно сказал: "Отделяться от неугодного учения, подвергая его цензуре, значит уподобляться бравому господину, который надумал бороться с воронами, закрыв ворота у себя в парке" ("To keep out evil doctrine by licencing is like the exploit of that gallant man who thought to keep out crows by shutting his park gate"). У идей есть слишком много путей к своим потенциальным сторонникам, чтобы их можно было искоренить с помощью запрета. И наконец, в-третьих, нельзя эффективно бороться с неонацизмом с помощью имперской, державнической пропаганды, занятой поисками врагов России

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя

199

буквально заполонившей российские масс-медиа в последние годы. Эта пропаганда слишком близка к тому, что теперь с ее помощью стремятся опровергнуть. Вычитая из неонацизма антисемитизм и сохраняя другие его элементы, политтехнологии лишь (об этом позаботятся те же неонацисты) подтверждают в глазах шовинистически настроенных людей свою репутацию "сионистов". Только возвратившись к публичной политике, элементы которой последовательно истреблялись в последние годы, можно выработать противоядие и от державничества, и от неонацизма.

П.

Первоначально я думал ограничиться обзором непосредственных последствий процесса о выставке "Осторожно, религия!". До начала 2006 года я не подозревал, что мне придется пережить вторично описанные в этой книге события, причем пережить не в связи с Россией, не как местную специфику, а, так сказать, в мировом масштабе.

Речь о событиях, связанных с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете "Юленс постен". Было странное впечатление *deja vu*. Многие из аргументов, которые разбираются в этой книге, стали почти дословно повторяться в западной печати и в интернете, и я хотел бы закончить эту книгу разбором некоторых из них в свете опыта, приобретенного за три года, последовавших за разгромом выставки "Осторожно, религия!".

В отличие от исторического фашизма, относившегося к религии настороженно, а порой и враждебно,

современный национализм, причем не только исламский, все чаще выступает от имени религии. Его представители часто обосновывают свои дискриминационные требования ссылками на необходимость защиты веры. Специфика России заключается в том, что давление на принцип секуляризма оказывается в ней от имени основной традиционной религии и русского этнического большинства. При этом, если в Европе ограничиваются тем, что призы-

200

Свастика, Крест, Звезда

вакяг карикатуристов, художников и журналистов к большей осторожности в обращении с темами, могущими затронуть чувства верующих, в России поступают жестче: разрушают непонравившиеся работы, подают в суды, закрывают печатные издания административными методами.

В связи с датскими карикатурами много писали о необходимости выработать неформальные договоренности с мусульманами, чтобы не приходилось постоянно ссылаться на закон как на единственную инстанцию опосредования. "Действующие законы, определяющие свободу выражения в демократических обществах, представляют собой не более как надводную часть айсберга неписаных соглашений между гражданами по поводу того, что они могут публично высказывать в том или ином контексте" ("The formal laws constituting freedom of expression in democratic societies are only the tip of the iceberg of unwritten agreements between citizens about what they can express publicly in one context or another") - писал шведский журналист Горан Розенберг (3). Свобода выражения без таких неформальных соглашений приводит, по его мнению, к обострению культурных конфликтов, как показывает пример Дании. Ему вторит известный английский драматург Том Стоппард: "...свобода выражения, понятая как "право человека", обречена на неудачу. Она не является неким абсолютом, которого следует требовать для [сторонников - М. Р.] любых взглядов. Оно одержит верх, если на это согласимся мы" ("...the "human right" of free speech is a non-starter. It is not an absolute to be claimed for any and every position. It will prevail when we accord it") (4).

Достижение подобных неформальных соглашений, бесспорно, желательно, но непонятно, по каким причинам те, кто не уважают законы, предназначенные для всех граждан, решат пойти на дополнительные, неформальные договоренности и даже просто на диалог. Во всяком случае, никакого диалога у московских художников и правозащитников с "обиженными" прихожанами РПЦ за два с лишним года не состоялось. Фундаменталисты неохотно говорят с другими о содержании своей веры. Те, кто придают вере тотальный характер, лишают себя

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя

201

почвы, на которой вырабатываются и формальные, и неформальные соглашения. Этой почвой является светская культура.

К тому же сам объект ненависти, как показывает дело № 4616, является виртуальным; когда она проявляется в полном объеме, оказывается, что это не более чем один из поводов. Потенциально число таких поводов огромно, в силу чего призывы не давать именно этот повод, как правило, еще и непродуктивны. В отличие от повода, причины ненависти залегают значительно более глубоко, в основном в области бессознательного. Язык ненависти настолько интенсивен, что те, на кого он направлен (в том числе и далекие от фундаментализма верующие тех же конфессий), не могут ответить на него в сколько-нибудь сравнимой тональности и, следовательно, не имеют шансов быть услышанными; их аргументы тонут в "звуке и ярости" противной стороны.

Дело о выставке "Осторожно, религия!" показало, что требования православных фундаменталистов распространяются и на то, что не имеет к религии прямого отношения. В конце концов на суде один свидетель объявил весь центр Москвы "намеренным местом", где нельзя проводить выставки современного искусства. Будь это во власти фундаменталистов, "намеренной" оказалась бы вся Россия. Сдерживало их только сопротивление противной стороны и, вероятно, сознание того, что покровительство им со стороны государства не беспредельно.

Противники публикации карикатур в "Юленс постен", в точности повторяя знакомые аргументы, указывают на их низкое эстетическое качество. Как можно сравнивать "Сатанинские стихи" Салмана Рушди, восклицает в журнале "Шпигель" профессор Пнина Вербнер (Pnina Werbner), и тривиальные изделия датских художников! "Надо проводить различие между высокохудожественным романом... и ... банальными карикатурами без особых художественных достоинств, и к тому же намеренно провокативными и неспровоцированными" ("There is a difference between a novel of great merit... and... cartoons that are in many ways trivial, have little artistic merit and are deliberately provocative and gratuitous") (5). На это британский журналист

202

Свастика, Крест, Звезда

Салил Трипати (Salil Tripathi) совершенно справедливо возражает, что различие между значительным произведением и банальной поделкой существенно в профессиональной среде, но не играет в глазах фундаменталистов (в данном случае исламистов) никакой роли. Если мы ставим своей задачей, продолжает Трипати, не провоцировать подобных людей, надо отказаться от всей критической светской культуры, а не только от ее "тривиальной" части. Тот, кто хочет, заключает он, чтобы все женщины носили паранджу, не удовлетворится их добровольным отказом от мини-юбок.

Воспроизводится в контексте карикатурного скандала и еще один знакомый аргумент. Многие участники выставки "Осторожно, религия!" оказались православными верующими. Поддержав под видом православия фундаменталистское крыло в РПЦ, государство на самом деле не заступилось за религию, а вторглось во внутрирелигиозный спор на стороне фундаменталистов. Оно утвердило определение православия, которое устраивает последних и противоречит представлениям их противников; оно признало наиболее архаические и неправовые представления "каноничными", выступив в качестве арбитра в теологическом споре. Могу себе представить, что должны чувствовать умеренные мусульмане, когда их уверяют, что пророка Мухаммеда не стоит изображать, дабы не раздражать их необузданных единоверцев. Неслучайно именно такие писатели-мусульмане, имеющие опыт противостояния исламу изнутри, как Кенан Малик (Kenan Malik) и Салил Трипати находят подобный аргумент "по сути покровительственным и даже более оскорбительным для мусульман: в его свете они предстают бездумными и вспыльчивыми существами, движимыми эмоциями" ("deeply patronizing and even more offensive to Muslims: it portrays them as unthinking hotheads influenced by emotion") (6). Просвещение, подчеркивают они, не является единоличным достоянием европейской культуры; многие мусульмане прекрасно понимают различие между запретом на изображение в религиозном контексте и его противоправным распространением на светскую культуру.

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя

203

Призывы к "умеренности", похоже, не удовлетворяют ни одну из сторон: исламисты увидят в них признак слабости, а умеренные мусульмане почувствуют себя оскорбленными покровительственным тоном подобных заявлений.

Как выставка "Осторожно, религия!", так и карикатурный скандал, остро поставили вопрос о праве на интерпретацию и о различии между оскорблением (giving offence), возбуждением ненависти (fomenting hatred) и призывом к насильственным действиям (inciting violence) (7). Те, кто в обоих случаях говорили о сознательной провокации, опирались не на профессиональную, а на фундаменталистскую интерпретацию произведений искусства. Для фундаменталистов же, во-первых, существует только их собственная интерпретация, а во-вторых, они с порога отмечают различие между оскорблением, возбуждением ненависти и призывами к насилию. Происходит это не в последнюю очередь потому, что сами они удивительно легко преодолевают порог, отделяющий оскорбление от призыва к насилию и этот последний от насильственного действия. В случае выставки "Осторожно, религия!" насильственное действие даже предшествовало насильственной интерпретации произведений искусства.

В карикатурном скандале мы сталкиваемся с уже известной диалектикой организованности и спонтанности. Из того, что протестующие толпы проявляют свои чувства спонтанно, не следует, что сами эти проявления не организованы в отношении места и времени и что за ними не стоит политический интерес. Проецируя агрессию масс на явления светской культуры, которые могут заинтересовать их лишь в очень искаженной интерпретации, светские и религиозные элиты ищут выхода из политических тупиков, в которые они себя загнали.

И в случае "Осторожно, религия!", и в карикатурном скандале изнанкой оскорбленных чувств верующих оказывается антисемитизм. Воображаемое оскорбление используется для нанесения оскорбления реальному. Реакции оскорбленных противоречивы. С одной стороны, они хотят доказать, что никакого Холокоста не было, что его придумали сами евреи (в Иране

204

Свастика, Крест, Звезда

I

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя

205

хотят устроить конференцию на эту тему), а с другой, иранская газета хочет устроить конкурс карикатур на темы Холокоста. Но если Холокоста не было, хочется спросить организаторов подобных мероприятий, то как могут карикатуры на эту тему кого-то оскорбить? А если Холокост был (а из исламистских кругов исходят утверждения, что современные европейцы практикуют "религию Холокоста" в том же смысле, в каком сами они практикуют ислам), то, публикуя карикатуры на него, они признают его историческим событием и извлекают удовольствие из издевательства над этим событием. А это - и здесь я полностью согласен с Андрэ Глюксманном (8) - не то же самое, что иронизировать в газете над тем или иным религиозным догматом. В первом случае речь идет о превращении в религию исторического события, во втором же имеет место обратная процедура: перевод религиозной фигуры в светский, некультовый контекст, подчиняющийся иным, принципиально отличным от первого законам.

Когда в 1989 году аятолла Хомейни призвал правоверных мусульман убить автора "Сатанинских стихов", консервативное правительство Маргарет Тэтчер сделало все, чтобы защитить их автора, Салмана Рушди. В этом его поддержал весь цивилизованный мир, и не потому, что роман был единодушно признан мировым шедевром, а потому, что фатва Хомейни была воспринята как покушение на фундаментальный принцип свободы слова, как агрессивный, противоправный акт. В контексте войны с террором, возникшем после 11 сентября 2001 года, этот и другие принципы перестали казаться столь самоочевидными. Некоторые политики и журналисты призывают к особой осторожности в обращении с взрывоопасными религиозными чувствами. Так, издатель журнала "Грэнда" ("Granda") Иан Джэк (Ian Jack) усмотрел в публикации и

перепечатке датских карикатур "синоним плевка в лицо партнеру" ("the equivalent of spitting at your partner") (9). Это определение мало чем отличается от утверждения экспертов по делу № 4616, согласно которому экспонаты выставки "Осторожно, религия!" можно приравнять к употреблению нецензурной брани в общественном

месте. Разница только в том, что английский журналист понимает, что датские карикатуристы не нарушили никакого закона, и обвиняет их в безответственности, а российские власти сделали шаг вперед и привлекли организаторов выставки к уголовной ответственности. Подтекстом призывов к ответственности в обоих случаях является нестабильная политическая ситуация, нарастание проявлений вражды и взаимного недоверия (буквальная цитата из Иана Джека), короче, необъявленное чрезвычайное положение.

На "ответственном" отношении к свободе слова настаивают власти и в Иране, и в Китае, и в Белоруссии, закрывая "безответственные" газеты, разгоняя "безответственные" демонстрации и т. д.

Не ведет ли, спрашивается, ограничение признанных свобод в "пропасть тоталитарных диктатур"?

Об этом предупреждал в заключительной речи на процессе о выставке "Осторожно, религия!" известный правозащитник Александр Подрабинек.

Год спустя эти слова кажутся пророческими.

В конце марта 2006 года Подрабинек участвовал в Минске в несанкционированной демонстрации белорусской оппозиции против фальсификации результатов президентских выборов. Его арестовали. Суд, покорный воле Александра Лукашенко, приговорил правозащитника к пятнадцатидневному заключению. Когда пишутся эти строки, он отбывает его вместе с сотнями других осмелившихся протестовать людей... Москва, апрель 2006 г.

Примечания:

1. Виктор Филиппов. Архангельск "Православная церковь запретила фестиваль молодежи". Известия, 18 апреля 2005 г.

2. Ирина Кулик. "Прихожане смели "Икру" ("Русский поп-арт" лишился экспоната)". Коммерсант, 6 октября 2005 г.

3. Goeran Rosenberg. Freedom of expression and its limits. - на сайте: <http://www.eurozine.com/articles/2006-03-03-rosenberg-en.html>

4. Tom Stoppard. Playing the trump card. - на сайте: <http://www.eurozine.com/articles/2006-02-17-stoppard-en.html>

Свастика, Крест, Звезда

www.eurozine.com/articles/2006-02-17-stoppard-en.html

5. Цитируется по: Salil Tripathi. Schmacks and miniskirts. - на сайте: <http://www.eurozine.com/articles/2006-02-17-tripathi-en.html>

6. Kenan Malik. Say what you think. The importance of giving offence. - на сайте: <http://www.eurozine.com/articles/2006-02-09-malik-en.html>

7. ibid.

8. Andre Glucksmann. Chos des civilisations? Non: des philosophies.

- Le Monde, 03.03.06 Основной тезис статьи Глюксманна сводится к различению между констатациями исторических фактов и явлениями, относящимися к порядку веры. К первым относится Холокост, ко вторым - различные религиозные догматы. Говорить, как это делают исламисты, что европейцы исповедуют "религию Холокоста", значит стирать черту, отделяющую факты от верований.

9. Ian Jack. Pictures, provocation and free expression. - на сайте: <http://www.eurozine.com/articles/2006-02-16-jack-en.html>

МИХАИЛ РЫКПИН

СВАСТИКА, КРЕСТ, ЗВЕЗДА.

Произведение искусства в эпоху управляемой демократии

Предисловие. Непрошенная повесть.

Глава 1. Звук и ярость. «Осторожно, религия!»: события и документы

1. Выставка/ 2. Разгром выставки/ 3. Месячник ненависти/ 4. События апреля — августа 2003 г./
5. Оправдание погромщиков/ 6. Затишье перед боем: сентябрь-декабрь 2003 г./
7. Предъявление обвинения по делу № 4616/ 8. Суд. Эпизод первый/ 9. «Встать, суд идет!»
Ноябрь 2004 — март 2005 гг./ 10. Прения сторон. 2 марта 2005 г./ 11. Приговор

Глава 2. Право ненавидеть. «Осторожно, религия!»: комментарии

Мандат на нетерпимость. Дискуссии после погрома/ Музей как «пространство Бога»/
Погромология: новая наука/ «Ипохоста на вас нет!» или как «еврей» разожгли в России
антисемитизм/ Художник говорит с Богом/ «Именем Российской Федерации...» Приговор по делу
№ 4616/ Подводя итоги. Дело о «кошунстве» в историческом контексте

Post scriptum. Дело № 4616 год спустя